
ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». МОСКВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 22 (2239)

Основан
1 апреля 1923 года

30 МАЯ 1970

ЛЕНИ

В зале заседаний.

26 мая 1970 года. Москва. Кремлевский Дворец съездов. Президиум XVI съезда ВЛКСМ.

Н С НАМИ!

Г. КОПОСОВ, О. КУПРИН

Мы не первый раз ведем репортаж со съездов Ленинского комсомола и каждый раз с волнением ждем этой минуты.

Зал Кремлевского Дворца съездов — поющий, смеющийся, сверкающий наградами на пиджаках, платьях, национальных костюмах. Как залпы — аплодисменты в разных концах зала. Так делегаты XVI съезда Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи приветствуют своих самых близких друзей — прославленных военачальников, известных всей стране Героев Социалистического Труда, космонавтов, зарубежных гостей. Гостей сегодня много — из 84 стран планеты приехали они.

И делегатов сегодня больше, чем обычно: растет комсомол, в его рядах 27 миллионов юношей и девушек. В Кремле — лучшие из лучших. У многих в руках газеты. Читают приветствие Центрального Комитета КПСС XVI съезду ВЛКСМ.

Зал заполнен, заняты все кресла. И вот — как было прежде и, наверное, как будет на следующих съездах комсомола — наступает эта минута. Салюты аплодисментов и приветствий, которые звучали то тут, то там, вдруг приобретают стройность.

— Ле-нин с на-ми! Ле-нин с на-ми!— скандируют тысячи, и аплодисменты отбивают четкий громовой ритм.

Взволнованные лица. Взволнованные и серьезные. Взволнованные и решительные. Взволнованные и счастливые.

Буря оваций бушует под сводами зала. В президиуме появляются товарищи Л. И. Брежнев, Г. И. Воронов, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, П. Н. Демичев, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, Ф. Д. Кулаков, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев.

Еще много раз гремели аплодисменты в Кремле — когда плыли по залу прославленные комсомольские знамена, когда приветствовали гостей съезда. И была минута молчания — когда съезд почтил память Юрия Гагарина.

С яркой речью на XVI съезде ВЛКСМ выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

С докладом «Отчет ЦК ВЛКСМ и задачи комсомола по воспитанию молодежи в духе ленинских заветов» выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников.

Рассказ о XVI съезде комсомола мы продолжим в следующем номере журнала.

Выступает Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Мы голосуем!

Десять вопросов корреспондентов «Огонька» избирателям

Яркая, праздничная весна! Сколько волнующих событий вобрали в себя эти несколько весенних месяцев! Большими трудовыми успехами отметили советские люди столетие со дня рождения В. И. Ленина, торжественно отпраздновали 25-летие Победы над фашизмом, и вот на пороге еще одно важное событие в жизни советского народа — выборы в Верховный Совет СССР.

Закончилась регистрация кандидатов в депутаты, во всех концах страны проходят предвыборные собрания, встречи избирателей с кандидатами. Призыв партии — отдать на выборах голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, за новые успехи в строительстве коммунизма — находит полную и единодушную поддержку всего советского народа.

Наша жизнь, наш труд, наши достижения во всех областях коммунистического созидания — лучшие агитаторы, самые убедительные пропагандисты советского образа жизни, советской демократии.

Отдавая голоса за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, мы голосуем за дальнейшее развитие социалистического народного хозяйства!

Мы голосуем за расцвет социалистической культуры!

Мы голосуем за несокрушимую оборонную мощь Советской Родины!

Мы голосуем за светлое будущее нашей Отчизны!

Мы голосуем за дальнейший подъем экономики и культуры всех народов СССР, за укрепление их братской дружбы и единства!

Мы голосуем за последовательное претворение в жизнь великого принципа социализма «Все во имя человека, для блага человека»!

Мы голосуем за нерушимое единение партии и народа, за дальнейший расцвет социалистической демократии!

Мы голосуем за миролюбивую политику Советского государства!

Мы голосуем за наше счастье!

Корреспонденты «Огонька» обратились к нескольким из многих миллионов избирателей. Вопросы были заданы самые обычные, порой житейские. Ответы на них — это рассказ о судьбах людей, об их думах и чувствах, о том, что волнует их в эти весенние предвыборные дни.

ВОПРОС ПЕРВЫЙ

Какое событие последних четырех лет вы считаете наиболее значительным для себя?

—ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ...—

так начал свой рассказ Д. ИВАНЮКОВ,
директор Московского нефтеперерабатывающего завода.

— Если точнее — день рождения нового полимера.

Конечно же, вам покажется странным, что директор такого завода, как наш, вместо того чтобы рассказывать о сложных химических процессах переработки нефти в бензин, которым мы поим громадные потоки автомобилей столицы, демонстрирует вязаные кофточки, ковры, дорожки, трубы, приспособления и детали для цветной металлургии, машиностроения и так далее.

Дело в том, что все эти замечательные вещи изготовлены из полипропилена, а выпуск его впервые в стране освоен на нашем заводе, нашими рабочими, инженерами, техниками, лаборантами.

Завод разработал технологию и осуществил промышленное производство полипропилена. За эти же четыре года мы освоили выпуск бензина самого высокого качества. Но сейчас речь не о том.

В Обращении Центрального Комитета КПСС, в котором изложена избирательная платформа блока коммунистов и беспартийных, есть такие строчки: «Более высокими темпами развивались отрасли промышленности, обеспечивающие технический прогресс всего народного хозяйства,— электроэнергетика, машиностроение, химическая и нефтехимическая индустрия». Думаю, не ошибусь, если скажу, что строки эти непосредственно относятся и к труженикам нашего завода, которые немало сделали и делают для технического прогресса.

Нефть и воздух столицы! Прочитав эти слова, каждый решит, что речь идет о засорении воздушного бассейна гарью и дымом от нашего производства. В действительности наш завод выступает в роли одного из активных поборников очистки городского воздуха. Начинается это с того, что мы снабжаем автотранспорт таким высококачественным горючим, которое сводит до минимума вредные газы. А сейчас нам предстоит организовать производство мазута из малосернистой нефти. Этим мазутом будут снабжаться электростанции и другие предприятия, пользовавшиеся до сих пор углем. Это также очистит воздух столицы. Мы как бы становимся поставщиками горючего не только автотранспорту, тепловозам, но и столичной энергетике.

Сейчас на заводе действует вычислительный центр. Он позволит в более сжатые сроки решить немало проблем, связанных с новым делом. Таковы будни технического прогресса. Добрые будни для меня, для моих товарищей.

•

ВОПРОС ВТОРОЙ

Какое чувство вам приходится испытывать чаще всего?

—РАДОСТЬ,—

говорит В. ПЛЮТИНСКИЙ,
депутат Верховного Совета УССР, член Союзного совета колхозов, председатель колхоза «Заря коммунизма», Ровенской области.

— Да, радость... А как же иначе? Помните, в предвыборном обращении партии к народу сказано: «Осуществляя намеченную партией политику, труженики колхозов и совхозов с помощью рабочего класса добились значительных успехов в развитии сельского хозяйства, в переустройстве всей жизни села на социалистических началах». А ведь эти строки и о нас, о нашей жизни полесских хлеборобов. Вот откуда радость.

Вечером я люблю пройтись по залитым светом улицам «Зари» — так называется центральная усадьба нашего колхоза. На широких, покрытых асфальтом улицах выстроились нарядные коттеджи — под шифером, с мезонинами. В центре красивые здания — правление колхоза и сельского Совета. Здесь же торговый комплекс с «Гастрономом» и универмагом, рестораном и гостиницей. Дальше двухэтажные многоквартирные дома для специалистов. И все это построено в основном за последнее время, за годы, минувшие после предыдущих выборов в Верховный Совет СССР. За это время объем общественного производства в колхозе возрос в два раза. Трудовые успехи нашего хозяйства отмечены переходящим Красным Знаменем Совета Министров СССР и ВЦСПС.

Однако особо мы радуемся и гордимся нашей колхозной индустрией. Мы ведь действительно то самое аграрно-промышленное объединение, о котором шла речь на Третьем Всесоюзном съезде колхозников. Четыре года назад выдал первую продукцию наш консервный завод. Теперь он ежегодно производит несколько миллионов банок консервов, пользующихся большим спросом. Здорово работает кирпичный завод — каждый день выпускает по 3 четырехквартирных дома. Начали мы строительство первого в стране колхозного стекольного завода, заканчиваем возведение мощного холодильника, асфальтового завода. Не так давно

приобрели теплицу на 60 тысяч квадратных метров. Этот огород с автоматическим управлением способен давать более тысячи тонн свежих овощей в год. Вот какие мы стали богатые, а ведь до Советской власти Полесье наше слыло краем горькой нужды. Так как же нам не радоваться?

•

ВОПРОС ТРЕТИЙ

О каком человеке вам хотелось бы сегодня рассказать читателям «Огонька»?

—НЕВЕРОЯТНЫЙ ПАПА ВАНЯ,—

рассказывает И. ПИКЕЛЬНИКОВ,
слесарь-сборщик Новосибирского завода «Тяжстанкогидропресс».

— Так вот, этот невероятный Папа Ваня, Иван Шурбин — мой товарищ по работе. Тоже слесарь-сборщик и трудится в том же четвертом цеху, что и я. Начну с такого случая.

Шурбин устал, очень устал. Казалось, никогда он еще так не уставал, как на этом пуске в Челябинске. Теперь они и спали тут же, в цеху, на раскладушках. Каждый час был на счету. Близился новый год, и к празднику уральцы непременно хотели пустить новый цех. На завод несколько раз приезжал министр, интересовался монтажом, который вели сибиряки, подбадривал их. И тогда один из конструкторов, Владимир Гоц, говорил:

— Все ключи от пуска у Папы Вани,— и кивал головой в сторону Шурбина. Тот тихо смущался. А конструктор вовсе не шутил. И он и его товарищи знали, что слесарь-сборщик Иван Шурбин не хуже их разбирается в сложной и умной машине, которую придумали они — электродный пресс-автомат. Только конструкторы лучше представляли ее в чертежах, а Папа Ваня знал ее во плоти, в металле, во взаимодействии многих деталей, в сборке, которую вела его бригада.

Да, каждый новый пресс — это новые загадки и нерешенные вопросы. Наверное, поэтому, когда Шурбина спрашивали, интересна ли ему работа слесаря, он только снисходительно улыбался в ответ, словно говоря: а ты сам попробуй... И куда бы ни везли конструкторы свою новую машину — в Новочеркасск или Усть-Каменогорск, в Белгород или Москву, они неизменно просили: дайте нам Шурбина. Непонятно было, чем берет этот сибирский увалень. В словах и поступках нетороплив, на работе суетиться и покрикивать не любит, делает все словно бы не спеша, а бригада его, между прочим, работает уже в счет 1975 года. Прессы, которые они собирали, держат марку завода по всей стране и в Японии, ФРГ, Италии, Австрии, Польше, Швеции, Румынии... Есть в Шурбине что-то такое, что притягивает к нему людей. Людям с ним легко работать... В партkоме завода, куда он неизменно избирается добрый десяток лет, знают, что на него можно положиться в любом деле. В горсовете его считают одним из лучших депутатов. И вместе с тем Шурбин остается все таким же неторопливым и скромным человеком, каким пришел когда-то на завод учеником слесаря...

Так же нетороплив и обстоятелен был Шурбин в ту зиму в Челябинске, а дело незаметно подвигалось вперед. Электродный пресс-автомат, который они там собирали, бил своеобразный рекорд завода. От проекта его до воплощения в жизнь выходило меньше года — таких темпов пока не знали. Конструкторы чувствовали: еще день-два, и машина начнет «печатать» электроды — и с уважением поглядывали на Папу Ваню. Уральцы тоже ходили именинниками, сами умеют работать и хорошей работе других радовались. В один из таких моментов, когда сборка почти завершилась, произошло непредвиденное — сгорел индуктор. Индуктор — ерунда, заменить его — плевое дело, но чтобы его вытащить, придется снимать громоздкий кантователь контейнера. Тогда прахом пойдет неделя работы, и к новому году они явно не успеют.

— Надо успеть,— сказал негромко Шурбин, взглянув на расстроенные лица уральцев, окруживших пресс. Но как успеть, как быстрее снять сгоревший индуктор, никто не знал. Конструкторы Николай Навроцкий, Владимир Гоц и Николай Белых просидели целый вечер, но ни к какому решению не пришли. И когда уже не было сил ни спорить, ни думать, Шурбин, молча сидевший в углу, спокойно сказал:

Слесарь И. Шурбин.

— Снимем одну шестерню и вытащим его через низ...

Он сказал это твердо, как о деле давно решенном.

— Просто невероятно, ай да Папа Ваня,— только и нашелся сказать Владимир Гоц.

Через день пресс выдал первый электрод. Это было перед самым новым годом.

— Ну как? — коротко спросили мы Шурбина в Новосибирске, когда он вернулся.

— Сделали все, что надо,— так же кратко ответил он.

Мне кажется, что в этой деловой краткости он весь — лучший слесарь-сборщик завода «Тяжстанкогидропресс», Герой Социалистического Труда коммунист Иван Ильич Шурбин, выдвинутый кандидатом в депутаты Совета Союза Верховного Совета СССР. Я уже не раз рассказывал о нем, выступая перед избирателями. Ведь я доверенное лицо.

•

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ

Что вас больше всего волнует сегодня?

—ПРОБЛЕМЫ ПЛАНИРОВАНИЯ,—

улыбнулась в ответ Е. ЕГОРОВА,
работница ленинградского рыбокомбината «Пищевик».

— Мы только что переехали в новую трехкомнатную квартиру. И сейчас планируем, что куда из мебели поставить. Волнение и заботы радостные.

Скоро вместе со всем народом мы придем на избирательные участки. Мы будем голосовать за нашу партию, за нашу Советскую власть, для которых главной заботой является благосостояние и счастье людей труда.

Это — наше второе новоселье. Первый раз, в 1953 году, мы переехали из деревянного барака в новый дом. Дали нам девятнадцатиметровую комнату. После барака она нам казалась раем. Но все же было тесновато: нас ведь пятеро.

Жили — не жаловались. Знали, война принесла много бедствий. Мне и мужу пришлось восстанавливать разрушенные дома в городе и дворцы в пригородах. Я работала штукатуром, муж — столяром. Сын строил электростанции. Выросли из ясельного возраста дочери. Ирочка окончила среднюю школу, пошла работать в парикмахерскую, вскоре стала рабочим человеком и Катя.

И вот предложили нам смотровой. Приехали мы на Будапештскую — это в Купчине. Квартира великолепная. И опять у нас такое чувство, словно в рай попали.

•

ВОПРОС ПЯТЫЙ

Каковы характерные приметы этих дней накануне выборов в высший орган власти страны?

—АКТИВНОСТЬ! —

ответил З. БОДРОВ,
председатель Крупицкого сельсовета, Минской области.

— Я первый год работаю председателем сельсовета и поэтому, наверное, особенно отчетливо ощущаю в предвыборный период приток инициативы и активности у людей, занятых в самых различных сферах деревенской жизни,— у животноводов и учителей, у трактористов и медиков, у полеводов, культпросветработников, кооператоров. В этом, по-моему, одна из черт нашего образа жизни, советской демократии: чем знаменательнее событие, к которому мы готовимся, тем шире и разностороннее инициатива народа, стремление активнее работать на общее благо.

Пример приведу, так сказать, чисто сельсоветовский. Финансовые платежи поступают в бюджет сельсовета в течение всего года. А тут в канун выборов колхозники высказались так: выборы — праздничное событие, и встретить их надо, как полагается праздники встречать. Чем раньше средства в бюджет поступят, тем быстрее мы сможем вложить их в благоустройство наших сел, в улучшение нашего быта. Давайте к 30 апреля соберем. Сельсовет поддержал. К 30 апреля все средства были собраны, и мы смогли развернуть большую работу по благоустройству деревень, улучшению бытового обслуживания и торговли.

Предложений люди высказали много. Сергей Дмитриевич Ломако — председатель депутатской комиссии по бытовому строительству и благоустройству — все записал, продумал и внес на рассмотрение сельсовета. Вместе с активом обсуждали, взвешивали, спорили. А как только весна развернулась, сразу взялись за дело: сажали деревья, ремонтировали и вновь строили дороги, наводили порядок и чистоту на улицах. А тут новое предложение: ко дню выборов, к 14 июня, закончить строительство стадиона в нашей деревне Крупице и 14-го же торжественно открыть его. И тут закипела работа.

Идут в сельсовет люди... У каждого из пятидесяти депутатов нашего деревенского Совета консультанты и помощники есть в каждой бригаде, в каждом доме.

•

ВОПРОС ШЕСТОЙ

Как вы собираетесь отметить день выборов?

—ПРАЗДНИК ПЛЮС ПРАЗДНИК,—

это мнение разделяют Елена НАЛИМОВА,
швея-мотористка Московской трикотажной фабрики,

Николай РЫКЛИН,
автослесарь завода ВАРЗ.

— Это будет самый большой праздник в нашей жизни,— начал Николай.— Дело в том, что накануне выборов мы должны расписаться во Дворце бракосочетаний. Отметим одновременно и свадьбу и выборы...

— И то, что в этот день мы станем по-настоящему взрослыми! — добавила Елена.— Ведь мы в этом году впервые будем участвовать в выборах в Верховный Совет СССР.

— Да, праздник праздником, а вот как мы всех гостей сможем принять? Дом у нас старый, тесный, не развернешься. Правда, мы рассчитываем на один свадебный подарок, который нам сделает государство. Дом-то должны вот-вот снести, и мы, как полагается, получим от государства новую квартиру. Так что скоро еще один праздник — новоселье!

Около 1 200 избирателей — рабочих, колхозников, представителей интеллигенции Ростовской области — пришли на встречу с кандидатом в депутаты Совета Национальностей Верховного Совета СССР писателем М. А. Шолоховым.

Фото В. Турбина (ТАСС).

●

ВОПРОС СЕДЬМОЙ

Ваш девиз?

—ДРУЖБА,—

**рассказывает
Байрам АННАДУРДЫЕВ,**

экскаваторщик передвижной механизированной колонны № 16 «Каракумстроя».

— Жил я недалеко от Ашхабада, в курортном поселке Фирюза, и там впервые узнал о строительстве Каракумского канала. Тогда казалось невероятным, что в пустыне, гибельной для всего живого, могут расцвести сады. Люди, способные покорить пустыню, казались мне гигантами. Я просто заболел мыслями о канале и, как только окончил школу, отправился на его строительство. Но там я нашел не гигантов, а таких же, как я, молодых ребят из Ашхабада, Чарджоу, из Херсона, Казани, Вильнюса и даже далекого северного Норильска. На канале работают люди около сорока национальностей. Только мы не различаем, кто из нас туркмен, кто казах, а кто русский.

Раньше, на первых этапах строительства, приходилось жить в общих палатках, вагончиках, питаться из одного котла, делить с товарищем стакан воды. А работать в пустыне, наверное, так же трудно, как на Северном полюсе. Трудности сближают людей, и мы, строители, с первых же лет стали одной единой семьей. Еще больше сближает людей общее дело.

Сейчас, если посмотреть на пустыню сверху, через пески пролегла широкая зеленая полоса. Это сады, хлопковые поля, которые появились вокруг канала. Я часто видел, как люди, попавшие в эти места после многолетнего перерыва, бывают буквально ошеломлены увиденным. «Это даже не сказка, это другой мир!» — сказал както при мне один старик туркмен. Приятно слушать такое и сознавать, что это чудо ты создал своими руками.

Разве не чудо, что наша механизированная колонна строит в пустыне овощные и плодоовощные совхозы! Сейчас в них уже живут и работают люди, осваивают плодородные земли вокруг канала. Туркмены, русские, казахи, украинцы живут вместе, и поэтому у поселков какой-то особый характер — интернациональный. Из Обращения Центрального Комитета КПСС к избирателям мне особенно запомнилось то место, где говорится о гармоническом сочетании национальных традиций с традициями всего советского народа. Это очень правильно и очень важно.

●

ВОПРОС ВОСЬМОЙ

— Почему вы стали военным?

—ПОТОМУ ЧТО НЕ МОГ ИНАЧЕ,—

**сказал А. КАМЫШАНОВ,
подполковник Советской Армии.**

— Кроме увлечения своей военной профессией, у меня есть немало других любимых занятий — музыка, фотография, радиодело, рыбная ловля. Очень близка мне родная русская природа. И, может быть, во мне погиб лесничий, композитор или фоторепортер, но судьба сложилась так, что я с восемнадцати лет взялся за оружие: началась Отечественная война, и я стал командиром отделения пулеметчиков.

Так вот, двадцать семь лет назад послал меня народ защищать Родину от врагов. Кончилась война, но в мире так и не стало спокойно, и я посчитал своим долгом продолжать воинскую службу. Все эти годы я всегда чувствовал о себе заботу партии и народа, видел, как крепнет наша армия, растет ее боевая мощь. С каждым годом повышается насыщенность боевых частей новейшей грозной техникой, это, в свою очередь, требует высокой подготовки личного состава. Приятно видеть, что в ряды наших Вооруженных Сил приходят образованные специалисты, разбирающиеся в таких тонкостях и сложностях, какие под силу высококвалифицированным инженерам и научным работникам.

В Обращении ЦК КПСС говорится, что партия и народ возложили на нас почетную и ответственную миссию, что советский народ под руководством Коммунистической партии всемерно укрепляет обороноспособность социалистического государства. Это правильные, справедливые слова. Убежден, советские воины проголосуют за блок коммунистов и беспартийных, за поддержку политики партии, обеспечивающей несокрушимую оборонную мощь нашей Советской Родины!

ВОПРОС ДЕВЯТЫЙ

Социализм и культура нераздельны. Как эта закономерность нашего общественного строя преломляется в вашей деятельности?

—ТАЛАНТЫ АТАКУЮТ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ,—

**говорит Ильмар КИММ,
заслуженный деятель искусств Эстонской ССР, профессор Таллинского художественного института.**

— Когда-то В. И. Ленин предсказывал, что подъем культурного уровня масс вызовет к жизни новые неисчерпаемые духовные силы народа. Мы, деятели советского искусства, свидетели того, как сбывается это гениальное ленинское предвидение.

Расскажу о том, что мне близко: о работе нашего института.

Конечно, таланты планировать нельзя. Но зато людей, обладающих этим даром, можно учить. Талант без труда, без подлинно художественного вкуса, без мысли — это ведь еще очень мало. И институт наш старается привить все эти качества своим питомцам. Сам я преподаю искусство станковой и монументальной живописи: я ведь художник. А вообще у нашего института широкий профиль. Здесь работает одиннадцать кафедр.

Все наши выпускники несут свой талант и художественный вкус в самую гущу народа. Население нашей республики ежедневно встречается с художественными изделиями сотен наших выпускников, и не только на выставках, но и в своем повседневном быту. Одежда, посуда, мебель, удобство и красота служебных помещений, вывески и рекламы, украшенные мозаикой дома и клубы — все это работы наших питомцев. Так мы добиваемся того, чтоб искусство наше действительно принадлежало народу.

Во времена не столь уж отдаленные — до Советской власти — в нашем здании размещалось небольшое художественное училище. Ныне — солидный институт. Мы привыкли измерять прожитые нами годы событиями в жизни нашего государства. Поступим так и теперь. Сейчас важное событие — предстоящие выборы в высший орган Советской власти. Так вот, за четыре года, прошедшие со времени прошлых выборов в Верховный Совет СССР, самым главным для нас было строительство. Наш институт расширяется: уже заканчиваем первую очередь своей большой новостройки — нового здания с хорошими мастерскими и аудиториями. Сами составляем сейчас архитектурный проект второй очереди. А это значит, что в наши стены скоро придет еще больше талантливой молодежи. И учить ее мы будем еще лучше, так, чтоб каждым днем своей творческой жизни таланты атаковали повседневность. Время работает на нас, а таланты наши работают на народ.

ВОПРОС ДЕСЯТЫЙ

Какие традиции вы особо почитаете?

—СЕМЕЙНЫЕ,—

признались
Ольга САНГАДИЕВА,
чабан колхоза имени Карла Маркса, Баргузинского района, Бурятской АССР.

Мои родители и родители моих родителей, их прародители жили в Баянголе. На русский это переводится как Богатая долина. К нашей земле такое название подходит, но для большинства баянгольцев это слово раньше звучало как насмешка. Трудно представить, что кто-то мог жить беднее и безрадостней, чем буряты в царской России.

Пока я училась в школе, перед глазами все время был пример: мои отец и мать. Простые, малограмотные чабаны, они скромно и незаметно вносили свою долю в общий труд.

Я сказала, что особо почитаю семейные традиции. Как это понять? А так: я стала чабаном, как и мои родители. Это было просто и естественно. Мне вообще казалось, что в жизни все очень просто: надо только работать, и тогда жизнь сама собой будет изменяться к лучшему. Надо честно следовать своей семейной традиции. Теперь я знаю и другое: мы, молодое поколение, должны не только подражать родителям, мы должны работать намного лучше. Они выстояли трудные годы, создали хозяйство, а нам нужно идти дальше.

Сейчас чабан — это не сторож при овцах, а квалифицированный скотовод, знакомый с зоотехникой, с ветеринарным делом, владеющий самыми передовыми методами. Значит, и спрос с нас, современных чабанов, гораздо больший, чем с наших родителей.

В Обращении ЦК КПСС к избирателям говорится о том, что завтрашний уровень производства, материального и культурного благосостояния народа зависит прежде всего от результатов сегодняшнего труда. Мы уже сегодня можем сказать, что наш Баянгол стал понастоящему богатой, цветущей долиной труда. Даже дух захватывает — какой же прекрасной будет наша жизнь, за которую мы голосуем!

●

Репортаж «Мы голосуем!» подготовили А. Вочинин, В. Герасичев, А. Гостев, К. Заколюк, П. Здоровило, Ю. Кривоносов, О. Куприн, В. Лещинский, Ю. Лушин, А. Мызников, В. Сальмре, Б. Смирнов, З. Хирен, Н. Храброва, К. Черевков, А. Щербаков.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

СЛОВО АМЕРИКАНСКОМУ ЖУРНАЛИСТУ

ВОТ ОНА, ХВАЛЕНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Джозеф НОРТ

Сегодня я шагал по асфальту Бродвея, направляясь к зданию нашего муниципалитета, в компании примерно сорока тысяч ньюйоркцев. Здесь были и черные и белые, молодые и старые, и все шли, чтобы сказать нашему правительству: мы хотим мира, мира в Азии и на всей планете!

Густыми цепями растянулись вдоль всей улицы целые батальоны полицейских. Все это выглядело весьма грозно — словно только что высадились войска иноземных захватчиков.

Разумеется, своим походом мы бросали вызов, но в то же время мы просто пользовались тем правом собраний и петиций, которое гарантирует нам первая поправка к нашей конституции.

Нашу «хартию вольностей» стали уродовать чуть не с пеленок. Никакими свободами никогда не пользовались индейцы, которые жили здесь еще задолго до Колумба. Пользоваться свободами, записанными в конституции, мы так и не позволили черным американцам. Наша демократия от рождения оказалась искалеченной.

Нация, которой ныне правят Никсон и Агню, пользуется славой богатейшей нации в мире. У нее больше «фордов», телевизоров, радиоприемников, чем у других. Мало того: по милости географии нашу землю никогда не топтали сапоги вражеских армий. А что касается природы, она удивительно щедра в этой стране, размером в добрый континент.

Короче говоря, перед нами должен был предстать рай на земле, Эдем, в котором дядя Сэм выполняет роль библейского Иеговы, а мы, прочие американцы,— Адамов, не успевших еще полакомиться пресловутым яблоком.

Увы, перед нами 1970 год, наше американское «сегодня». И мы, как сказал поэт, по-прежнему:

По колено увязнув в болоте,
Хотим ракетами завоевать Луну.

Изъяны и пороки нашей демократии американской нации приходится оплачивать дорогой ценой. Возьмем хотя бы право, составляющее жизненную основу подлинной демократии,— право на обеспеченное существование, или, проще говоря, право жить и пользоваться щедротами нашей земли. Увы, наша демократия считает допустимым сжигать огромные массы пшеницы, выбрасывать в море урожай апельсинов в то время, когда в долине Миссисипи дети ходят с распухшими от голода животами, страдают от рахита. Несколько недель назад фермеры принялись сжигать картофель, а треть населения Америки не имеет даже минимума необходимых продуктов, установленного официальной статистикой. Если у вас нет на деле этого основного права, все остальные права и конституционные гарантии превращаются в никчемный клочок бумаги.

Избирательные права граждан Америки тоже сплошь и рядом являются лишь тенью реальности. А если это не так, то скажите, пожалуйста, почему на последних президентских выборах всего лишь 60 процентов имеющих право голоса явилось к избирательным урнам? Голосовало всего 72 миллиона избирателей, да и те разделились почти поровну между кандидатурами Никсона и Хэмфри. Победа досталась Никсону в результате перевеса над его конкурентом в 50 тысяч голосов.

Иными словами, президент Никсон есть избранник меньшинства, получивший голоса лишь одной четвертой части избирателей. А между тем Никсон теперь утверждает, что ему принадлежит «последнее решение».

Так оборачивается в жизни «демократизм» американской избирательной системы, которая на всех ее ступенях служит прежде всего интересам денежного мешка. Все большее число американцев начинают отчетливо видеть это. Они знают, что в сейфах тех, кто поддерживает кандидатов — будь то на выборах президента, или губернатора штата, или мэра города,— лежит достаточно миллионов долларов и что в этом — суть.

Результаты такой системы общеизвестны. Среди депутатов нашего конгресса, рекламируемого как «самый демократический парламент в мире», вы не найдете ни одного рабочего — ни в палате представителей, ни в сенате, и, конечно, тщетно искать рабочих в правительстве. Их нет и среди помощников и советников президента. Так обстоит дело и в правительственных органах штатов или в муниципалитетах.

Миллионы черных в наших южных штатах до сих пор лишены избирательных прав. Расисты до сих пор выступают как душители нашей демократии.

Еще некоторые факты. В конгрессе существует правило «старшинства», оказывающее большое воздействие на такие важные комиссии, как комиссия по иностранным делам, по вопросам обороны, финансам, судебным вопросам и др. Члены конгресса, дольше других находившиеся на государственной службе в соответствующих ведомствах, автоматически становятся руководителями этих комиссий и, естественно, получают большое влияние в той или другой отрасли государственных дел. В их силах задерживать принятие законов или, наоборот, спешно «продвигать» законопроекты. В южных штатах такого рода деятели, используя низкую грамотность и политическую отсталость избирателей, ухитряются вновь и вновь получать на каждых выборах необходимое для избрания большинство голосов.

Так оно и идет у нас, по сложившейся «традиции». Такой род парламентской демократии дает вам возможность убедиться, насколько велика и безраздельна сила денег, насколько доллар стал у нас «ведущим гражданином». Его громкий голос слышен в прессе, телевидении, повсюду, даже в профсоюзах, где соратники прислужника капиталистических боссов Джорджа Мини неустанно оглушают рабочих, скрывая от них правду и притупляя их волю к борьбе.

Однако рабочий класс Америки все решительнее сопротивляется этой наглой экспроприации его гражданских прав.

Это растущее сопротивление особенно ярко сказывается в последние годы в среде нашей молодежи, особенно той, которой довелось перелистывать волнующие страницы нашего исторического прошлого. Они знают и уважают имена Франклина и Джефферсона, Линкольна и Фредерика Дугласа, как и имя Франклина Делано Рузвельта, людей, которые с честью представляли национальные интересы Соединенных Штатов. Молодые учатся у героев нашего рабочего движения, таких, как Уильям Фостер, Элизабет Герли Флинн, Бенджамин Дэвис, и ныне здравствующих — Генри Уинстона и Гэса Холла. Все больше и больше марксизм-ленинизм становится для них родным учением, путеводной звездой в жизни и борьбе. И можно слышать, как американцы на различных диалектах в разных уголках страны с уважением произносят имена Карла Маркса, Владимира Ленина, дяди Хо. Американцы ищут путей к новой демократии, иной, чем «демократия» рокфеллеров. Они начинают выковывать отряды бойцов, которые будут бороться в едином фронте за мир — мир настоящий и прочный, за подлинную, реальную демократию.

Так выглядит главная правда об Америке 1970 года.

УРОК И

Мирослав МОЦ,
главный редактор «Руде право»

В 1968 году о Чехословакии были исписаны сотни тысяч страниц, говорили о ней люди во всем мире. К сожалению, и по сей день некоторые из них так и не поняли, что речь идет о событиях, которые показывают, какое огромное значение имеет учение Ленина и к каким тяжелым последствиям приводит отход от этого учения и неуважение к опыту, накопленному международным коммунистическим и рабочим движением.

После января 1968 года Коммунистическая партия Чехословакии попыталась критически взглянуть на свою деятельность, на развитие нашего общества. Смыслом и сущностью этих усилий было стремление отделить допущенные нами ошибки от правильной линии и на основании этого укрепить, развить все то, что в прошлом себя оправдало и утвердило, приумножить все положительное и таким образом добиться более быстрого развития социалистического общества.

Совершенно очевидным является тот факт, что партия после января искренне и мужественно, а в определенном смысле и беспощадно, дала оценку собственной работе.

В результате отсутствия единства, в результате непоследовательности руководства компартии, наивных и вульгарных представлений, в стране начали формироваться другие линии и взгляды, на основе которых осуществлялась политическая деятельность. Это вело к серьезным конфликтам, к нарушению единства партии, а тем самым и к ослаблению ее руководящей роли в обществе.

Возрастающая анархия и политический хаос, называемый некоторыми «развитием демократии», поставил под угрозу и саму послеянварскую политику, а тем самым и принципы социализма. Были использованы искренние стремления партии и народа преодолеть имевшиеся в прошлом недостатки.

К оппортунизму, недопониманию различных сторон классовой борьбы, недооценке существа доянварских рецидивов после января присоединилось и оппортунистическое понимание роли партии. Ее руководящая роль, фактор власти словно перестали интересовать некоторых людей. Они бросили ее плоть на рынок, говоря, что отныне вот так будут продаваться идеи. Какие лучше окажутся, те и будут покупать. И разрешили каждому оторвать от нее кусок.

Основным для правых оппортунистических сил оказалось не стремление избавиться от ошибок прошлого, а совершенно противоположная тенденция, где критика прошедшего этапа развития перешла в его полное отрицание, где период социалистического строительства характеризовался, как период тьмы.

Политический смысл этого положения, не сразу разоблачивший себя, заключался в том, чтобы принизить всю деятельность коммунистической партии с целью захватить руководство в свои руки. С самого начала всего послеянварского развития шла борьба за политическую власть, за смену политической власти со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вполне логично, что в своей первой стадии эта борьба проводилась под знаменем борьбы за социализм, за исправление допущенных ошибок и оплошностей.

Оппортунистические силы не могли пробиться к власти иначе, как путем разрушения идейных, политических и моральных устоев людей. Их основной метод заключался в том, чтобы принизить наши достижения, особенно в последний период, период социалистического строительства. Одновременно шла переоценка всех ценностей и пересмотр главных принципов социализма: руководящей роли партии, политической системы, пролетарского интернационализма, внешнеполитической ориентации. Вызывались сомнения в отношении марксизма-ленинизма как учения, якобы не способного дать убедительный ответ на проблемы современного человека и мира.

Следовательно, искренние стремления КПЧ преодолеть все слабости и ошибки, ее откровенная самокритика, ее целенаправленная воля сделать на основе этой самокритики последовательные выводы были использованы для того, чтобы вызвать шок на базе столкновения идеалов с действительностью и нанести серьезный удар партии. Из всего этого извлекали пользу правые оппортунистические и антисоциалистические силы, которые принижали усилия партии, ее членов, постепенно приостанавливали деятельность отдельных звеньев партийной системы, исключали из партии некоторых видных деятелей. Ослабляя партию изнутри и извне, правые оппортунистические силы объективно смыкались с антисоциалистическими элементами, что, в свою очередь, создавало условия для воздействия теперь уже открытых сил империализма.

Особо важную роль в этом процессе играли массовые средства информации и журналисты. Возникло положение, когда каждый мог писать и говорить против социализма все, что ему вздумается. Не давали только выступать тем, кто отвергал буржуазную идеологию. Это называлось «гибкостью», «современностью» и тому подобным. Идеологическая нестойкость должна была служить доказательством права на выступление за свободу и гуманизм. Публицистика стала отрицать революционные принципы марксистской партии, связь рабочего движения с научной теорией.

Стихийность, оппортунистическая инертность, которые во многом сохранились с доянварского периода и перед которыми теперь раскрылись еще более широкие просторы и возможности, не позволяли оказывать влияния на печать. У них были свои проводники и личные представители не только в журналистском мире, но и среди политиков.

Начали создаваться особые, для некоторых, очевидно, «демократические условия», при которых все вмешиваются во все и никто ни за что не несет ответственности. Проявлялось это в сопротивлении реализации собственных постановлений и в бесконечной болтовне. Энергия, которая должна была быть направлена на устранение ошибок и трудностей, уходила на борьбу за власть.

Вместо того, чтобы сделать выводы о деятельности правых оппортунистов и правых сил, продолжались уступки, распространялся фатализм беспомощности, пассивность пытались оправдывать внешними влияниями. Терпимо относились к действиям антисоциалистических сил, и это привело на край катастрофы. Ленинский тезис о том, что беспартийность является идеей буржуазной, а партийность — идеей социалистической, был отвергнут многими публицистами и журналистами. Часть из них перебралась на Запад и работает сегодня в «беспартийных» и «надпартийных» организациях, какими являются «Свободная Европа» и другие радиостанции — наемники западных разведок.

Мы искали в январе способы и пути для наиболее эффективного и наиболее соответствующего нашим условиям осуществления ленинских тезисов о развитии социалистической демократии в процессе развития социализма, неустанное расширение которой является основой и внутренним источником развития социализма как в целом, так и на отдельных его участках: экономическом, политическом, культурном и социальном. Намечаемые перемены, естественно, предполагали постепенный процесс и не могли произойти вдруг, в результате какого-либо постановления или юридического акта. Они исключали и стихийность. Лишь организованные усилия, направляемые на всех этапах развития коммунистической партией, являлись основной предпосылкой достижения желанных результатов.

Против этого принципа выступили различные течения, концепции и политические направления, которые, кроме всего прочего, под социал-демократическим лозунгом так называемого демократического социализма поставили руководящую роль партии в прямое противоречие с развитием демократии в Чехословакии. Они оперировали необходимостью развития «прямой демократии» со всеми вытекающими из этого последствиями. «Прямая демократия» стремится к абсолюту и в конечном итоге направлена против политической партии, руководствующейся учением Ленина. Она ограничивала роль партии до роли духовного наставника и исключала все те аспекты деятельности, которые дают ей возможность всестороннего овладения процессом развития, возможность коррекции и руководства социалистическим строительством. Она вызвала стихийность в общественном движении, вела к разрушению политической системы, поставила под угрозу и мешала решительным действиям со стороны руководящих политических центров. Таким образом открывалось широкое поле деятельности для «игры», в которой принимали участие любые политические силы — по своей программе антисоциалистические. Теоретическими предпосылками приверженцев так называемой «прямой демократии» являлись бесклассовое понимание демократии, непризнание классовых, антагонистических противоречий современного разделенного на два лагеря мира, отрицание исторической роли рабочего класса в обществе, которая, согласно этой концепции, отводилась прежде всего интеллектуальной технократической элите.

Эти «теоретические» положения нашли выражение не только в политике, но и в экономике. На разжигании искусственного противоречия между личными и общественными интересами и потребностями, на противопоставлении личных интересов интересам общества строили свою аргументацию правые оппортунистические силы, союзником которых стал весь фронт империалистической пропаганды. Одновременно возникло требование о свободе создания различных политических организаций или институтов как условия развития подлинной демократии. Весной и в начале лета 1968 года это нашло выражение в создании Клуба беспартийных активистов, клуба 231, в попытках основать правую социал-демократическую партию. То, что называлось прогрессом, в действительности было стремлением вернуть к жизни уже несуществующие, некоммунистические и антикоммунистические партии. Начал абсолютизироваться буржуазный политический плюрализм, который должен был стать базой для «правильного» развития социалистического общества. Этот плюрализм должен был открыть

СТОРИИ

простор для различных политических сил, которые ставили перед собой цель оторвать политику от народа и сделать ее предметом их новой открытой борьбы за власть. Таким образом, мы, по существу, должны были вернуться в предфевральское положение 1948 года. По всему видно, что то, чего они хотели добиться, имело очень мало общего с подлинным социалистическим плюрализмом, уважающим многочисленные и разнообразные интересы различных социальных групп и слоев нашего общества на основе социалистической программы Национального Фронта, руководящей силой которого является КПЧ.

В период кризиса, который охватил все области нашей общественной, государственной, экономической и культурной жизни, правые оппортунистические и антисоциалистические силы внутри страны вели скоординированную атаку, поддерживаемые всеми средствами и орудиями, которые имеются в распоряжении империализма.

Январь 1968 года направил усилия партии на преодоление старого, отжившего, административно-бюрократического подхода к событиям и явлениям с позиции власти, который тормозил деятельность всего партийного организма и мешал восстановлению ленинских принципов и норм партийной жизни. И этими усилиями злоупотребили под лозунгами развития «творческого марксизма» для отрицания роли партии как руководящей силы общества. Искажалось соотношение объективного и субъективного в историческом развитии, из чего некоторые пытались сделать вывод о непреодолимости противоречия между объективностью исторической практики и необходимостью руководящей роли партии. Утверждалось, что развитие общества, объективно предопределенное, идет от низшей к высшей, более совершенной системе. Коммунистическая партия, мол, в этом не может играть решающей роли. Упускались из виду необходимость и неизбежность социализма как качественно нового этапа общественного развития, к которому невозможно прийти автоматически, стихийно. Сознательно замалчивалось или сводилось на нет значение прогрессивных идей и сознательной деятельности при формировании социалистического общества, к которому нельзя прийти путем саморазвития. Не менее упорно отрицалась и руководящая роль рабочего класса. Высказывались взгляды, что в процессе научно-технической революции его значение заметно уменьшается, а тем самым исчерпывается и руководящая роль коммунистической партии. Во всех сферах она переходит к интеллигенции. Дошло до того, что начали утверждать, что научно-техническая революция постепенно трансформировала капиталистические производственные и общественные отношения в социалистические, из чего делались выводы, что исчезает классовая борьба и революция, мол, будет протекать без участия марксистских партий.

В «толкованиях» роли и задач марксистской партии изыскивались «противоречия» между Марксом и Лениным. Маркс, мол, прежде всего подчеркивал историческую роль рабочего класса и не говорил о партии, Ленин же утверждал только необходимость партии и ее руководящую роль. Таким образом, руководящая роль партии в социалистическом обществе преподносилась ими как специфический опыт России. Так же преподносился весь ленинизм. В системе манипуляций и лжи, которая охватила значительную часть массовых средств информации, полностью умалчивалось о том, что Маркс с самого начала говорил о необходимости научной теории и идеологии, и о партии, которая должна нести ее в рабочие массы, вести их к сознательной деятельности, к свержению эксплуататорского строя и построению социализма. Субъектом революции, по некоторым правым оппортунистическим представлениям, должна была быть не партия, коммунисты, а абстрактно понимаемый международный пролетариат. Конкретное выражение этого нашло в таких лозунгах, как: профсоюзы без коммунистов, людям нужна лишь полная информация, а там они сами сумеют сориентироваться и т. д. Особого внимания заслуживают нападки правых оппортунистов на основные принципы, на которых строится партия и соблюдение которых делает партию партией. Речь идет в первую очередь о принципе демократического централизма. Здесь было не какое-то расхождение во взглядах, а прямое нарушение данного принципа со стороны оппортунистов.

Не менее остро в событиях 1968 года в Чехословакии стояли вопросы взаимосвязи национального и интернационального и международных отношений.

Социализм по своему характеру интернационален. Социализм — дело рабочего класса, всех прогрессивных сил. Основной международной предпосылкой развития социализма в нашей стране являются рамки социалистического сообщества, в особенности тесное сотрудничество и взаимодействие с Советским Союзом. Это вытекает из многих причин: из социально-экономической, классово-политической и идеологической однородности, сходства общественно-политического развития и из основных общественных интересов и целей. Исторический опыт наших народов, который связан не только с нашим географическим положением, но прежде всего с историческим развитием партии и собственной практикой и опытом, привел нас к уверенности в необходимости такой связи. Этого требуют и коренные интересы наших народов, и обеспечение их независимости и суверенитета, это необходимо для дальнейшего социалистического развития нашей страны, всех сторон и форм ее социалистической жизни. Январь 1968 года поставил целью укрепить эти взаимоотношения и связи и поставить на прочный фундамент. Но и данным стремлением злоупотребили, и данное стремление направили против жизненных интересов нашего социалистического развития. Отношения с социалистическими странами преподносились как невыгодные, из чего делался вывод о необходимости новой международной ориентации Чехословакии. Доходило до того, что причину наших собственных неуспехов в предшествующий период видели в содружестве социалистических стран. Эти тенденции нашли логическое завершение в открытом антикоммунизме, что преподносилось как выражение национальной гордости, как проявление чешского патриотизма. Объективно же они были направлены против социалистических устремлений, против послеянварской линии партии. Наши интернациональные позиции заменялись национализмом, который принимал совершенно истерические формы. Путались языки и понятия, недооценивалось идейное и политическое воздействие империалистических сил. Вместо диалектического подхода к вопросу об интернациональном и национальном, требующего понимания того, что истинно интернациональные интересы и уважение их неизменно предполагают уважение национальных особенностей, дело доходило до того, что национальные особенности трактовались как нечто несовместимое с принципами интернационализма. А отсюда шли и различные толкования (геополитическое, геопсихологическое и другие) вопросов единства международного рабочего и коммунистического движения. Так же как и в буржуазной печати, развивались исторические аналогии и параллели, базирующиеся на разжигании национальных страстей и деформирующие историческую сознательность нашего общества. Раздутый национализм является важным фактором в планах наших врагов, является составной частью их стратегическо-тактических замыслов, с помощью которых они хотят разрушить социалистическое сообщество.

Прямо удивительно, сколько и где только не проявлялись в 1968 году симпатии к Чехословакии. Американский президент, западногерманский канцлер, буржуазные теоретики Запада, политологи и кремлологи, римский папа — все нас хвалили. А у нас находились люди, которые именно это считали подтверждением правильности пути. И никто не призадумался над тем, почему же ни один из этих «друзей» ни разу не похвалил коммунистов в своей собственной стране. Почему они им не оказали помощи и поддержки?

От фактов не уйдешь, даже если мы будем о них молчать.

В январе 1968 года у нас было много шансов покончить с недостатками и повысить собственную дееспособность. Мы их растратили.

После августа 1968 года произошло нечто, чего еще не было в истории: несмотря на полный политический крах, практически все члены руководства вернулись на свои места. Снова появились шансы. Тем не менее хаос и разброд тянулись еще полных восемь месяцев до апреля 1969 года.

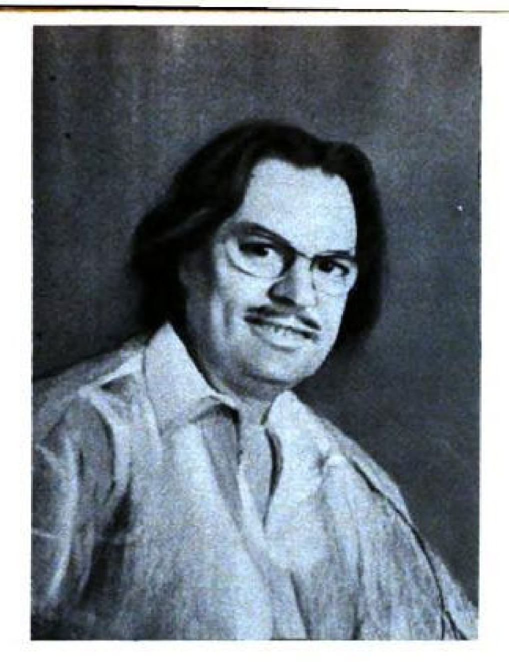
Мы теперь заново должны создавать условия для того, чтобы смогли реализовать идеалы и цели января, которые были катастрофически завалены тем, что называлось послеянварской политикой. Утверждать, что постановления были правильными, что помыслы были честными, и одновременно игнорировать, не видеть и отрицать результат того, к чему это привело, значит отрицать проверку взглядов и отношений на практике. А это догматизм наизнанку. Констатировать, что было тяжелое положение, и отказываться сказать, в чем заключались ошибки, значит ободрять правых. Такую роскошь не может себе позволить тот, кто чувствует ответственность за судьбу Родины. Я не считаю субъективизм преступлением, но мы являемся живыми примерами того, как за него могут расплачиваться миллионы, если он проявится у политиков.

Мы стали материалом для учебников, хотя на эту тему их было в истории рабочего движения написано уже много. И не раз они писались кровью. Разве мы не дали случай убедиться, что история не всегда повторяется в виде фарса, что подобное повторение в условиях разделенного мира и классовой борьбы может обойтись слишком дорого?

Мы дорого заплатили за этот урок.

Тем не менее мы убеждены, что из всего этого мы выйдем более мудрыми, более знающими и более опытными и что этот опыт пойдет на пользу нам всем.

Статья перепечатывается из журнала «Демократический журналист».

А. И. Лактионов. АВТОПОРТРЕТ. 1970 год. Фрагмент.

ВЕРНОСТЬ ПРАВДЕ

Борис ЩЕРБАКОВ

Начало пути

Довелось ростовскому кузнецу Ивану Лактионову быть первым человеком, вложившим карандаш в руки своего четырехлетнего сына Сашки, познакомить его с чудом творчества.

Любит вспомянуть об этом народный художник РСФСР академик живописи Александр Иванович Лактионов:

— Однажды вечером пришел отец с работы. Стоит, опустив устало заскорузлые, темные от металла руки, смотрит, как я в это время что-то черчу. Взял он меня на руки, сел за стол, положил бумаги лист, вложил мне в руку карандаш и, водя ею по бумаге, начал рисовать. Радость моя была велика, когда я увидел, что от этих прикосновений карандаша к белому листу бумаги дерево выросло. Потом на том дереве появились синие листья и красные яблоки, потому что карандаш у отца был только один — сине-красный. Но и этой скромной двухцветной палитры было довольно, чтобы привести в восторг мое ребячье сердце. Еще тогда отец змею нарисовал. Обвилась она вокруг ствола, тянется к самому спелому яблоку. Когда я смотрел на нее, даже страшно становилось...

Конечно, этот столь сильно запомнившийся художнику отцовский рисунок был примитивным, но встреча с чудом рождения образа состоялась.

— Позже,— вспоминает художник,— получив в подарок картонную палитру с шестью акварельными красками, упивался я ее колористическим богатством и, как потерю любимого существа, оплакивал единственную кисть, исчезнувшую навеки в мрачно зиявшей щели пола. Школьные занятия мои шли из рук вон плохо. И единственная радость была — рисование.

А как-то принес белье в стирку матери ученик художественной школы Левченко Платон Иванович. И, увидев мои рисунки, пригласил к себе. Здесь уж было настоящее: первые профессиональные уроки.

Поставил тогда передо мной Платон Иванович чайник и стакан с чаем, в нем и ложка. «Рисуй»,— говорит. А я не знаю, как и начать. Тогда он сделал несколько штрихов, показывая главные линии, объяснил, как нужно класть штриховку, контур. И эти несколько уроков очень много мне дали. Но особенное впечатление произвели на меня стены, увешанные великолепными рисунками углем, этюдами с натуры. Были там пейзажи, головы, композиции.

Полученные у П. И. Левченко первые навыки помогли Саше Лактионову поступить в Художественную школу Андрея Семеновича Чиненова.

— Вместе с Женей Вучетичем мы туда экзамен держали. Когда узнали, что приняты, испытали настоящее счастье. Три года в этой школе вспоминаются мною, как самое светлое время жизни. Именно они решили мою судьбу: я понял, что иного пути, кроме искусства, для меня нет!

В АКАДЕМИИ СТЕНЫ УЧАТ

В 1930 году Александр Лактионов приезжает в Москву. Он знакомится с шедеврами Третьяковки, встречается с художниками Нестеровым, Малютиным, Грабарем, Кардовским, получает их добрые напутствия. Приняли тогда участие в молодом парне из Ростова-на-Дону также Кацман, Перельман, Григорьев. По их совету он едет в Ленинград.

И вот Всероссийская академия художеств. Все так же безмолвны гранитные сфинксы, все так же беспокойны невские волны, бьющиеся о каменные ступени. Так же, как эти волны, беспокойна и молодежь, пришедшая тогда, в начале тридцатых годов, со всех концов страны под величественные своды Академии, где вечно живет дух славных предков.

Здесь вырастали таланты русской земли, для которых искусство изображать было прекраснейшим из всех искусств. Художники разных характеров и наклонностей жили, охваченные одним желанием: отдать все свои силы созданию ценностей духа, которые принесли бы славу Родине.

Так понимали свою миссию Карл Брюллов, Александр Иванов, Илья Репин, Василий Суриков...

Влюбленный в искусство, с тайным трепетом переступил Саша Лактионов порог Академии художеств.

Илья Ефимович Репин в свое время говорил, что «в Академии стены учат».

Все, кто поднимался по источенным временем ступеням винтовой каменной лестницы на пятый этаж, в бывшую мастерскую Репина, испытывали чувство сопричастности великому.

Для автора этих строк ступени те особенно дороги: отец мой в начале века в течение двух с лишним лет поднимался по этой лестнице, будучи студентом мастерской Ильи Ефимовича Репина. Он любил вспоминать о том, как прославленный мастер появлялся среди учащейся молодежи, как приводил в смущение этот великий реалист любителей пустой, но хлесткой живописи, как ставил в тупик молодых пуантелистов требованием передать теплоту человеческого тела вместо воспроизведения игры голубовато-розовых, сиреневатых и иных оттенков...

В тридцатые годы в этих старых академических стенах, помнящих Репина, началась новая жизнь, началось строительство новой реалистической школы. Пришла молодежь, жаждущая знаний, с мечтой о великом Возрождении, пришли зрелые педагоги с большим опытом и знаниями. В бывшей репинской мастерской помещалась теперь мастерская И. И. Бродского. Был среди этих молодых и Лактионов.

И. И. Бродский во взглядах был широк, учил смотреть на искусство не в щель, а в настежь распахнутое окно. Любил таланты разные, ценил труд и любовь к делу, но по-репински непримирим был ко всякого рода извращениям и отступничеству.

К талантливому юноше из Ростова Исаак Израилевич сразу отнесся с отеческой заботой и вниманием. Вообще Бродский умел находить и беречь таланты. Так, из далекого Бердянска вывез он никому не известного Петю Белоусова. Поселил у себя в доме и, занявшись его художественным воспитанием, вскоре помог ему стать одним из лучших рисовальщиков Академии художеств. Сейчас профессор Петр Петрович Белоусов возглавляет кафедру рисунка в том самом Институте имени И. Е. Репина (бывшей Академии художеств), куда почти сорок лет назад пришел он вместе с А. Лактионовым постигать великую мудрость реалистического искусства.

Да, много талантливой молодежи собралось тогда в стенах Академии художеств и объединилось под эгидой Бродского. Иные внесли немалый вклад в советское изобразительное искусство. Все знают народного художника СССР академика Юрия Михайловича Непринцева. Большой любовью ценителей живописи неизменно пользуются пейзажи народного художника РСФСР академика Алексея Михайловича Грицая, которому в равной степени доступны и тонкие, лирические звучания весеннего пробуждения природы, и могучий эпос великой русской реки Волги. И во многих местах нашей страны товарищи Лактионова по Академии отстаивают принципы реалистического искусства, принципы высокой профессиональной культуры.

ЗАПАСАЙТЕСЬ БОЛЬШИМ ТЕРПЕНИЕМ

Как-то, глядя на лактионовский рисунок натурщика, сделанный отточенным, как острие иглы, карандашом, Исаак Израилевич обронил как бы между прочим: «С таким глазом рождаются раз в сто лет».

Но для рождения мастера нужна была школа...

Благотворная среда, великолепные музеи Ленинграда, хорошие учителя, среди которых был и старый профессор В. Е. Савинский, любимый ученик П. П. Чистякова, замечательный мастер рисунка,— все помогало быстрому развитию таланта молодого Лактионова. Часы безмолвного восторга перед шедеврами Ван-Дейка в Эрмитаже, тончайший Терборх, таинственный Рембрандт, не совсем еще понятные, неразгаданные, но влекущие с неодолимой силой, тоже делали свое дело. Будущему живописцу хотелось проникнуть в тайны великого искусства. Возродить то, что, казалось бы, теперь утрачено навеки, что неизвестно даже старшему поколению художников.

Дерзость великая!

Но пока еще для молодого живописца эта задача была неразрешима да и не вполне осознана. Сейчас, на первых порах, пожалуй, особенно

А. Лактионов. ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ СССР ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПОЛКОВНИК П. И. БЕЛЯЕВ. ▶

А. Лактионов.
ПОРТРЕТ
О. Н. ЛАКТИОНОВОЙ.

увлекает его Репин — свободной техникой, необычайной жизненностью. Среди портретных рисунков артистов МХАТа, выполненных в ту пору Лактионовым, есть такие вдохновенные листы, как портрет В. И. Качалова, несомненно, отражающий именно это репинское влияние.

В 1938 году И. И. Бродский, не совсем уже в то время здоровый, позировал для портрета группе художников. Пятнадцать вечеров, порой до часу ночи затягивались эти сеансы. Прекрасный рисунок сделал тогда П. П. Белоусов, отличную акварель написал А. Н. Яр-Кравченко. В. Н. Мешков, прославленный портретист старшего поколения, сделал рисунок сангиной с углем. Профессор Академии А. М. Любимов создал большой портрет маслом.

Портрет маслом написал и Лактионов. И в этом дружеском соревновании родилось тогда одно из лучших произведений Александра Ивановича.

«После такого портрета можно и умереть спокойно»,— сказал Бродский, взглянув на работу своего любимого ученика — Лактионова. Со смертью И. И. Бродского, которая вскоре последовала, завершается в творчестве молодого художника, только что кончившего тогда курс обучения в Академии художеств, определенный период: период мечтаний о большом искусстве, о служении ему всеми силами души, мечтаний о высшей награде художника — любви народной.

Мечты эти не были бесплодны. Они воплотились в массе рисунков и портретов маслом.

Общение с интересными людьми тоже очень помогало развитию и формированию Лактионова. И о том, что эта творческая среда, эта вдохновляющая атмосфера была ему необходима, как воздух, убедительнее всего говорит одна из работ А. Лактионова того периода.

В те времена в Ленинграде известностью среди художественной интеллигенции пользовался А. Я. Штеренберг, известный врач, широко раскрывший двери своей большой квартиры для художников, музыкантов, артистов. Раз в неделю у него собирались: рисовали, пели, музицировали.

Лактионов, очарованный хозяином, его рассказами о встречах с Репиным, с другими выдающимися представителями русской культуры, пишет в два вечера его портрет. Эта работа закрепила за молодым художником славу не только прекрасного рисовальщика, но и мастера, свободно владеющего кистью.

Сам художник вспоминает с удовольствием о работе над этим портретом:

— В первый день Штеренберг позировал мне два часа и во второй раз — я писал по сырому а la prima. Позировал он охотно, но не очень усидчиво. Друзья, гости все время приходили в комнату, стояли, посматривали, что я делаю...

Портрет нас поражает своей необычайной жизненностью. Качество редкое, которым отличались лишь самые выдающиеся портретисты. Это то, что стоит за восклицанием папы Иннокентия X: «Слишком правдиво!» — по поводу этюда, написанного с него Веласкесом. Это то, что есть в репинском портрете Мусоргского. Живой, до жути живой человек!

Этот широко написанный холст заставляет меня вспомнить любимое выражение И. И. Бродского, которое он неустанно повторял своим ученикам:

«Запасайтесь маленькими кистями и большим терпением».

Вся жизнь Александра Ивановича, весь огромный труд, который он вложил в десятки, сотни превосходных портретов, пейзажей, композиций, эстампов — прекрасное подтверждение этой крылатой фразы учителя.

ПИСЬМО С ФРОНТА

1941 год. Война. Вологда, Новосибирск, наконец Самарканд, куда была эвакуирована Академия художеств.

В Вологде зимой 1941/42 года, в «развороченном бурей быте», при полной неустроенности, Лактионов работает над плакатами для фронта. Позже пишет несколько портретов. В конце войны поселится художник с семьей в нишах монастырской стены Троице-Сергиевой лавры в Загорске, приспособленных под жилье.

Тоска по большому делу, желание вернуть долг Родине заставляет художника искать тему для значительного произведения.

Поиски были долгими. Сначала это была «Встреча», потом «Возвращение»... Наконец, солдат, разыскивающий кого-то, чтобы передать письмо, и случайно увиденный художником, натолкнул Лактионова на тему картины, которой суждено было стать знаменательной вехой на творческом пути живописца. Это «Письмо с фронта», принесшее широкую известность, звание лауреата Государственной премии и члена-корреспондента Академии художеств СССР. Вот как вспоминается рождение этой картины ее автору.

— Я решил пойти в шум жизни. Очень много времени проводил, наблюдая, как возвращаются эшелоны с войны. Мне хотелось увидеть встречу буквально на вокзале. Раскрываются теплушки, и оттуда высыпает народ. Или девушка, которая ждала своего солдата всю войну, теперь встречает его... И даже эскизы у меня были: «Вернулся солдат с фронта» — такое можно было бы дать им общее название. Но однажды встретил я прихрамывающего воина, от которого еще прямо-таки пахло порохом. Идет этот солдат с войны, посматривает то на конверт, то на дома — разыскивает чей-то адрес. Я подошел к нему, расспрашиваю. А он мне и говорит, что несет письмо родным от раненого товарища, который жив, но не мог ни писать, ни говорить все эти годы. И подумал я, какова же будет радость тех людей, что столько лет ждали, верили, надеялись!..

Вернувшись домой, стал я строить возле своей «квартиры» крылечко полтора на полтора метра. Мысль работала очень быстро. Вот остановилась тетка с ведрами — да это же эпизод к моей картине!..

А вскоре Павел Петрович Соколов-Скаля, посмотрев уже эскизы к будущей картине, сказал: «Зачем тут женщина? Поставь солдата!» И тем утвердил окончательно мою идею. Солдата в картине писал я с военного художника Володи Нифонтова.

В процессе работы над картиной появился еще один герой, и чуть ли не главный. Солнечный свет! Теплый, золотистый, он воплотил торжество жизни над смертью, торжество света над мраком. Возможно, это значение света, солнца в картине во время работы не вполне было осознано даже самим автором и оставалось где-то в области подсознания. Но в этом световом половодье воплощено то стремление к свету и теплу, которое накопилось в душах людей за трудные военные годы.

Лактионов по характеру своего дарования является художником, с радостью припадающим к источнику жизни, к природе. В ней черпает он силы и вдохновение. Область фантазий, необычных композиционных приемов не его сфера. Поэтому картина «Письмо с фронта», где счастливо сочетались непосредственная передача натуры с тем, что стоит за пределами изображаемого, стала столь популярным произведением советского изобразительного искусства.

С тех пор прошло почти четверть века. За это время художник создал немало портретов и картин.

Портрет жены , написанный в лучших традициях русской портретной школы. Десятки замечательных пейзажей, среди которых выделяется солнечностью, праздничностью «Новодевичий монастырь». Художник не упустил здесь ни одной драгоценной архитектурной детали, но они не мешают зрителю воспринять общее во всей его прелести и значительности.

Собранные вместе, все столь разные произведения А. Лактионова доставили бы большую радость зрителям — почитателям таланта художника, так же, как вызвали бы, наверно, активную неприязнь врагов его искусства. Хотя последних немного по сравнению с теми, кому дорого искусство Лактионова. Произведения художника не случайно являются предметом ожесточенной полемики, которую приходится наблюдать в наших выставочных залах. В его работах с большой силой проявляется протест против дилетантизма и профессиональной безответственности, против огрубления действительности под видом поисков новых форм.

ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ

Поверив однажды, что «прекрасное есть — жизнь!», Александр Лактионов не изменяет этому девизу.

И чем сильнее расшатываются основы профессионального мастерства в изобразительном искусстве, чем большему забвению предается рисунок, тем тверже становится штрих Лактионова, строже мазок. Этот процесс особенно стал заметен в последние годы, отданные художником работе над портретами космонавтов. Здесь Лактионов делает шаг вперед по сравнению с портретами старых большевиков Ф. Н. Петрова и П. И. Воеводина, выполненными в 1963—1964 годах. Если когда-то, в молодости, у него заметно было увлечение Репиным, Серовым, то уже в начале пятидесятых годов в творчестве А. Лактионова реализуется попытка приблизиться к технике великих живописцев XVII века. Так, влияние Ван-Дейка определенно чувствуется в портрете «Ваня Лактионов» 1956 года и некоторых других работах.

Портрет космонавта В. М. Комарова, выставленный автором три года назад, запомнился и полюбился зрителю не только своей достоверностью, профессиональным мастерством, но и глубоко человеческой сущностью. Эта черта есть и в новом произведении художника — портрете космонавта П. И. Беляева. Умело концентрируя свет на лице изображаемого, сгущая краски фона, автор добивается ощущения необычной жизненности. Это не просто бытовой портрет, в нем есть элемент романтики, таинственности. Он — новая ступень в творчестве живописца. Краски холста словно мерцают в холодном голубовато-зеленом полутоне. Мастер впитал в себя лучшие традиции школы старых мастеров, он блестяще владеет валером. Великолепна фактура портрета, где тончайшая лессировка соседствует с пастозными ударами кисти.

Лактионов, подобно мастерам Ренессанса, сам готовит холсты, трет краски. Многие свои картины он пишет темперой, этой вечной по сохранности техникой, и лишь после окончания полотен покрывает их лаком, кое-где трогая маслом.

Строг и прост рисунок портрета, лепка формы лица, рук. Сейчас почти утеряно умение писать одежду со сложными складками, фактурой. Лактионов как бы шутя расправляется с этими трудностями.

Но, конечно, центр портрета — лицо космонавта. Необычайно живо передана мягкая улыбка, острый, добродушный взгляд героя. И что особо интересно: изобилие скрупулезно написанных аксессуаров — знаков отличия, орденов, медалей — не мешает общему впечатлению, не препятствует нашему восприятию глубокой характеристики портретируемого.

Профессиональная честность — одна из характерных черт художника, но в последних портретах она обретает какую-то особую весомость. В них нет композиционной случайности, нет пустых, не проработанных внимательно мест. В настоящее время, когда пренебрежение к мастерству получило довольно заметное распространение, незыблемость позиций Лактионова и некоторых его товарищей приобретает в известной мере героический оттенок. Невзирая на брань и хулу, они пытаются навести мост, соединяющий классическое реалистическое искусство с современностью.

Пусть не все сделано, как хотелось бы, но теперь мост все-таки существует.

Тот, кто видел в 1956 году, с какой легкостью повторил Лактионов один из шедевров Дрезденской галереи — «Шоколадницу» Лиотара в сложной пастельной технике, тот не сможет сказать, что сын кузнеца и прачки, приехавший в 1932 году в Ленинград, чтобы приобщиться к великому искусству, не выполнил своей задачи.

...Подходя к своим шестидесяти годам, Александр Иванович сегодня частенько задумывается о судьбах нашего искусства:

— Мы должны продолжить эстафету: нами накоплены знания и кое-что сделано в искусстве. Нужно передать все это в надежные руки молодежи. Как мы получили в Академии наследие Репина, так и сами должны продолжить эту линию, отдав полученное ученикам. Народ ждет от нас продолжения добрых традиций русской реалистической школы, а не забвения их!

Фото Г. Макарова и Д. Ухтомского.

ВСЕГДА НА ПЕРЕД

Накануне празднования Дня пограничника корреспондент «Огонька» Ю. Чернявский встретился с начальником пограничных войск КГБ при Совете Министров СССР генерал-полковником П. И. ЗЫРЯНОВЫМ.

— Свой праздник мы отмечаем в пятьдесят второй раз,— рассказал П. И. Зырянов в беседе с нашим корреспондентом.— Дата не круглая, но, пожалуй, мы никогда еще не готовились к нашему празднику с таким воодушевлением, как в нынешнем году. Это и понятно: семидесятый год озарен двумя великими годовщинами — столетним юбилеем основателя нашего социалистического государства Владимира Ильича Ленина и 25-летием Победы над фашистской Германией.

История пограничных войск Советского Союза теснейшим образом связана с именем вождя революции В. И. Ленина, который принимал самое непосредственное участие в их создании.

28 мая 1918 года Владимир Ильич подписал им лично отредактированный Декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении пограничной охраны. В этом декрете вопреки левацким утверждениям троцкистов, которые на все лады доказывали, будто границы нам вообще не нужны, Владимир Ильич ясно и недвусмысленно определил задачи пограничников, которые в полной мере стоят перед нами и поныне.

Следуя ленинским заветам, партия рассматривала и рассматривает границу не как некое географическое понятие, а как линию, обозначающую пределы действия власти победившего пролетариата, действия нашего социалистического правопорядка, нашей государственной системы, созданной волею народа.

Без тесного сотрудничества с органами государственной безопасности, без четкого обозначения границ, без неукоснительного соблюдения пограничного режима и — это, пожалуй, главное — без мужественных, смелых, владеющих солидными военными знаниями и боевой техникой бойцов и офицеров-пограничников, беззаветно преданных ленинскому делу, было бы невозможно обеспечить безопасное существование нашего государства. Его строй и уклад жизни диаметрально противоположны капиталистическим порядкам, а потому вызывают бешеную ненависть империалистов и их слуг.

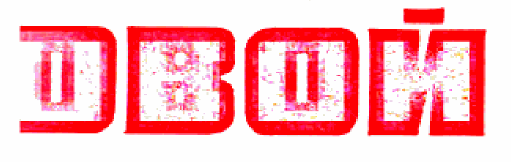
Когда враг пытался прощупать наши рубежи крупными силами, когда на Советский Союз совершалось военное нападение, пограничники первыми встречали врага огнем, первыми принимали на себя удар. Так было и в Великую Отечественную войну. Как известно, в первый же день нападения Гитлер обрушил на нашу страну огромные силы. Тем не менее на всем протяжении западной границы не было ни единого случая, когда бы пограничники дрогнули, отошли, не вступив в бой с превосходящим их в численности и вооружении врагом; они держались до последнего патрона, стояли насмерть, отбивая непрерывные атаки гитлеровцев. А потом вместе с наступающими частями Советской Армии пограничники двигались на Запад и там, где наши войска достигали государственных рубежей, немедленно восстанавливали пограничные знаки и весь необходимый пограничный режим.

Именно поэтому 25-летие разгрома гитлеровской Германии, в победу над которой пограничники внесли свой ощутимый вклад, делает наш праздник в нынешнем году особенно торжественным.

Солдат-пограничник как бы олицетворяет собою мир. Стоит пограничник на линии границы — значит, и нет войны. Граница наша не железная стена, не ощетиненные штыки, а линия, ограждающая юридическое право нашего народа на избранное им существование. На железнодорожных станциях, в морских гаванях и аэропортах пограничники первыми встречают гостей нашей страны — официальных лиц, туристов, представителей деловых кругов. И последними из советских людей расстаются с гостями, когда они покидают пределы нашего государства. И, конечно, мы вместе со всем нашим гостеприимным народом рады гостям... Мы рады и тому, что во многом изменился характер наших границ. На сотни километров протянулась их линия в дружеском соседстве с социалистическими странами — Польшей, Чехословакией, Венгрией, Румынией...

В то же время мы, пограничники, понимаем охрану государственных рубежей как ответственность за жизнь, имущество, спокойное существование каждого советского гражданина. И хорошо знаем, что всякое предумышленное нарушение границы и пограничного режима наносит ущерб, а иногда и грозит бедой жителям нашей Родины. Мы не можем обольщаться покоем — мы должны бдительно оберегать его.

В том, чтобы заранее знать о предстоящем нарушении границы, вовремя обнаружить и предупредить нарушение и обезвредить на-

рушителей, состоит искусство пограничников.

Искусство это нелегкое: нарушители и их хозяева из империалистических разведок тоже, как говорится, не лыком шиты. Невозможно перечислить все те хитрости, уловки, весь тот огромный арсенал всевозможных технических средств, к которым прибегает враг для достижения своих злонамеренных целей.

Но пограничные войска как составная часть доблестных Советских Вооруженных Сил СССР всегда начеку, всегда в состоянии полной боевой готовности. Да и уровень вооружения и подготовки пограничников неизмеримо поднялся по сравнению с тем, что было у нас полвека назад. Офицеры, политработники, весь личный состав пограничных войск в совершенстве владеют тактическими приемами и методами охраны наших рубежей, неустанно работают над совершенствованием этих методов и приемов.

Благодаря заботе партии и правительства у нас выращены преданные, мужественные военные пограничные кадры, люди, которым доверена первоклассная боевая и специальная техника.

Но границу, как вы знаете, охраняет весь народ. Мы благодарим жителей приграничных районов, местные советские и партийные органы, добровольные народные дружины, многотысячный отряд юных друзей пограничников за их огромную помощь в охране государственной границы. Практически каждый из жителей приграничных районов готов в любой момент взять оружие в руки и принять участие в операциях пограничников.

Благодаря всему этому мы имеем возможность, что называется, не спускать с врага глаз, следить за всеми его приготовлениями и своевременно предупреждать и пресекать его действия. Словом, куда бы ни сунулся нарушитель, где бы ни попытался перейти границу — на суше, на воде или в воздухе,— он непременно будет обнаружен и перехвачен.

Вот несколько примеров действий наших пограничников.

Недавно на одном из участков границы путь банде нарушителей преградил пограничный наряд под командой офицера Гельдыева. Действия пограничников младшего сержанта Ковецкого, рядовых Миронючка и Иванова были столь стремительны, что нарушители даже не успели взяться за оружие.

Нелегко приходится нарушителям и на море. Не так давно пограничный корабль, которым командует офицер Б. Соколов, несмотря на штормовую погоду и кромешную тьму (дело происходило ночью), обнаружил с помощью локатора, настиг и захватил быстроходную, специально оборудованную шлюпку с вражескими лазутчиками.

А вот случай, который произошел на одной из наших пограничных станций. Младший контролер контрольно-пропускного пункта ефрейтор Абдул, досматривая железнодорожные платформы, груженные рудой, заметил на поверхности груза след ботинка. Конечно, этот один-единственный след мог оставить кто-нибудь из рабочих во время погрузки или железнодорожники из поездной бригады. Однако ефрейтор осмотрел платформу с особым тщанием и вдруг обнаружил едва приметный бугорок. Под ним оказалось устроенное из мешков гнездо, в котором укрывался нарушитель, оказавшийся опасным преступником.

Родина по достоинству оценила бдительность и отвагу, которые стали для всех пограничников непреложным законом их суровой и нелегкой службы. По случаю ленинского юбилея многие пограничники награждены медалью «За воинскую доблесть». Ряд пограничных отрядов получил юбилейные грамоты ЦК КПСС и Верховного Совета СССР.

Лучших своих товарищей комсомольцы-пограничники избрали делегатами XVI съезда ВЛКСМ. Среди делегатов — Герои Советского Союза капитан Виталий Бубенин, лейтенант Юрий Бабанский, а также сержант Виктор Овчинников и секретарь бюро ВЛКСМ погранзаставы имени Виктора Усова Петр Головко.

Как видите, свой нынешний праздник воины-пограничники встречают в обстановке высокого политического подъема, с сознанием, что они свято выполняют свой долг перед партией и советским народом, и с глубокой уверенностью в том, что рубежи нашей социалистической Родины и впредь останутся неприкосновенными для любых незваных гостей.

П. БРАЙКО,
Герой Советского Союза

ТРАДИЦИИ МУЖЕСТВА

Пограничники первыми принимают удар агрессора. Так было у озера Хасан в тридцать восьмом году, так было на реке Халхин-Гол в тридцать девятом. Так произошло в памятном нам всем июне сорок первого года. Готовность в любую минуту принять бой, остановить зарвавшегося врага требует от людей, стоящих на страже рубежей своей Родины, особой твердой воли и закалки, особой находчивости и мужества. В общем, пограничники — люди, у которых линия границы всегда проходит через сердце.

Эти мысли проносились у меня в голове, когда я майским погожим днем спешил в родное мне Высшее пограничное училище на традиционную встречу курсантов и преподавателей с ветеранами погранвойск.

В клубе я с радостью увидел своих бывших учителей и наставников, а также своих сверстников — прославленных ветеранов войны, Героев Советского Союза. Дружески пожал я руку Никите Фаддеевичу Кайманову, который в тяжкий сорок первый год с горсточкой пограничников двадцать дней, под обстрелом и бомбежкой, держал высоту, ставшую непреодолимым препятствием на пути гитлеровцев; а когда фашисты решили стереть эту высоту с лица земли и в течение двух суток непрерывно бомбили ее, уверенные, что обратили все живое в пепел, каймановцы, словно ожив из пепла, просочились сквозь кольцо вражеской пехоты и яростно ударили фашистам в спину.

Как воскресшего из мертвых, встречали все мы Ивана Прокофьевича Гоманкова, дважды погибшего, согласно военным документам, но чудом оставшегося в живых после тяжелых ранений и удостоенного высокого звания Героя Советского Союза за штурм Берлина и взятие рейхстага.

Здесь же, в нашем училище, среди старых боевых друзей был и Герой Советского Союза Никита Федорович Карацупа — легендарный следопыт, гроза шпионов и диверсантов, задержавший за тридцать лет самоотверженной службы 338 нарушителей государственной границы и уничтоживший еще 129, не пожелавших сдаться в плен. Сейчас в нашем училище учится сын Никиты Карацупы: служба на границе стала для них семейной традицией.

И хоть дорого мне мое родное училище (каждый кулик, как говорится, свое болото хвалит), но разве уступает моим славным однокашникам в доблести воспитанник Орджоникидзевского училища имени С. М. Кирова Герой Советского Союза Виктор Александрович Карасев?.. Это он в самые тяжкие для нашей Родины дни, когда шла великая битва под Москвой, с небольшой группой своих бойцов напал в Угодском Заводе на штаб 12-го армейского корпуса гитлеровцев и разгромил его, чем не на шутку перепугал командующего 4-й немецкой армией генерала фон Клюге. А потом Виктор Карасев с теми же бойцами-пограничниками создал партизанский отряд, с которым лихо прошел по тылам гитлеровского вермахта, от Москвы до чехословацких Татр.

В общем, что ни человек на этой традиционной встрече пограничников, то захватывающая

жизненная повесть или даже целый роман. Что ни характер, то типические черты, отражающие моральный облик поколения тех, кто грудью встретил и опрокинул сумасшедший натиск гитлеровской военной машины.

Здесь же, среди молодежи,— Герои Советского Союза Виталий Бубенин и Юрий Бабанский.

Слышатся шумные приветствия и дружеские шутки... Словом, праздник!

Слушая докладчика, я невольно вспомнил прошлое. Навсегда запомнил я Анатолия Рыжикова таким, каким увидел его впервые, когда оба мы были еще курсантами. Певун, танцор, гимнаст, он с блеском участвовал во всех праздничных концертах. Бывало, как пройдет Толя по сцене эдаким козырем — стройный, плечистый, русоволосый — да как запоет звонким тенором: «Эх, канава, ты, канава, ты, канавушка моя»,— про все забудешь!

Но особенно мы любили петь с ним вместе песню об отважном пограничнике Андрее Коробицыне. Слова о великой Родине и ее верном сыне, который еще в 20-х годах погиб на дальних северных рубежах, выполняя свой долг, всякий раз заставляли нас думать: кто же встанет на место погибшего героя?

...Когда закончилась торжественная часть, посвященная юбилею нашего училища, мы вышли в фойе и начали перебирать имена друзей, которые учились в этих стенах вместе с нами. Преподавателей, которые давали нам не только знания по военным дисциплинам, но и прививали любовь к родной литературе, искусству.

— А помнишь, как ты выступал в Кремле, перед папанинцами? — спросил я Рыжикова.— Мы тогда все страшно завидовали тебе.

Он улыбнулся.

— Да, эта встреча навсегда осталась в моей памяти. И знаешь, что меня поразило тогда больше всего? — признался он.— Ведь до этого я знал героев только из песен и кинофильмов. А тут вдруг увидел воочию тех, кому рукоплескала вся страна. И меня поразило, что Папанин, Федоров, Кренкель и Ширшов держались так просто. Говорили они о себе с юмором, особенно Папанин!.. Я потом всегда старался подражать, насколько мог, этому их качеству — скромности... О том, как я пою, я тогда в Кремле даже не думал от волнения. А вот настоящую силу песни, сближающей, роднящей людей, я понял уже на границе... До чего же хороши молдавские песни и пляски!.. До чего талантливый и душевный там народ!

Он стал рассказывать, как заучил первые молдавские слова благодаря полюбившейся ему песне.

А я, невольно поглядывая в ту сторону, где стояли сейчас Бубенин и Бабанский, беседуя с курсантами, сравнивал с ними тогда совсем еще молодого лейтенанта Анатолия Рыжикова, недавно приехавшего на границу.

Двадцать первого июня сорок первого года, в субботу, Рыжиков и его товарищи устроили спортивную встречу с сельской молодежной командой — играли в футбол. А потом долго в поле за селом пели песни: молдавские, украинские, русские. Все чувствовали себя, как одна семья. Расставаться не хотелось.

Вечером Рыжиков заступил дежурным по своей погранкомендатуре.

В те дни на заставах уже ощущалась напряженность. Весной румынские власти по приказу генерала Антонеску начали переселять крестьян, сочувствовавших советскому народу, в глубь страны. К границе были подтянуты королевские войска. Все чаще стали нарушать нашу границу чужие самолеты. Потом в королевских войсках появились немецкие инструкторы-офицеры. А в мае прибыли гитлеровские части, танки, артиллерия... По всему чувствовалось: враг готовится к удару.

Но эта ночь — с двадцать первого на двадцать второе июня — была, казалось, спокойной... И вдруг на рассвете со стороны границы донеслась пулеметная и артиллерийская стрельба, раздались взрывы гранат.

Зазвонил телефон. Начальник заставы лейтенант Левиненко доложил: «Немцы, более батальона, пытаются переправиться через Прут. Веду бой».

И связь оборвалась.

Нарушена была телефонная связь и с другими заставами.

Лейтенант Рыжиков разослал всех своих связистов по линиям... А когда связь с заставой Павла Левиненко была восстановлена, более батальона гитлеровцев уже переправилось через реку. Фашисты заняли деревню Коту-Мария. Поредевшая застава вела отчаянный бой, еле сдерживая натиск численно превосходящего противника.

Лейтенант Рыжиков получил приказ коменданта: выйти с оставшимся резервом на помощь Левиненко. Резерв этот состоял из двух поваров, кузнеца, каптенармуса да завскладом — в общем, всего шесть человек. Прихватив с собой по полдюжины гранат на брата, они на полуторке помчались выручать Левиненко.

Приближаясь к месту боя, Рыжиков понял: помочь заставе можно только внезапным ударом по врагу, зайдя с тыла. И скомандовал:

— Братцы! Обойдем фашистов кустарником и ударим им в спину!

Прячась за кустарник, пограничники проникли к высоте, с которой, захлебываясь, вела огонь целая батарея фашистских пулеметов.

— Прикройте меня, я сам с ними разделаюсь,— сказал Рыжиков и кинулся к ближайшему пулемету.

Вскоре раздался взрыв, вражеский пулемет замолчал.

После этого Рыжиков махнул рукой своим ребятам, что означало: «За мной!» — и бросился ко второму... Только подобрался к нему, подготовил гранату, глядь, а сбоку фашист. Это был, судя по крестам, бывалый вояка. Анатолий сделал вид, что не замечает его. Но, едва гитлеровец поднял нож, чтобы ударить Анатолия в спину, тот сам схватил его за руку и нанес смертельный удар по затылку. Видно, недаром слыл Анатолий в училище лучшим самбистом и легкоатлетом.

Прикончив фашиста, Рыжиков пополз ко второму вражескому пулемету. Когда подполз ближе, вдруг увидел, что на высотке два немецких станкача и оба ведут непрерывный огонь по заставе Левиненко.

Рыжиков остановился, отдышался, приготовил на всякий случай еще две гранаты. Потом подполз ближе к вражеским станкачам.

Первая граната попала точно в цель. Он даже видел, как подскочил и перевернулся вражеский пулемет и как отбросило первого номера.

Не раздумывая долго, Рыжиков послал гранату во второй пулемет. Грохнул взрыв. У Анатолия зазвенело в ушах. Потом вдруг наступила удивительная тишина... и, разрывая ее, ударили наши «дегтяри». Среди немцев поднялся крик. Они начали отходить.

Рыжиков пополз к товарищам, которые вели огонь по отступающей вражеской цепи. Вдруг на него бросились сразу три здоровенных фрица. Вот где Анатолию пригодилась его курсантская тренировка в штыковом бою. Три немца решили, видимо, взять храброго пограничника живым. Первого лейтенант Рыжиков проткнул штыком, второго свалил прикладом, а третьего догнала его меткая пуля...

Десять дней держали бойцы Рыжикова и Левиненко границу на своем участке (до сих пор в молдавских селах рассказывают об этих боях легенды).

Потом изнурительные бои на Днестре. Под Кривым озером Рыжиков был ранен, но продолжал воевать. Затем — бои за Донбасс.

Оттуда уже его отправили в госпиталь, в Куйбышев, где шестого ноября сорок первого года сам Михаил Иванович Калинин вручил лейтенанту Рыжикову высшую правительственную награду — орден Ленина и медаль Золотая Звезда — первому из пограничников, участвовавших в Великой Отечественной войне.

— А чем, по-твоему, Анатолий Васильевич, отличаются эти ребята от нашего поколения?— спросил я, с интересом вглядываясь в молодые загорелые лица курсантов.

— Чем? — отозвался Виктор Карасев.— Прежде всего уровнем образования. Технические и культурные навыки курсантов, конечно, выше, чем были четверть века тому назад у нас.

Он тоже, как и я, невольно покосил глазом в ту сторону, где стояли Бубенин и Бабанский, и добавил:

— Молодцы ребята!.. Ты, Анатолий, в свои двадцать с небольшим лет тоже шел с отделением против вражеского батальона. Соотношение примерно то же! Значит, традиции берут свое. Смелость — качество, которое воспитывается.

И БУДУТ ВЕЧНО СЛУЖИТЬ ПРИМЕРОМ...

Ветераны Панфиловской дивизии И. Д. Щекатуров и А. Ф. Василенко возлагают венки у камня, на месте которого будет воздвигнут памятник героям-панфиловцам.

Фото В. Высоцкого.

16 ноября 1941 года...

Бой клокочет в десяти километрах от Волоколамска. Особенно жестокая схватка у высоты 251. Двадцать вражеских танков атакуют ее. Четырнадцать — кострами запохыхали на поле. Но новые стальные громады, целых тридцать, вновь атакуют защитников высоты... Тогда-то и сказал политрук Клочков: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»

Панфиловцы так и не пропустили здесь гитлеровцев на Волоколамское шоссе. Геройски сложили головы, до конца выполнив свой воинский долг, политрук Василий Клочков, рядовые Григорий Петренко, Аскар Кожебергенов, Григорий Безродный, Николай Ананьев, сержант Иван Добробабин и их боевые товарищи.

Минуло без малого 29 лет. Срок долгий. Но наш народ свято чтит память своих героев. И с годами подвиги их видятся ярче, объемнее.

В день 25-летия Победы на легендарных рубежах собрались тысячи москвичей и жителей Подмосковья. Они пришли сюда почтить память славных солдат, сержантов и офицеров Панфиловской дивизии, грудью заслонивших родную столицу от натиска фашистских войск.

Перед собравшимися на митинге выступили первый секретарь МК КПСС В. И. Конотоп, командующий войсками ордена Ленина Московского военного округа генерал-полковник Е. Ф. Ивановский и другие товарищи.

Курсанты и воины различных родов и видов войск, прибывшие в этот район, прошли торжественным маршем перед участниками митинга на высоте 251, возле камня на месте будущего памятника двадцати восьми героям-панфиловцам.

Митинг завершился посадкой деревьев вдоль дороги, что ведет от деревни Нелидово к месту будущего памятника.

Капитан Ю. МАКУНИН

ПОСТИЖЕНИЕ ТАЛАНТА

2 июня 1970 года в Москве открывается IV Международный конкурс имени П. И. Чайковского. Советский Союз будут представлять лучшие из лучших молодых пианистов, скрипачей, виолончелистов, певцов.
Сегодня мы знакомим читателей с одним из будущих участников конкурса — пианистом Владимиром Селивохиным.

Пианист Владимир Селивохин.

Фото А. Бочинина

Ольга САХАРОВА

По-разному складываются судьбы людей, причастных к искусству. В детстве все начинают как будто одинаково: яркие природные способности к живописи, танцу или музыке; радостная озабоченность близких, в какую школу отдать малыша; потом годы учебы. Они сложнее, чем у остальных сверстников: искусство начинается с труда и продолжается трудом. И вот наступает момент, когда молодой артист становится художником. Но всегда ли?.. Почему, услышав однажды молодого музыканта, вы будете вновь и вновь искать его имя на афишах, а уходя с другого дебюта, с горечью подумаете, что долгожданного открытия не произошло? Разная степень дарования? Безусловно! Но не только это.

Талант, особенно молодой, хрупок, но уже своеобразен. Он уже существует и ищет свою дорогу.

Как много значит для будущего художника, когда с самого начала — с первого же рисунка, с первой ноты — начинается его собственный, единственный путь, когда каждый новый педагог, каждый новый друг помогают развитию той единой линии, что поведет талант дальше.

Владимир Селивохин — аспирант Московской консерватории, лауреат первой премии конкурса пианистов имени Бузони в Италии.

Из него никогда не делали вундеркинда, хотя объективно данные для этого были: в четыре года он играл на слух всю учебную программу своей девятилетней сестры, импровизировал за роялем... К счастью, мальчик рос в семье, где внешнее, показное никогда не ставилось во главу угла ни в отношениях между родителями, ни в воспитании детей. Очень много пишут у нас сейчас о влиянии школы на ребенка, спорят о том, с какого возраста может малыш постичь основы высшей математики или иностранного языка. И отходит на второй план то, что всегда, испокон веку было первоисточником в становлении характера, индивидуальности человека, — ум, сердце, природный такт матери.

У Лидии Ивановны Селивохиной не было специального музыкального образования, хотя в Харьковской консерватории, где она начинала учиться вокалу, ей прочили успешную карьеру. Говорить сейчас о том, что Лидия Ивановна пожертвовала будущностью певицы ради семьи, детей, не стоит: это не была жертва. Это была внутренняя убежденность в том, что создать новые человеческие характеры, стать для дочери и сына другом, руководителем нельзя, посвящая себя этому лишь отчасти. Только материнское сердце может вместе с ребенком каждый день увлеченно искать и открывать в его внутреннем мире что-то новое. Лидия Ивановна видела, как, обращаясь к музыке, мальчик взрослеет. Вплотную подойдя к только что обозначившейся уже в то время индивидуальности сына и никогда не подавляя ее, мать осторожно и твердо помогала ему делать первые шаги.

Когда Володя пришел сдавать вступительные экзамены в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, комиссия не услышала хорошо выученной сонатины и крепко отыгранных этюдов. Мальчик не знал еще нот; он сыграл то, что особенно старательно подбирал дома на рояле: «Турецкий марш» Моцарта, «Варшавянку», «Думы мои, думы...». Мальчик не волновался, не боялся вдруг позабыть следующий аккорд или плохо сыграть пассаж, не думал: «Примут — не примут?» Просто он больше всего на свете любил играть на рояле, а здесь собрались люди, которые могли ему сказать, хорошо или плохо это у него получается. Если хорошо, научат играть ту прекрасную музыку, что слушают дома папа и мама.

Его взяли учиться. В школу, где учатся дети лишь с ярко выраженными музыкальными способностями... Яркость эта таит в себе и богатые возможности развития и опасность слишком быстрого развития, зачастую поверхностного.

Первый Володин педагог — Илья Романович Клячко — не любил подстегивать своих учеников, не торопил их. В Володе угадал он натуру эмоционально богатую, тонкую и беспредельно музыкальную и ни разу не посягнул на его юную творческую самостоятельность. Умный, чуткий педагог стремился научить мальчика не только правильной, сильной технике игры на фортепиано. Он учил его постижению сути музыки, ее неисчерпаемых глубин, потому что чувствовал, что именно к этой, внутренней стороне искусства обращен талант Владимира Селивохина...

Насколько же сложней, ответственнее, но и благодарнее эта задача педагога, чем подготовка выигрышной программы для «показательных выступлений» вундеркинда перед публикой...

Первый Володин концерт состоялся, когда ему было десять лет. Он играл в Малом зале Консерватории. В артистической ждала мама. Радостный и страшный это был для нее день. Сейчас вернется со сцены Володя — счастливый, смущенный поздравлениями, жаждущий веселой маминой улыбки, а она едва сдерживает слезы: дома их ждет смертельно больной отец. Всегда жизнерадостный, сильный, жадно любивший работу, детей, он не должен знать, что надежды нет. Ни он, ни дети...

После смерти мужа Лидия Ивановна переехала с детьми в Киев. Слишком больно стало ей и ребятам находиться в доме, где все напоминало об утрате.

Пять киевских лет прошли для Володи в стремительном движении вверх по лестнице музыкального образования. Ученик шестого, а потом седьмого класса обычной школы, Владимир Селивохин ежедневно занимался в Киевской консерватории по специальной программе — гармонией, сольфеджио, фортепиано. В четырнадцать лет Володя поступил в музыкальное училище и окончил его за два года. В шестнадцать он студент Консерватории.

За это время у Володи сменилось семь педагогов. Не каждому из них удавалось понять особенность дарования молодого музыканта. Ближе всех других к сокровенной Володиной линии в творчестве подошли два педагога... Евгений Михайлович Сливак подготовил тринадцатилетнего пианиста к первому «взрослому» выступлению: исполнению Первого концерта для фортепиано с оркестром П. И. Чайковского в Большом зале Киевской консерватории. У Всеволода Владимировича Топилина Володя начал заниматься, когда стал студентом.

В 1963 году Владимир с матерью вернулись в Москву. В Московской консерватории юноша стал заниматься в классе профессора Льва Николаевича Оборина, одного из самых глубоких последователей великого русского пианиста и педагога К. Н. Игумнова.

То, что Володя стал учеником Л. Н. Оборина, думается, нельзя считать случайностью. Весь склад дарования, весь склад натуры молодого пианиста были именно той почвой, которая неустанно, деятельно впитывала и продолжает впитывать в себя основы богатейших традиций русской исполнительской школы. Одухотворенность, философское осмысление музыкального образа, стремление к красоте, насыщенности звучания — разве можно по-другому представить исполнение великой музыки Чайковского, Рахманинова, Прокофьева? Разве не эти черты в первую очередь отличают стиль наиболее талантливых наших исполнителей, когда они обращаются к произведениям западных классиков?..

Когда играет Владимир Селивохин, каждая исполненная им вещь открывает его перед вами по-новому. О нем нельзя сказать: разноплановый исполнитель. Слушая его, ощущаешь, что это не разные планы одного и того же человека, это множество граней большого, незаурядного дарования. Суровый героизм бетховенской «Аппассионаты», мягкость, пастельность «Осенней песни» Чайковского, широта, огромная потенциальная мощь рахманиновской «Фантазии», утонченная простота сонат Гайдна, затаенный трагизм Шопена — все доступно молодому пианисту.

Странно бывает вдруг услышать о таком музыканте, как Селивохин, поощрительно сказанное: «Виртуоз». Нет, не виртуоз, а художник, которому доступны, кажется, самые головокружительные технические трудности. Их у Селивохина просто не замечаешь. У него нет не только «проходных пассажей» — нет ни одной «проходной ноты». Все осмысленно.

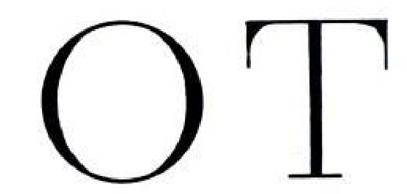
...В Италии, где в позапрошлом году концертировал пианист, рецензии изобиловали самыми восторженными эпитетами. Во многом с итальянскими критиками можно согласиться, но в одном — никогда. «Владимир Селивохин уже артист, и большой артист, и мы не знаем, — писали газеты, — что ему в этом отношении могут добавить годы».

Годы добавят многое.

Потому что путь развития истинного таланта неисчерпаем и бесконечен.

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ

Герой поэмы Мирзо Турсун-заде — индийский общественный деятель Пратап. Раджа Махендра Пратап, посвятив свою жизнь делу освобождения Индии, призывал бороться с колонизаторами «путем ненасилия». С 1915 года он жил в Кабуле (Афганистан), где создал Временное эмигрантское правительство Свободной Индии. 7 мая 1919 года Пратап вместе со своими единомышленниками посетил В. И. Ленина и оставил об этой встрече воспоминания. После изгнания колонизаторов Пратап вернулся на родину, в течение многих лет был членом индийского парламента. Пратап — друг Советского Союза.

В 1968 году автор был в гостях в городе Дехрадуне у героя своего произведения.

Мы публикуем несколько глав из поэмы. Полностью новая работа лауреата Ленинской премии, Героя Социалистического Труда Мирзо Турсун-заде выйдет отдельной книгой — приложением к журналу «Огонек».

РАССКАЗ О ФАЗАНЕ И ЯСТРЕБЕ

Однажды предо мной свершал парение
Фазан в своем нарядном оперении.

С пурпурным клювом луговая птица
Не уставала в воздухе кружиться,

Как бы купалась в радужной воде,
Не думая, не зная о беде,

На солнце красовалась ярко, молодо,
А крылья были у нее из золота.

Увидел ястреб ту беспечность птичью
И разом устремился на добычу,

И алчностью и злобой обуян,
Но ускользнул от хищника фазан.

Он притаился, травами сокрытый,
И стали заросли ему защитой.

Кокосовый орех, бамбук, тростник
Образовали для него тайник:

Для тех, кому грозит кровопролитье,
Тайник природы — лучшее укрытье!

Свободное жалея существо,
Я с гневом заступился за него:

«О ястреб, почему дитя фазанье
Должно изведать от тебя терзанье?

Охотник здесь выслеживает дичь,
Но пуля может и тебя настичь,

И если ты не пощадишь фазана,
Погибнешь сам негаданно-нежданно.

Ты вольной жизни свет и благодать
Ни у кого не вправе отнимать.

Ты ради зла свои расправил крылья,
Но сила доброты сильней насилья!»

НАШЕСТВИЕ ДЕВУШЕК

Как ни был бы тяжел и страшен гнет,
Желанье жизни вечно в нас живет.

Подвергнем ли страдальцев укоризне
За то, что жаждут, страстно жаждут жизни?

Ведь каждый человек есть целый мир,
Так радостным и вольным сделай мир!

Средь голода, бескормиц, недорода
Над смертью торжествует жизнь народа.

Дорогу дней объемлют с двух сторон
То свадьбы звон, то слезы похорон...

Я помню вечер, свадебное шествие —
Пленительное девушек нашествие

На улицу, где обитал жених.
Неспешно шли слоны в шелках цветных,

И раковины голосами трубными
Немолчно разговаривали с бубнами,

И уши у слонов, казалось, тоже
Хотят звенеть, на бубны так похожи!

А на слонах в чалмах, в одеждах празднества,
В цветах, что ярко и душисто разнятся,

Сидели музыканты и певцы,
Веселья, наслаждения творцы,

Все время в бубны, в барабаны били.
Невеста позади — в автомобиле,—

Стесняясь, ожидая, трепеща,
Сияла, как в фонарике свеча.

Сплетенные с девическими косами
Пылали розы, пахнущие росами.

Подружки — как два розовых куста,
Чья только что раскрылась красота.

Иль девушки себя творили заново
Из роз, из цветника благоуханного?

Их имена — на белизне венков,
А буквы — из багряных лепестков.

Почтительно приветствуя невесту,
Стремились люди к праздничному месту,

Шли юноши — ровесники весны:
В невесту были тайно влюблены.
Открылось тем, кто за невестой следовал,
Как ветер с косами ее беседовал.

Каким окажется ее жених?
Ей ждать хороших дней или дурных?

Но твердо знает, в дом его вступая:
Запретна для нее любовь другая.

Пора девичества, пора смятения
Пришла; приходит час ее цветения...

Глаза у бедной матери печальны.
Звон свадьбы для нее — как зов прощальный.

В дом жениха она приводит дочь.
Да будет ночью счастья эта ночь!

Кто девушку наставит и утешит?
Кто волосы ей ласково причешет?

Кто с ней поговорит в часы вечерние,
Чтобы все тайны выслушать дочерние?

Без дочери как в доме жить пустом?
Кто приберет их приумолкший дом?

Ее дитя сегодня станет женщиной,
Супругу незнакомому обещанной,

Но мать есть мать, и ей ребенок дорог...
А за невестой следовали сорок

Красавиц с черной родинкой на лбу;
Заманчиво вмешаться в их гурьбу!

Пред материнским взглядом озабоченным
Они сверкали серебром отточенным...

Слились их брови, взор темнеет карий,
И на плечо конец закинут сари.

До пояса нисходит смоль волос,
И рдеет за ушами пламя роз.

Ступают — на ногах звенят запястья,
Как бы суля: «И ты достигнешь счастья!»

Ступают — и сулит им звон серег:
«И ты взойдешь к супругу на порог!»

Ступают — и стремится к ним навстречу
Мать Индия с ласкающею речью.

Все девушки — и в этом нет греха —
Ночь проведут в жилище жениха...

Ужасен гнет, но жизнь шумит прекрасная,
Над смертью смелую победу празднуя.

Снег тает, а вершина остается.
Трус гибнет, а мужчина остается.

ЗОВ ЗЕМЛИ

Вы, Гималаи, выситесь, как судьи,
Земное озирая многолюдье,

Вы наградили нас извечным Шивою:
Он, чтобы жизнь людей была счастливою,

ГАНГА ДО КРЕМЛЯ

Испил весь яд, назначенный для нас,
Став богом, человечество он спас.

Из облака, что над хребтом дымилось,
Явилась Лакшми, нам даруя милость,—

Богиня верности и доброты.
О Гималаи, гордые хребты,

Забудьте вашу давнюю гордыню,
Освободите Индию-рабыню!

Вы дороги и людям и богам.
Зачем же благосклонны вы к врагам?

Или, вершины в небеса вздымая,
Вы для народа — призрачная майя?

Но мы, во тьме блуждая, жаждем зарева,
Нам нужен Город Счастья, а не марево!

Невольники в отечестве своем,
На родине без родины живем.

Живем и обливаемся слезами,
А умираем — нас ввергают в пламя,

Бросают кости с мясом в Ганг святой,
И мы для рыб становимся едой.

Но пусть живет живое для живого,
Пусть не цветет родное для чужого!..

Струится Ганг то в травах, то в песке.
Из Дехрадуна мы пришли к реке.

Вы создали наш город, Гималаи.
О чем же он мечтает в горном крае?

Как Индия, светла и широка,
Всегда в движенье славная река,

А Дехрадун — безвестен, тих и зелен —
Как бы застыл средь вековых расселин.

Но, друг от друга так удалены,
Они одни и те же видят сны,

Одна у них мечта, исток единый —
Святые гималайские вершины.

Река-газель раскрыла робкий взор,
А Дехрадун — как рана в сердце гор.

Избавьте же обоих от кручины,
Святые гималайские вершины!

Иль вы, печалясь о судьбине Индии,
Безмолвней сделались рабыни Индии?

Вы почему притихли, великаны,
Когда шумят над вами ураганы,

Идут над вами тучи, влагой полные,
Грохочут громы, и сверкают молнии,

И разом сорок вспыхивают радуг,
Вселенной нарушая распорядок,

Трепещет вешний ветер, к вам припав,
Добреет барс в объятьях ваших трав.

Вы Индии защита вековая,
Ее величье и броня живая.

Явите же свою святую мощь,
Даруйте нам свободы светлый дождь!

ЭПИЛОГ

Взобравшись вновь на плечи Гималаев,
Я вновь услышал речи Гималаев,

И Ганг опять беседует со мной
Своей плавнотекущею волной.

Я вижу свет, над горным краем брезжущий,
Опять Пратапа вижу я прибежище.

Здесь, в Дехрадуне, в тишине индийской,
Есть домик маленький под крышей низкой.

Один бурьян растет вблизи жилья,
Не видно роз, не слышно соловья:

Не царская судьба ему досталась,
Но раджи здесь благословенна старость.

Свободе дни его посвящены.
Он здесь живет без близких, без жены.

Живет он бедно, как отшельник в келье,
И в бедности он черпает веселье:

Диван, да стол, да легкая скамья,
Да книг старинных дружная семья.

Сейчас я старца доброго наведаю,
Да наградит меня своей беседою.

Я вижу: на столе и на циновке —
Воззванья, а по-нашему — листовки:

Так четверть века в Индии родной
Он с миром говорит и со страной,

Во всем он ищет меры и порядка,
Свой символ веры излагает кратко.

Он требует: «Пора покончить с войнами,
Чтоб сделались пути земли спокойными».

Охваченный заботами своими,
Он и мое вписал в брошюру имя:

«Был у меня такой-то, мол, таджик,
Поэт, по всем приметам — большевик».

Мой друг Пратап, я был у вас, конечно,
Сказали вы, что любите сердечно

Мою страну, что Индии расцвет
Есть Ленина возвышенный завет.

Я обещал и вас, и наше время,
И Ленина воспеть в своей поэме,

И — хорошо ли, худо ли,— как мог,
Все высказал, что я в душе сберег.

Ваш образ очертил по мере сил я,
Вас коммунистом не изобразил я.

Вы путь избрали, богом заповеданный,
Но сердцем вы людским заботам преданы.

Давно вы перестали быть владельцем,
Вы роздали всю землю земледельцам

И бедности едите хлеб сухой:
Вы сами жребий выбрали такой.

Хотя оружье ваше — ненасилье,
Вы гнета и позора не сносили,

И ваша цель всегда была светла,
И раджу к Ленину она вела...

Закат, как селезень багрянoперый,
Плывет, уходит за холмы и горы.

Вечерний сумрак реет над рекой.
Пора и нам Пратапу дать покой.

«Товарищ, до свиданья!» — произносит
Пратап по-русски, вновь приехать просит,

И Гималаи, чей теплеет взгляд,
«Товарищ, до свиданья!» — говорят.

1969—1970.

Перевел с таджикского
С. Липкин.

Рисунки Л. ХАЛЛОВА.

В течение года «Огонек» опубликовал серию материалов, рассказывающих о жизни автономных республик Советского Союза. Сегодня мы заканчиваем наше путешествие репортажем из Якутской АССР. Это рассказ о трудовых буднях, о достижениях республики. Такова Якутия сегодня — накануне выборов в Верховный Совет СССР.

Капсе, Якутия!

Борис СОПЕЛЬНЯК,
Фото Алексея ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Первое слово, которое слышишь, ступив на якутскую землю: «Капсе!» В переводе это значит: «Здравствуй! Расскажи! Поведай, что встретилось на твоем пути. Расскажи о себе, обо всем, что считаешь важным».

Не случайно одно-единственное слово нуждается в таком длинном переводе. Якуты — отличные рассказчики. Народная мудрость гласит: родное слово краше и ласковее солнца, оно радует сердце, окрыляет разум, очищает и облагораживает душу... И каждый якут с гордостью расскажет вам о том, что республика занимает седьмую часть территории Советского Союза, что здесь можно увидеть высочайшие горные хребты и альпийские луга, могучие реки и глубокие озера, безбрежную тайгу и бесконечную тундру. А чего только нет в подземных кладовых: алмазы и олово, золото и слюда, уголь и железо!

Не скроет якут и того, что его республика — самый суровый край страны. Здесь расположен полюс холода, здесь бывают такие снежные бури, что ничего не видно в двух шагах, здесь нет ни одного километра железных дорог, сюда основные продукты питания завозят «с материка».

Якутскую АССР населяют около семисот тысяч сильных, мужественных людей, которые каждым днем своей жизни, своего труда превращают республику в край изобилия.

Итак, капсе, Якутия! Расскажи об этих людях. Поведай, чем они живут, как работают, о чем мечтают...

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ЗОЛОТУ!..

Золото. С самых давних пор во всем мире тускловатый его блеск так действовал на людей, что они бросали дома, семьи, работу, забирались в невероятную глушь, отдавая себя на съедение полчищам комаров, гибли от цинги и голода — и все ради того, чтобы намыть горстку желтоватых зернышек...

Что было, то было. Было и в Якутии. И пусть об этом расскажут участники событий 1923—1925 годов, когда по всему миру разнеслась молва о «советском Клондайке».

«Двадцать шестого апреля добрались наконец до тех мест, где позднее вырос город Алдан,— писал в своих воспоминаниях якут М. П. Тарабукин.— Трудный путь мы проделали! Вокруг тайга, гигантские деревья, сплошные заросли кустарника, сквозь которые без топора и шагу не сделаешь. Измучены мы были порядком, но тут же принялись разбивать лагерь. Я не удержался, побежал с лотком к ручью. Пришлось основательно поработать, прежде чем набрал и промыл первый лоток песку. Но овчинка стоила выделки! На дне лотка я увидел крупицы золота! Глазам своим боюсь поверить, лихорадочно промываю еще и еще раз. И опять золото! И сколько! Я еще никогда не видел такого щедрого золотоносного песка».

А в это время по соседству бродил со своей экспедицией, организованной по заданию правительства Якутской АССР, коммунист Вольдемар Бертин. Он тоже искал золото. У ручья Незаметного Бертин встретился с Тарабукиным, и тот показал свой участок. Поступок по тем временам беспрецедентный. Экспедиция обследовала близлежащие речки и во всех обнаружила золото.

Вскоре сюда потянулись тысячи людей. Сквозь тайгу пробирались опытные старатели, бодайбинские горняки и любители легкой наживы. Единственным инструментом были кайло да лопата. Несмотря на это, золота добывалось неслыханно много. На прииске Незаметном, например, за три года намыли около восьми тонн.

Понимая, сколь перспективно алданское месторождение, и желая положить конец его хищнической эксплуатации, правительство Якутской республики организовало трест «Якутзолото», который объединил все прииски, шахты и старательские артели. С тех пор разведка золотоносных участков велась планомерно, в тайге начали строить поселки, прокладывать дороги, а старатели получали от треста инструменты, одежду и продукты.

Разные люди шли на Алдан, но все они делали большое дело: давали стране золото. А оно в те годы ох как было нужно! Алданцы и сейчас с гордостью говорят: «Первое советское золото добыли мы!»

Ныне у входа в здание комбината «Алданзолото» две мемориальные доски первооткрывателям алданского месторождения: Вольдемару Бертину и Михаилу Тарабукину.

— Я не застал ни того, ни другого,— рассказывает знатный драгер, кавалер ордена Ленина И. А. Сагалаев.— Приехал сюда в тридцатом. Начал коногоном на шахте, потом стал откатчиком и чуть позже — забойщиком. Не удивляйтесь: в те годы россыпное золото добывали и в шахтах, так что в ходу были все горняцкие профессии. Парень я был сильный, до работы жадный, зарабатывал хорошо... Все вроде бы нормально. Чего еще надо?! Но после смены ходил смотреть на драгу. Поразила меня эта здоровенная землечерпалка. В тридцать девятом поступил в училище и через два года первый раз в жизни поднялся на драгу. Хозяином поднялся — вот что важно. И с тех пор... Если б вы знали, сколько речек и ручьев пропустил я через машину, сколько перемыто песка, сколько добыто золота!

— Иван Алексеевич,— перебил я,— а как вы относитесь к золоту?

— В каком смысле? — не понял он.

— Ну вообще... Все-таки металл коварный, так сказать, желтый дьявол...

— Вот вы о чем! — усмехнулся Сагалаев.— Приезжал к нам один иностранный журналист. Тоже интересовался. Насыпали мы ему в пригоршню золота; смотрю, а песчинки так и скачут, так и скачут: вес-то невелик, а руки дрожат. У меня есть вырезка из его статьи, послушайте: «...Присутствующие смеются над тем, как осторожно мы прикасаемся к красному металлу. Они не могут даже представить, сколько ужасных глупостей совершают люди из-за этих вот зернышек». Нам это действительно трудно представить. Случается у нас, что где-нибудь в огороде люди находят самородки. Спокойно сдают их в кассу прииска и получают вознаграждение... Кстати, такие находки для специалиста о многом говорят. Есть золото россыпное и есть рудное, или коренное. Россыпное образуется из рудного, ручейки и речки выносят его на поверхность. Обычно сначала берут россыпное, а потом принимаются за рудное. Дело в том, что рудное золото — это еще не металл, а золотоносная глина. Для ее переработки приходится строить специальные фабрики. Так вот во всем мире добывается 80 процентов рудного золота и 20 процентов россыпного. У нас баланс иной: 80 процентов россыпного и только 20 — рудного. Значит, наши источники еще долго-долго не иссякнут...

Потом мы поехали на драгу. Тут я узнал много любопытного. Сам процесс промывки прост: ковши непрерывно поднимают породу в завалочный люк, оттуда она попадает в так называемую бутарную бочку. В стенках бочки — множество отверстий, через которые золото попадает в шлюзы, застланные резиновыми ковриками. Там-то и оседают драгоценные крупицы. Но перед тем как драга начнет работать, нужно подготовить для нее полигон. А на это уходит несколько лет! Вечную мерзлоту ковши не возьмут, поэтому бульдозеры заранее снимают растительный слой, или, как его называют, торфá. Все лето пески оттаивают, и к осени земля прогреется метра на два. А осенью речку перегораживают дамбой и этот участок затапливают. За зиму под водой земля оттает еще на метр. Летом воду спускают, потом все повторяется сначала. Так, через три-четыре года порода оттает метров на восемь, и тогда в работу вступает драга.

Сейчас на комбинате «Алданзолото» более десятка драг, две фабрики по добыче рудного золота и... несколько старательских артелей. Самая крупная из них—«Алдан», в которой работают 350 человек. Однако нынешняя старательская артель — это, по сути, хозрасчетная бригада, располагающая десятками бульдозеров, промывочными приборами, мощными насосами, автомобилями. Часть оборудования артель покупает, часть арендует.

Обычно старатели работают в тех местах, куда не завезешь драгу, да и месторождения артелям достаются не самые мощные. Тем не менее старатели дают третью часть золота, добываемого комбинатом.

ВОТ ЧТО МОГУТ ЯКУТСКИЕ МЕДИКИ!

Студенты торопились на занятия. Физики и геологи, строители и медики, зоотехники и филологи — все спешили в главный корпус университета. Сегодня начало семестра. А по старой студенческой примете, пропускать первую лекцию никак нельзя: говорят, что на экзамене преподаватель обязательно вспомнит прогульщика...

Мы отправились к медикам. Четвертый курс слушал лекцию доктора медицинских наук, профессора Т. И. Крыловой. Татьяна Ивановна — врач-фтизиатр, и ее первая лекция была посвящена проблемам легочных болезней. Страшным бичом был некогда туберкулез для якутов, эвенов и юкагиров. Еще в начале века люди умирали целыми стойбищами. От болезни пытались спрятаться в тайге, приносили жертвы богам, звали на помощь шаманов, но туберкулез не щадил ни старых, ни малых. Медики — а их тут было тогда очень мало — объясняли это суровым климатом, отсутствием витаминов. А причина была яснее ясного: недостаточная медицинская помощь и скученность населения. Стоило заболеть одному, как от него заражалась вся семья, а потом и стойбище.

Двадцать восемь лет работает в больнице доктор Крылова. Приехала она в родной город сразу после окончания Омского медицинского института. Время было трудное, врачей требовал фронт. А те, кто оставался в тылу, работали за троих. По сто больных в день принимала Крылова...

Все эти годы она не только лечила, но и вела большую исследо-

День и ночь работают экскаваторы и самосвалы в карьере Мирного.

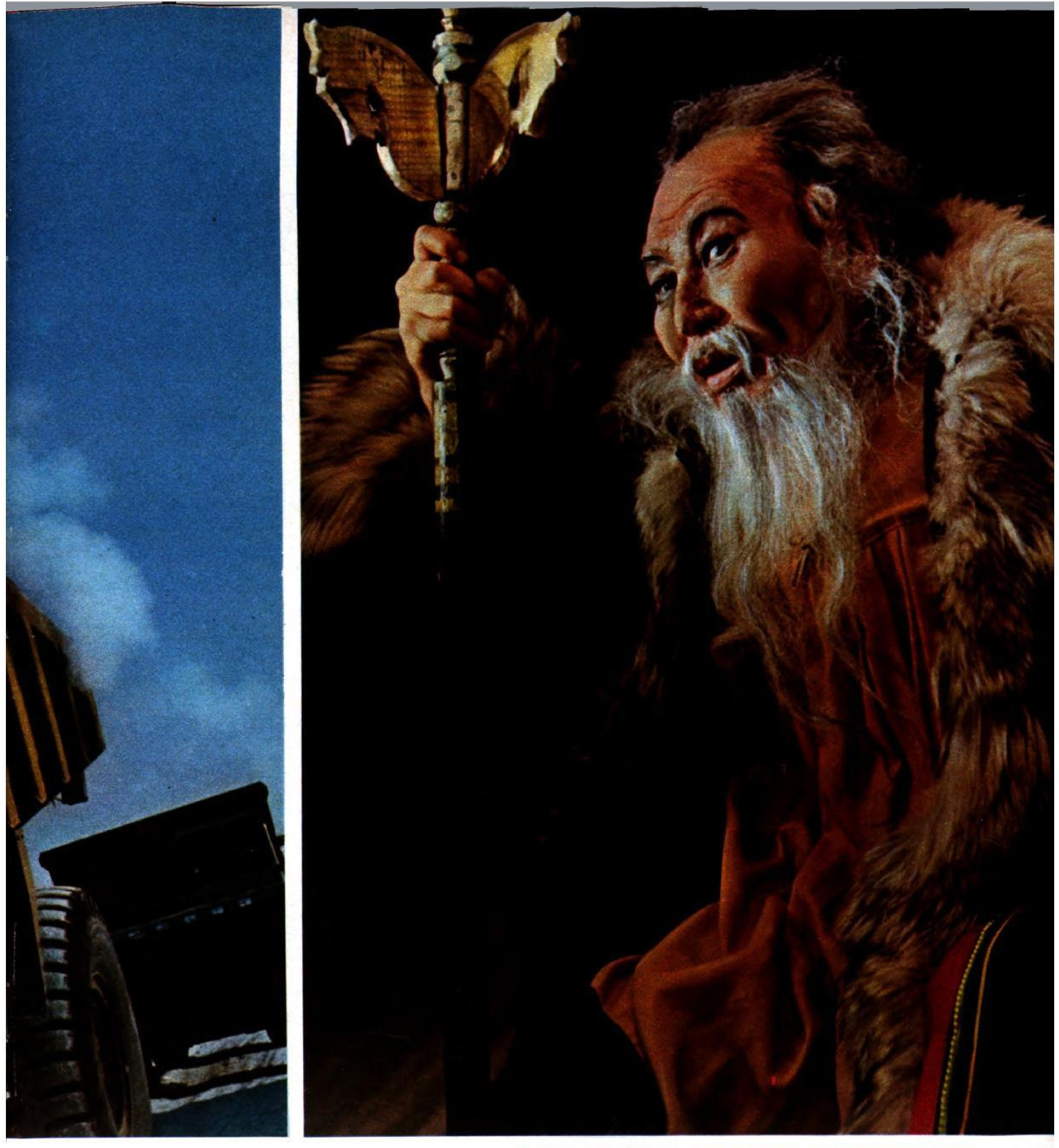

«Карат» — так называется установка, стоящая на выезде из карьера. На пульте дежурного оператора К. Одоева фиксируются вес и номер самосвала, а также номер экскаватора, который его загрузил.

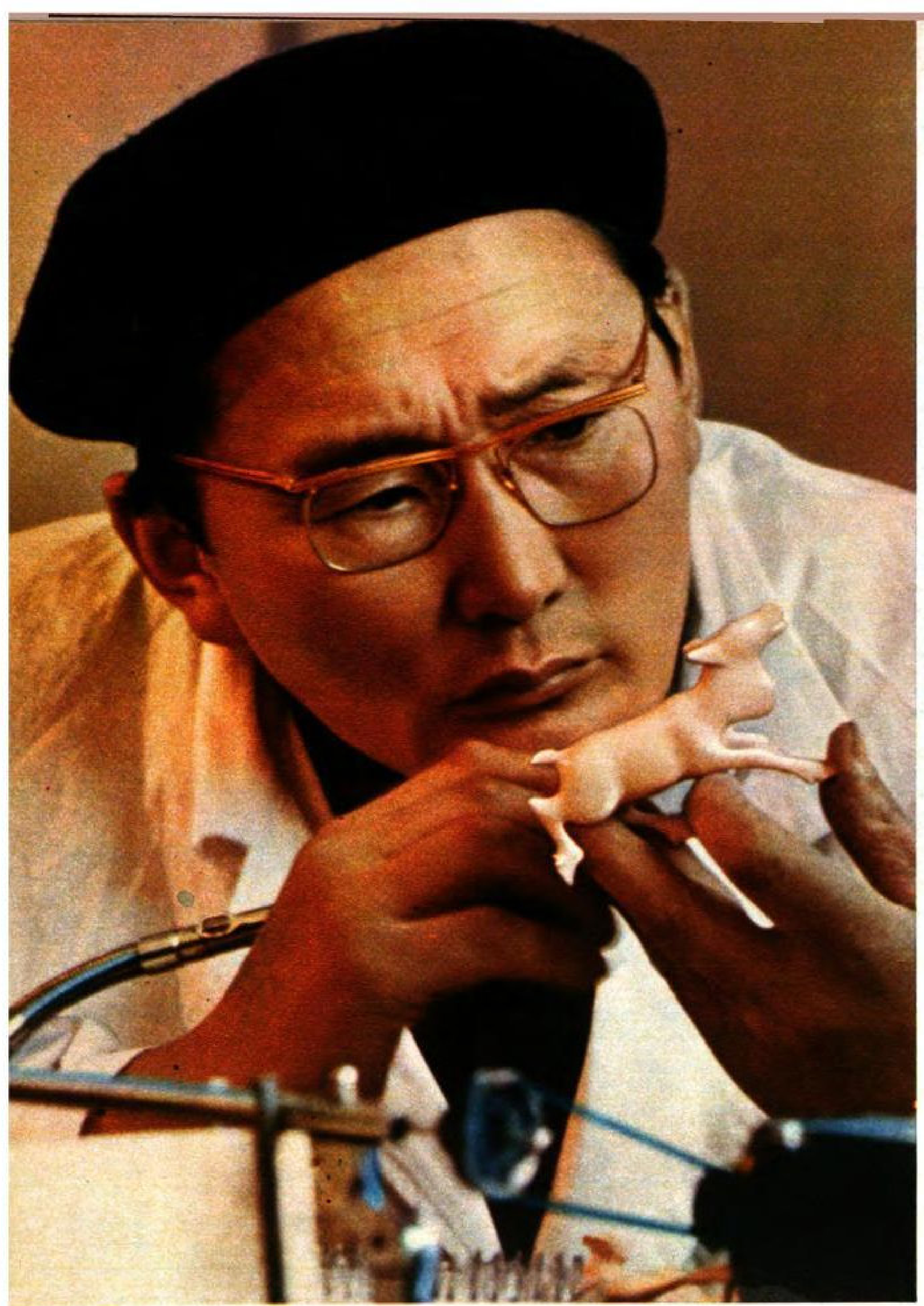

Алла Кан — одна из воспитанниц профессора Т. И. Крыловой.

Когда-то С. Летко и Г. Салтыков работали в Мирном. Теперь они лучшие шоферы комбината «Алданзолото».

Ведущий актер Якутского государственного музыкально-драматического театра имени Ойунского народный артист СССР Д. Ф. Ходулов.

Меньше года существует сувенирная фабрика «Сардаана», а ее изделия уже знают далеко за пределами Якутии. Немалая заслуга в этом костореза П. Н. Романова.

Меховые дамские сумки.

Сувениры из дерева.

Украшения для женщин из оленьего меха.

вательскую работу. В 1966 году Т. И. Крылова стала первым в Якутии доктором медицинских наук.

...Лекция продолжалась, и Татьяна Ивановна повела речь о развитии новой для Якутии науки — медицинской географии. Она рассказывала о том, что суровый климат республики довольно своеобразно действует на людей. Например, сердечные заболевания, склероз и гипертония встречаются здесь гораздо реже, чем в средней полосе. Кроме того, у детей, которые родились и выросли в Якутии, большая сопротивляемость ко всем болезням...

Но в мире нет другого края, где лето и зима разнятся более чем на сто градусов: семьдесят один — мороза и тридцать пять — тепла. На людей, приехавших «с материка», такие скачки температуры действуют странно: одни болезни обостряются, другие излечиваются сами по себе.

Изучением всех этих проблем и занимается сейчас профессор Крылова. Главная ее забота — добиться создания проблемной лаборатории, в которой можно было бы исследовать все эти вопросы.

После лекции мы встретились в кабинете Татьяны Ивановны. Я попросил ее подробнее рассказать о своей работе.

— Если подробно — дня не хватит,— улыбнулась Татьяна Ивановна.— А если коротко, то главное, по-моему, то, что я, обычная женщина-якутка, смогла заниматься любимым делом. Когда я начинала, медиков у нас было мало, теперь же нет ни одного, самого отдаленного уголка республики, где бы не было врача. В этом, мне кажется, главная заслуга нашего факультета... И вообще якутской медицине есть чем гордиться. Недавно, например, известный наш нейрохирург Ю. Г. Пахомов впервые в стране сделал удивительную операцию, для которой наши ученые сконструировали специальную аппаратуру и даже построили счетно-решающую машину. Встречается у нас такая неприятная болезнь — вилюйский энцефалит. Обычно он приводит к полному параличу. Юрий Георгиевич блестяще сделал операцию, и больной начал ходить. Вот что могут якутские медики!

И НИКАКИХ «СИТУАЦИЙ»

Пурга бушевала вторую неделю. Геологи валялись на раскладушках, курили, нехотя забивали «козла». Так и прошла бы эта неделя: пурга все равно выдохнется, и ребята снова потянутся к шурфам. Но в маленький рубленый домик пришла беда. Пустяк вроде бы: у Витьки заболел живот. Покряхтел он, поохал и сунул под мышку градусник. Вытащил — глазам не поверил: сорок и пять десятых. А когда начальник партии надавил на живот и резко отпустил, Витька ойкнул.

— Ты что? — обиделся парень.

— Проверяю. Не застряла ли тушенка... Спи пока. Сейчас лечить будем.

А потом начальник тихонько, чтоб не слышал больной, сказал:

— Худо. Аппендицит у него.

— Ну и что! — хмыкнул «синьор Помидор», так прозвали этого геолога за рыжую бороду и пунцовую лысину.— Положить на живот пузырь со льдом—и все пройдет.

Прошел день. Миновала ночь... Виктор уже знал, что с ним, и терпеливо ждал: начальник сказал, что пурга стихает, и он вызвал по рации самолет. Но пурга не выдыхалась. Все знали, что ни один самолет в такую погоду не вылетит.

— Разве что Кузьмин рискнет,— сказал «синьор Помидор».— Однажды я летел с ним в Нюрбу. Ни с того ни с сего загорелся мотор, но он пламя сбил. Потом попали в зону лесного пожара. Представляете, на одном моторе, да еще в дыму — видимость, как сегодня. Ничего, дотянул...

— Так то Кузьмин,— вздохнул начальник.— Он теперь в Якутске, а оттуда часов шесть лету.

— Ну и что, он летал и по десять. И не где-нибудь, а над морем! — вмешался парень в тельняшке.— Не верите? Сам видел. Пять лет ходил я Северным Морским путем. Знаете, что такое море Лаптевых?! А Восточно-Сибирское?! Туман. Штормяга. Пурга. И корабль зажимает ледяными тисками. Чуть вырвешься на чистую воду — айсберги! Без авиации там — ни шагу. Бывало, целые караваны застревали. А Кузьмин нас выводил.

— А я... с ним... в Антарктиде,— вставил Виктор.

— В Антарктиде?—удивился начальник.— По-моему, он там не был.

— Был... Володька Кузьмин... Мировой парень.

— Так это сын Кузьмина. Сейчас он тоже на проводке судов. В Черском сидит. А батя, Валерий Ильич,— в Якутии, заслуженный пилот СССР.

Прошли еще сутки. Наконец, база сообщила геологам, что к ним вылетел «АН-2» с врачом на борту. Ведет самолет Кузьмин.

Не говоря ни слова, ребята взялись за лопаты и бросились на поляну: надо было готовить посадочную площадку.

И вдруг в свист ветра вплелось тарахтение мотора...

Витьку спасли... Теперь он уже солидный человек, Виктор Иванович, и сам возглавляет экспедиции. Со своим спасителем он встречается часто: Валерий Ильич Кузьмин забрасывает геологов в самые глухие места, туда, где нет никаких аэродромов и садиться надо, как говорят летчики, с подбором площадки.

Много слышал я о Кузьмине, знал уже, что он первый летчик-якут, что в самолет сел, расставшись с коренной якутской профессией охотника, что путевку в небо ему дал известный полярный летчик В. Молоков, что Валерий Ильич прокладывал почти все трассы, существующие в республике... Но встретиться с ним долго не удавалось: настоящий летчик больше в небе, чем на земле... И познакомились мы все-таки в небе. «ИЛ-14» летел в Мирный. В Нюрбе была посадка, и вместо сорока минут мы проторчали часа два. А когда наконец взлетели, из пилотской кабины вышел невысокий, крепкий человек, извинился за задержку и пообещал наверстать потерянное время.

— Все равно пожалуюсь Кузьмину,— ворчливо заметил я.

— Валяйте! — усмехнулся пилот.— Но только учтите: выговор объявлять себе не стану.

Позже я не раз летал с Валерием Ильичом и каждый раз поражался обыденности и будничности его работы. Я ждал какой-нибудь сложной ситуации, когда проявится все мастерство, вся сила характера бывалого летчика. Но потом понял: истинно высокий класс пилота состоит как раз в том, чтобы исключить все случайности, избежать сложных ситуаций.

Когда за штурвалом В. И. Кузьмин, случайностей не бывает: взлет — полет — посадка. И никаких «ситуаций».

«ТАБАЧОК» ИЗ МИРНОГО

Следопыты шли по тайге. Не раз зима сменяла лето, а они все шли и шли. Кто знает, сколько бы они бродили, не наткнись однажды на костер. У огня сидел старик.

— Вы следопыт? Охотник? — спросили у него.

— Да. А вы кто?

— Мы тоже следопыты. Геологи. Идем по следам алмазов.

— Алмаз — осколок солнца. Какие у него следы?

— Вот они,— ответил геолог и показал красные камушки величиной с булавочную головку.

— Раз есть следы, должен быть и зверь! — улыбнулся старик.

Долго бродили вместе старый Сонорукан и молодой геолог Юрий Хабардин. Много нашли следов, а зверя все не было. И вот однажды старик привел геологов на высокий берег глухой таежной речки Ирелях. Натолкнулись на лисью нору. Разворотили яму лопатой, а там кимберлит, та самая зеленоватая глина, в которой живут алмазы.

Произошло это 13 июня 1955 года. В тот же день Хабардин отправил необычную радиограмму: «Закурили трубку Мира. Табак отличный».

Не многие знают, как нужен был стране этот «табачок». Всемирный алмазный синдикат, сосредоточивший в своих руках 80 процентов мировой торговли, наотрез отказался продавать нам драгоценные камни. Но без них не могла развиваться промышленность, тормозилось внедрение многих научных открытий. Когда стало известно об открытии Хабардина, одна из буржуазных газет писала: «Русские алмазы появятся на мировом рынке только в XXI веке... Якутские алмазы залегают в совершенно недоступных местах. Ни зверь, ни птица не могут добраться до кимберлитовых трубок ни зимой, ни летом».

А в то время, когда появились эти строки, в Якутии росли города и поселки, строились дороги и аэродромы, электростанции и гигантские обогатительные фабрики... Со всех концов страны в Мирный хлынула молодежь. В числе первых приехал и экскаваторщик Александр Карпов. Вот его рассказ:

— Добрался я сюда в декабре. Самый страшный месяц: мороз под шестьдесят, ветер, туман. Жили, конечно, в палатках. Ели солонину. Это еще терпимо. Люди выдерживали, а техника нет. Начинал я помощником машиниста на дизельном экскаваторе. Ничего вроде машина, но как только ударит мороз за пятьдесят, вся гидравлика замерзает. И тросы рвутся, как нитки. Запчастей не хватало, ремонтного цеха не было — все исправляли сами. Дело прошлое, но иногда было так тяжело, что хоть в тундру беги... Только, как ни странно, никто не бежал: двенадцать лет работаю в карьере, а бульдозеристы, взрывники, бурильщики и экскаваторщики все те же. Закалились, видно, ребята! Прикипели к этим местам... В шестьдесят втором смонтировали первый восьмикубовый электрический экскаватор. Я на нем — с первого дня. В прошлом году стал миллионером: дал со своей бригадой миллион кубометров вскрыши.

Утром следующего дня я поднялся в кабину вместе с Александром. Он снял пальто, пиджак, закатал рукава свитера, устроился на сиденье и нажал кнопку с надписью «Возбуждение».

— Включил электрическую цепь,— пояснил он.

— А где же здоровенные рычаги, мощные педали?

— Все здесь,—усмехнулся он.— Управлять этой махиной под силу и ребенку. Смотрите: вот два контроллера с маленькими рычажками. Слева — напор стрелы и возврат, справа — подъем ковша и опускание. Вот и все. Да, еще две педали — для поворота влево и вправо.

В это время подошли огромные «БЕЛАЗы». Александр играючи зачерпывал полный ковш и мягко опускал в кузов. Самосвал пружинисто приседал, получал вторую порцию, Карпов давал гудок, и «БЕЛАЗ» отъезжал. Цикл— 26 секунд. Два часа непрерывно работал Александр и ни разу не вышел из этого графика. Правда, в некоторые машины приходилось загружать не два, а три ковша.

— Взрывники напортачили,—досадливо морщился Карпов.— Такую глыбу пока поймаешь в ковш, всех чертей помянешь... На кимберлите проще: куски больше метра не габарит, значит, отгребаешь в сторону — их потом еще раз подрывают... Ну ничего, я этот кусочек сейчас хрястну!

Потом мы работали уже на кимберлите, и не исключено, что зацепили не один хороший камушек. Не исключено также, что именно их держал я потом в руках на обогатительной фабрике.

Сложнейший технологический процесс извлечения алмазов из кимберлита завершается в цехе доводки, где специальные аппараты выдают готовые алмазы. В кабинет начальника цеха принесли металлическую коробочку и высыпали на стол десятка два блестящих камушков. Есть среди них и ювелирные — особой чистоты и четкости граней. Стоимость этих «осколков солнца» баснословная. Однако дело даже не в том, какова цена того или иного кристалла,— как я уже говорил, они очень нужны многим отраслям промышленности.

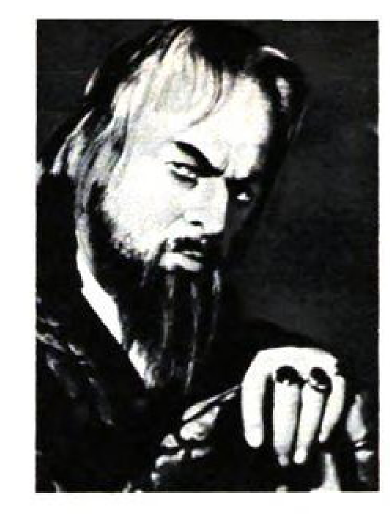
Так лопнули пророчества Всемирного алмазного синдиката. Советский Союз не только обеспечил себя драгоценными камнями, но и стал одним из экспортеров этого редкого минерала.

«Капсе!» Три недели изо дня в день слышал я это приветствие. Слышал от охотников и геологов, ученых и артистов, рабочих и пилотов. И каждый раз в ответ на мое «Капсе!» новые друзья неизменно отвечали: «Суох, эн капсе!» — «Нет, ты расскажи!» Оказывается, именно так должен ответить вежливый человек.

И я рассказывал, рассказывал о самом дорогом, о своей родине, о Москве. Мои собеседники, всегда спокойные и сдержанные, начинали заметно волноваться и, едва дождавшись паузы, подхватывали с полуслова... Татьяна Ивановна Крылова увлеченно рассказывала о годах учебы в аспирантуре, о защите кандидатской диссертации, о помощи, которую оказали ей московские ученые в работе над докторской. А Валерий Ильич Кузьмин показал фотографию: по Красной площади идет группа летчиков, и у всех на груди только что приколотые значки заслуженного пилота СССР. В центре — сам Кузьмин. Александр Карпов с улыбкой вспомнил о том, какую гордость испытал в Москве, на выставке алмазного фонда,— он-то наверняка знал, что немалая часть этих камушков добыта им и его друзьями.

Выходит, не так уж далеко Москва от Мирного, Алдана и Якутска. А жители этих городов связаны со столицей прочнейшими узами, знают ее прекрасно и говорят о Москве как о самом близком сердцу городе.

Черкасов в жизни и в ролях.

ЖИВЕТ СРЕДЬ ЖИВЫХ

Борис ФИЛИППОВ

Дача, в которой жил Николай Константинович Черкасов — в поселке Комарово,— расположена на границе крутого склона, нисходящего к прибрежной лесной полосе, примыкающей к Финскому заливу. В глубине обширного участка, в зарослях деревьев, видны лишь ее очертания.

Немного поодаль, рядом с электричной, недавно построено современное трехэтажное здание — здесь обосновался дом отдыха Всероссийского театрального общества. В недавнем прошлом территория этого дома, как и сохранившаяся деревянная дачка, принадлежала выдающейся драматической артистке Е. П. Корчагиной-Александровской, любимице ленинградцев «тете Кате». Свое владение она завещала товарищам по искусству.

— А у нас,— шутил Черкасов,— закрепилась за ним, благодаря близкому соседству дома отдыха актеров с железной дорогой, особая кличка: «Дом имени Анны Карениной»... Того и гляди, попадешь под поезд!

Я навестил Черкасова в августе 1966 года. Предварительно предупредил по телефону. Нина Николаевна, жена артиста, встретила меня у калитки и проводила на застекленную веранду, обставленную старинной мебелью; с большим вкусом подобранная керамика вполне уместно сочеталась здесь с этой стариной. Площадка возле крыльца была выложена мозаикой из камня, весьма приблизительно изображающей хозяина дома и его собаку; автором композиции оказался мой старый знакомый Семен Мандель, отличный художник театра и кино.

Перед тем как приехать в Комарово, я побывал в Ленинграде. Во Дворце искусств имени К. С. Станиславского встретил Черкасова. Он проводил заседание президиума ленинградского отделения ВТО. Николай Константинович только что перенес тяжкую болезнь; долго лежал, прикованный к постели, в Кунцевской больнице в Москве. Изнурительное заболевание легких наложило отпечаток на всю его внешность: вид у Черкасова был поистине удручающий. Несмотря на пройденный им курс лечения, его продолжала мучить сильнейшая одышка, и вместо бодрого, энергичного Черкасова, каким мы привыкли видеть артиста, передо мной стоял изможденный, постаревший, бесконечно усталый человек с угасшими глазами.

Заседание только что закончилось. Черкасов собирался домой, но, встретив меня в вестибюле дворца, затащил в круглое фойе на втором этаже и начал расспрашивать о «столичных новостях», о том, какое впечатление произвел в Москве его творческий вечер, организованный ленинградским телевидением в конце июля.

— Ты не представляешь, каких усилий стоило мне выступление перед телезрителями! Несколько слов, которые я произнес в тот день, показались мне труднее и сложнее, чем большая роль в спектакле...

Ленинградский театральный критик В. В. Иванова, выступавшая вместе с Черкасовым на телевизионной студии, после рассказывала:

— В Ленинграде была жара. Николай Константинович чувствовал себя плохо и даже не смог сразу подойти к телевизионной камере. Передача шла напряженно. Все мы тревожились, что зрители так и не услышат самого Черкасова. Для демонстрации его актерского мастерства были использованы фрагменты фильмов да еще фотографии артиста в ролях. Никому не было ясно: сможем ли мы предоставить Черкасову слово, обращенное к зрителям. Только в самом конце передачи я услышала тихо сказанные слова: «Нужно ли мне поздороваться со зрителями?..» Я обернулась и увидела молодого, стройного, совершенно преобразившегося Николая Константиновича, как бы сбросившего с себя все внешние признаки болезни. Легкими шагами он прошел по сценической площадке и заговорил легко и свободно, совершенно не задыхаясь. Только, когда он закончил слово и попрощался с телезрителями, мы все увидели, что после этого двухминутного великолепного актерского взлета, вызванного чувством высокой ответственности актера, ему опять стало плохо... Вот какого напряжения и силы воли стоили эти несколько слов!

Болезнь терзала Черкасова. Проведя заседание во Дворце искусств, он опять испытывал ее гнет. Но и в душный кабинет ленинградского ВТО опять-таки актера привело чувство ответственности за доверенное ему большое общественное дело.

Мы условились с Николаем Константиновичем, что я навещу его в Комарове. Там я собирался отдыхать в упомянутом мной доме отдыха «имени Карениной».

За несколько дней до нашей встречи Ленинградский драматический театр имени Пушкина потерял своего «патриарха» — старейшего актера и главного режиссера Л. С. Вивьена. Черкасов горевал о нем, явно нервничал и сердился.

— Мы не научились,— сказал он,— беречь мастеров искусства, литературы, науки. А это воистину трудовое поколение, прошедшее сложный жизненный путь. Думают, что актеры после шестидесяти лет — двужильные люди, что они способны выдержать любую нагрузку. Я не могу примириться, когда вижу, какую дьявольскую ношу тянет на себе старшее поколение актеров, хотя бы наши ленинградцы — Симонов, Толубеев, Меркурьев... Да и у вас в Москве Рубен Симонов, Завадский, Топорков, Жаров, Владиславский... К сожалению, никто серьезно не изучает особенностей нашей профессии, того высоковольтного напряжения, которое испытывает нервная система актера в процессе творчества. Многие думают, что все это рождается само по себе, что творить на сцене просто и легко. А нам, актерам, после каждого спектакля следовало бы делать электрокардиограмму!.. И как часто приходится выходить на сцену разбитым, больным лишь потому, что спектакль — это круговая порука занятых в нем актеров! Если выбывает актер, не имеющий дублера, летит весь спектакль!.. И как часто я ловлю себя на внутренних противоречиях, столь свойственных большинству актеров. С одной стороны, неутолимая жажда играть на сцене, создавать новое, а с другой — такая же неутолимая потребность отдохнуть. В особенности это ощущаешь, работая в кино. Ничто так не выматывает актера, как киносъемка. В молодости я не знал, что такое усталость, не понимал, как изнашивает нас профессия. И Щукин, и Хмелев, и Добронравов тоже этого не понимали! Поэтому-то они преждевременно ушли из жизни, не рассчитав своих сил... Недавно мне предлагали переехать в Москву, возглавить Всероссийское театральное общество после смерти Александры Александровны Яблочкиной. И даже гарантировали, что на ее месте, я, мол, столько же проживу: до ста лет! Но Яблочкина была сверхуникальным явлением... А мне вполне достаточно будет мороки в качестве председателя Ленинградского отделения ВТО...

Беседа наша переключилась на воспоминания о прошлом.

Двадцатые годы я провел в Ленинграде и часто встречался с Черкасовым при весьма различных обстоятельствах. Николай Константинович вновь оживился:

— Ты-то помнишь нашу юность? Начало моего пути? Когда-то, в двадцатых годах, я подвизался на эстраде с Клейманом, Березовым и Чирковым... Помнишь, как «гремели» мы со своим номером: Пат, Паташон и Чаплин? Как нас хвалили! Говорили, что это интересно, талантливо, пророчили мне будущее комика, эксцентрического актера. Но ты не представляешь, как разболтала меня работа на эстраде! Как трудно было «собрать» себя потом в театре, заставить работать глубоко внутренне, без внешних приемов и дешевых эффектов. Перелом этот наступил во мне лишь благодаря высокой культуре и требовательности Александра Александровича Брянцева в период моей работы в ленинградском ТЮЗе. А еще больше помогла этому работа в театре Пушкина, куда пришел Борис Михайлович Сушкевич с его глубоким знанием системы К. С. Станиславского... Как часто вспоминаю я своего первого учителя — В. В. Максимова. Еще в Институте сценических искусств, в нашем ИСИ, он предупреждал меня от соблазнов легкого эстрадного успеха... В русском кино Максимов был первой «звездой» вместе с Иваном Моз-

---

Новая глава из книги «Актеры без грима».

жухиным и Верой Холодной. Но в отличие от них он всегда занимал ведущее положение и на сцене, работая в начале века в Московском Художественном театре, в Малом театре, в труппе известного провинциального режиссера Синельникова... В первые годы революции Максимов принял участие в создании героико-романтического Большого драматического театра в Петрограде. А у колыбели этого театра стояли Горький, Блок, Луначарский...

Да, Черкасову явно «повезло» с учителями. И даже то, что Максимов, Брянцев и Сушкевич в театре, а Эйзенштейн в кино были художниками абсолютно разными по своей творческой индивидуальности, по-видимому, еще больше обогатило Черкасова. Как человек, одаренный талантом, умом и невероятным трудолюбием, он сумел в каждом из своих учителей найти «рациональное зерно» и взять на вооружение все то лучшее, чему они учили своих молодых воспитаннников в искусстве.

Творческая жизнь Черкасова всегда была связана с его общественной деятельностью. Поэтому последняя работа артиста в фильме «Все остается людям» звучит символически, как бы замыкая галерею образов передовых русских ученых, созданную Черкасовым. Это Тимирязев, Мичурин, Попов... А в завершение — обобщенный образ академика Дронова, впитавший в себя все лучшие черты передовой русской демократической интеллигенции. Ярким представителем ее был и сам Николай Черкасов... Артиста неодолимо притягивали и увлекали характеры подлинных деятелей русской культуры. Ему принадлежит воплощение в кино могучих личностей — Стасова и Горького. Его вдохновляла и творчески оплодотворяла история роста силы и могущества Российского государства, а это тоже нашло блистательное выражение в созданных им образах Александра Невского, царевича Алексея...

Немало трудностей и разочарований пришлось испытать Черкасову в работе над ролью Ивана Грозного. Это образ сложный, противоречивый, так же как противоречивы и многие исторические трактовки сильной и трагической личности государя. Как известно, работа выдающегося советского режиссера Сергея Эйзенштейна над второй серией фильма «Иван Грозный» подверглась резкой критике. Фильм снимался в Алма-Ате в трудное время, в годы Великой Отечественной войны. Сценарий отражал двадцатилетний период жизни великого государя — с момента вступления его на престол и провозглашения себя «царем всея Руси»... Отрицательная оценка второй серии явилась для всех жестоким ударом, особенно если учесть, что первая серия вызвала широкий резонанс не только в нашей стране, но и за рубежом: она показывала борьбу молодого Ивана IV с боярами-феодалами, его реформы, направленные к объединению Руси и превращению ее в могучее государство.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны мне довелось читать письмо известного русского актера Михаила Чехова, находившегося в эмиграции. Письмо было направлено создателям и участникам фильма «Иван Грозный».

Беседуя с Черкасовым, я спросил его об этом письме, напомнив о критических замечаниях Чехова в адрес актеров, снимавшихся в фильме. Напомнил приблизительно, потому что подробности письма стерлись в моей памяти. Черкасов улыбнулся, вышел в другую комнату и вернулся с копией письма Чехова, перепечатанной на машинке. Письмо было датировано 31 мая 1945 года.

— Что я могу сказать по этому поводу?.. Я не видел Михаила Чехова в «Иване Грозном», которого он играл в трагедии Алексея Толстого в Риге в тридцатых годах. Но самый факт работы Чехова над этой ролью все же ставит под сомнение объективность его суждений. Он упрекает нас в «мхатовских паузах» в кино, а сам-то как еще злоупотреблял такими паузами!.. Правда, общий тон письма предельно благожелателен, да и мысли в нем интересные и полезные. Чехов прав в том, что «в наши дни время течет быстрее»: мы чувствуем, думаем и хотим «быстрее», чем 10—15 лет назад. И наш зритель тоже «скорее» смотрит и понимает все происходящее на экране. Прав Чехов и когда предполагает возможность, что люди эпохи Ивана Грозного думали, говорили и двигались тяжелее и медленнее — это было, так сказать, «стилем» их жизни. Прав он и в том, что современный зритель уже не в состоянии вынести этой «исторической правды»; изображать такое свойство эпохи следует только намеками, но не копированием воображаемой «исторической правды».

Правда, Чехов в своем письме обходит главное в работе актера. А главное — это найти ключ к характеру, образу, воплощаемому на сцене или на экране. Когда я играю на сцене, зеркалом, отражающим мою игру, является только зрительный зал, реакция зрителей. А на экране я могу лишь после посмотреть на самого себя, зато гораздо глубже проанализировать свое поведение, — и свои удачи и свои ошибки.

Ты знаешь неудачу, постигшую вторую серию «Ивана Грозного», — продолжал Черкасов. — Здесь беда не в «паузах». Здесь исторически неверное изображение характера царя как человека безвольного, нерешительного, слабохарактерного. Постановочному коллективу были предоставлены широкие возможности для переработки второй серии, но сделать это не пришлось из-за преждевременной смерти С. М. Эйзенштейна. А попытка «довести» фильм с помощью режиссера В. М. Петрова не удалась... Работая над образом Ивана IV в пьесе Вл. Соловьева «Великий государь» на сцене Ленинградского театра имени Пушкина, я избрал совершенно иную трактовку роли, руководствуясь словами В. Г. Белинского, который назвал Грозного «душой энергической, глубокой, гигантской». Одна из моих задач заключалась в том, чтобы четко и убедительно раскрыть мужественность Ивана Грозного, его борьбу с внешними и внутренними врагами во имя высокой идеи укрепления государственности... Всего этого Михаил Чехов в своем письме не касается. Да и понятно: эти вопросы ему чужды. Ему значительно ближе узкопрофессиональный разбор спектакля, фильма. Но, начав с критики, он в своем письме отдает должную дань не только работе Эйзенштейна, а всему нашему кино в целом. Он пишет: «Я позволил себе входить в такие профессиональные подробности потому, что ваша постановка и игра, сопровождаемые изумительной музыкой Прокофьева, произвели на меня большое впечатление и взволновали меня. Вы, русские актеры и режиссеры, первыми повели фильм по пути к большому, достойному нашего времени искусству. Нет сомнения, что ваша работа своей новизной и смелостью испугает страны, лежащие на Западе от вас. Много упреков, справедливых и несправедливых, услышите вы. Но это не страшно: вы умеете быть бойцами во всем. Страшно только одно: ошибки в самом процессе вашего творчества. Мне, человеку вашей профессии и вместе с тем объективному зрителю, легче увидеть их издали, чем вам самим. Мое желание, вернее, надежда, быть вам полезным — было моим единственным побуждением, когда я писал эти строки. За ваши смелые эксперименты, искания и честность в работе вы заслуживаете глубокую благодарность. Вы находитесь в привилегированном положении: вы незнакомы с коммерческим фильмом, где «бизнес» все, где слово «искусство» заменено словом «ремесло». Но вы достойны вашего положения, ибо вы пользуетесь им, как пионеры, — для прогресса других. От вас прозвучит новое слово, вы, и никто другой, дадите Западу урок правды в искусстве и изгоните из его сферы «бизнес».

— А вот Чарли Чаплин, — заметил Черкасов, — принял первую серию «Ивана Грозного» полностью, без «поправок». После просмотра он прислал телеграмму: «Иван Грозный» — великий исторический фильм, когда-либо созданный. Его атмосфера великолепна, а красота превосходит все до сих пор виденное в кино».

* * *

...Я знал Черкасова многие годы, впервые встретившись с ним на заре нашей юности. Я помню его долговязым, подвижным студентом Института сценических искусств. На моих глазах пришла к нему громкая известность.

Первую славу принес ему невероятный по виртуозности танец-пантомима «Пат, Паташон и Чаплин», упомянутый Черкасовым в нашем разговоре. Сам он являлся там центральным персонажем. Его комический Пат, как бы вышедший на эстраду с экрана, вызывал всеобщее изумление необычайной гибкостью тела, острыми трюковыми движениями.

Склонность к цирковой эксцентрике проявилась у Черкасова еще в ранней юности, когда он поступил в качестве статиста в петроградский оперный театр — бывший Мариинский. Приняли его в статисты охотно. Помогли высокий рост и характерная внешность. Тогда, в голодном 1919 году, Черкасов был особенно тощим и длинным. Попался он как-то на глаза Шаляпину, и тот сказал ему:

— В оперу хотите, молодой человек? Петь? Не выйдет, милый! Здоровье не позволит!

В Комарове Николай Константинович рассказывал мне о том, что пишет воспоминания о Шаляпине.

— Я должен написать о Шаляпине во что бы то ни стало! Я наблюдал его и запомнил на всю жизнь! И я уверен в страшной раздвоенности его после отъезда за границу. Не мог он не терзаться, не проклинать себя за свой опрометчивый шаг. Не мог в нем не просыпаться подлинно русский человек, ибо вся природа его искусства — русская, глубоко национальная. Да и Михаил Чехов — этот талантливый, но несчастливый племянник великого Антона Павловича — терзался без родины. Он внимательно, а порой и ревниво следил за развитием нашего искусства. И письмо его об «Иване Грозном» тоже носит следы этой любви, этой ревности... Я чувствую и понимаю, что обо всем этом следует не только говорить, но писать. Думаю ли писать мемуары? Нет, это мне не по нутру: кто что пил, кофе или чай? Нет, нет! Не стоит тратить время. Вполне достаточно, что написал книгу Записки актера. Кстати, она переведена на иностранные языки и издана за рубежом. А сейчас если писать, то не о себе, о других. Только что сдал в печать воспоминания о Булгакове. А если о себе, то буду писать о своих актерских неудачах и несбывшихся мечтах. Вот мечтал же я сыграть Кюхельбекера. Юрий Тынянов даже пьесу для меня написал — «Кюхля». Должен был ее ставить Всеволод Мейерхольд, но его трагическая судьба помешала осуществить постановку.

Многие вспоминают тридцатые годы как сложный внутриполитический период, но никто не может отрицать необычайного взлета искусства в это противоречивое время. Я думаю, что многое здесь следует отнести за счет могучего влияния на литературу, драматургию, искусство таких гигантов культуры, как Горький и Маяковский. Да к тому же еще обойма талантливых драматургов: Афиногенов, Киршон, Погодин, Булгаков, Шкваркин...

Метод социалистического реализма плюс талант! Без таланта никакой метод не поможет! Но для питания таланта необходимо еще нечто очень важное — постоянная связь с жизнью, общественная деятельность! Конечно, работа писателя, артиста, художника сама по себе уже есть форма общественной деятельности, если несет с собой высокие идеалы и способствует воспитанию людей в духе социалистического общества. Но для людей нашей профессии особенно важно не просто наблюдать, а изучать жизнь людей. И ничто так не помогает в этом, как личное участие в общественной деятельности... Иногда мне приходится слышать от товарищей, что им «некогда» работать над своей профессией будто бы из-за многочисленных общественных и партийных нагрузок. Все это ерунда! Моя работа в качестве депутата Верховного Совета СССР отнимает немало времени, но она бесконечно обогащает профессию!.. Я уверен, что ответственность, которую я принял в качестве депутата, заставляет меня с особой остротой отнестись к цинизму американцев, к их авантюре во Вьетнаме... К сожалению, у нас есть еще люди, которые судят о «демократии» в США не по расовому угнетению негров, не по подкупу чиновничьего аппарата, не по свободе гангстеров, а по прилизанному журналу «Америка», по образцам новых автомобилей и холодильников...

Конечно, человек нуждается в улучшении своего быта, и в комфорте нет ничего порочного. Но, ей-богу, в молодости мы были счастливы и без этого...

Черкасов небрежно скользнул взглядом по изящной керамике, которая так органично вписывалась в интерьер веранды, и задумчиво сказал:

— Не помню, чьи это стихи, но они удивительно точно определяют смысл жизни:

Человек умирает,
но вещи его остаются,
Нет им дела, вещам,
до чужой человечьей беды.
В час кончины твоей
даже чашки на полках не бьются
И не тают, как льдинки,
сверкающих рюмок ряды.
Будь владыкою их,
не отдай им себя на закланье!
Будь всегда справедливым,
бесстрастным хозяином их.
Тот, кто жил для вещей,
все теряет с последним дыханьем.
Тот, кто жил для людей,
после смерти живет средь живых!

...Через месяц Черкасова не стало.

В поисках ключа

Сборная СССР: Первый ряд слева направо: В. Зыков, В. Мунтян, А. Пузач, В. Поркуян, Г. Еврюжихин, Н. Киселев, Г. Нодия, В. Серебряников, М. Хурцилава, С. Метревели, Е. Ловчев. Второй ряд: А. Парамонов, А. Бышовец, А. Кавазашвили, Г. Логофет, Е. Рудаков, В. Капличный, К. Асатиани, В. Папаев, Р. Дзодзуашвили, А. Шестернев, В. Афонин, В. Хмельницкий, Г. Д. Качалин.

* * *

В последнюю минуту состав сборной команды СССР пополнился еще двумя футболистами. В связи с травмой, которую получил Е. Рудаков, в Мехико вылетели первый вратарь мира Л. Яшин и молодой вратарь ЦСКА Л. Шмуц.

Мартын **МЕРЖАНОВ**

Давно ли отшумел английский чемпионат, а мы уже на пороге мексиканского!

Четыре года — постоянный интервал — срок не малый, но за это время тренерам надо освоить новые формы игры, новые тактические построения, внести серьезные коррективы в действия своих команд. Особенно оживилась тренерская мысль после того, как европейский футбол был застигнут врасплох новой системой игры бразильцев. Триумфальное выступление «королей мяча» на шведском чемпионате мира 1958 года изменило взгляд на многое в футболе. Четыре бразильских форварда успешно действовали на широком фронте против трех европейских защитников, а четыре игрока бразильской обороны — против трех выдвинутых вперед нападающих.

Эта система принесла крупный успех южноамериканской команде. Помнится, тогда ни журналисты, ни специалисты не могли разобраться в причинах ошеломляющего успеха бразильцев, которые, с одной стороны, сократили число форвардов, увеличив число защитников, и все же сумели во много раз усилить свой атакующий потенциал.

Впервые число наступающих и обороняющихся футболистов уравнялось. Их стало по четыре. Эта схематическая перестройка повлекла за собой множество изменений в организации игры: иными стали тактические связи, преобразились функции футболистов, мелкий пас уступил место среднему и длинному, повысился темп, потребовались более совершенные технические приемы.

Европейские тренеры, теоретики, специалисты серьезно задумались после шведского чемпионата над перевооружением футбола, и эта сложная, поистине изыскательская работа продолжалась после чилийского и лондонского чемпионатов. На континентах непрерывно рождаются новые формы футбола, а непрерывный обмен опытом привел к тому, что сейчас стерлись деления на школы.

Принято делить футбол на латиноамериканский, англосаксонский и среднеевропейский. Раньше действительно была заметна существенная разница. Латиноамериканская школа отличалась высоким техническим мастерством и атлетизмом, англосаксонская проповедовала атлетизм плюс техническое мастерство, а средняя европейская и их яркие представители: венгерские, советские и чехословацкие команды — вот уже много лет пытаются и небезуспешно слить воедино эти два течения.

Теперь это стереотипное представление о футбольных школах разрушено. Конечно, их сближение проходило не просто, противоборство идей продолжалось и продолжается. Нет единственно верного метода игры, единой тактики, единого стиля. Сближение школ не успокоило умы тренеров. Они продолжают искать ключи к чужим воротам и замки к своим. Извечная борьба двух принципов игры, один из которых признает примат атаки, а другой — обороны, продолжается и по сей день и будет, видимо, продолжаться всегда.

После швейцарского и шведского чемпионатов, которые отличились «оргией забитых мячей», тренеры почесали затылки и начали всеобщее «укрепление тылов». И вот тень скуки легла на футбол. Быстро нашлись теоретики и практики оборонительной тактики. Они увеличивали число защитников, сокращали число форвардов, играли только на контратаках, сводили футбол к нулевым ничьим, а единственный забитый мяч считали благом.

Так началась деградация футбола в начале шестидесятых годов. Ярыми последователями подобной тактики оказались дельцы от футбола. Они нашлись и в Италии, и в Аргентине, и в Испании. Естественно, что игра, в основу которой был положен принцип «разрушения», породил и «грязный футбол». Макиавеллиево «цель оправдывает средства» стало законом. Появилась «футбольная индустрия» с бойкой куплей и продажей игроков, с созданием крупных стадионов, организацией различных турниров с участием звезд первой величины. Футбольные Форды, Морганы, Дюпоны — владельцы крупных спортивных предприятий — диктовали свою тактику хорошо оплачиваемым и послушным тренерам. Их девизом стала «минимальная победа любой ценой».

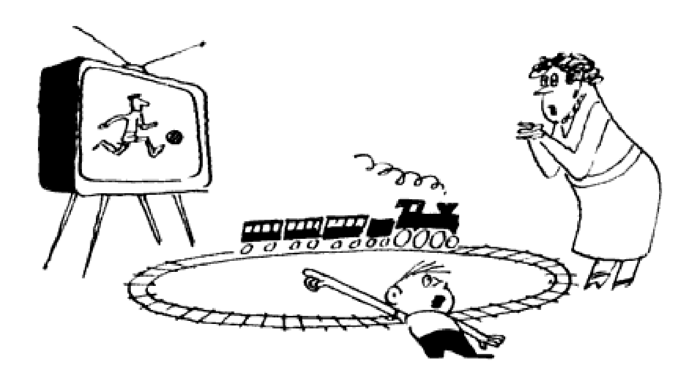
Бернабеу в Испании, Моратти в Италии, Никольсон в Англии стали крупными футбольными предпринимателями. Однако постепенно зритель, позевывая, начал покидать трибуны стадионов: ему хотелось увидеть красивый футбол, оборонительная тактика его больше не устраивала. И надо сказать, что любитель футбола заставил призадуматься сторонников защитной тактики. С его помощью многим прогрессивным тренерам удалось вернуть футболу его красоту.

Первые результаты этой победы мы увидели на чемпионате мира в Лондоне и Ливерпуле, в матчах венгерских, бразильских, английских и португальских команд, показавших красивый, мужественный, «открытый» футбол в высшем его техническом выражении. Это была убедительная победа тренеров Альфа Рамсея, Лайоша Бароттн, О. Глориа над дельцами от футбола. Есть все основания предполагать, что и в Мехико мы станем свидетелями дальнейшего расцвета любимой игры миллионов людей.

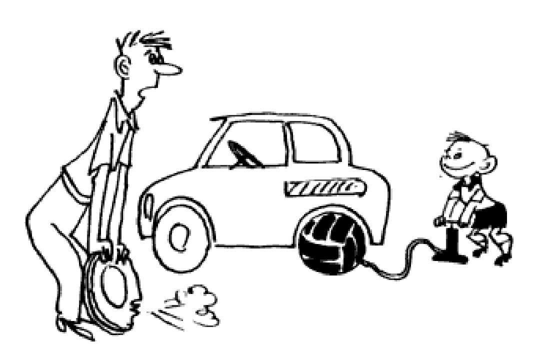
Чем же нас порадует Мехико? Сейчас можно осмотреться, разглядеть то, что в первые дни отборочных игр, проводящихся в 16 географических районах, тонуло в общем потоке сенсационных побед и поражений. Самым характерным в международном футболе последних лет нужно признать увеличение подвижности игроков, разумные тактические перемещения, повышенную скорость и желание играть в комбинационном стиле. Типично и то, что в современной тактике наступательные действия ведут не только форварды, а вся команда.

Кто же получил право бороться за кубок Жюля Риме «Золотая богиня»? Кроме Англии и Мексики, в борьбу вступают национальные команды Румынии, Чехословакии, Италии, СССР, Швеции, Бельгии, ФРГ, Болгарии, Перу, Бразилии, Уругвая, Сальвадора, Марокко и Израиля.

Бросается в глаза отсутствие таких первоклассных команд, как сборная Аргентины, недавно победившая в товарищеском матче сборную Бразилии, призера английского чемпионата—Португалии, а также Испании, Шотландии, Венгрии и Австрии. Сейчас нет надобности анализировать причины их неудач, ясно, что в их основе лежит несовершенство формулы розыгрыша отборочных состязаний, построенных по территориальному признаку. Получилась странная картина: сильные команды в борьбе с сильными сложили оружие (например, Венгрия с Чехословакией, Шотландия с ФРГ, Испания с Бельгией), а более слабые, спо-

В последний раз спрашиваю: «Дашь мне досмотреть этот матч?»

Наконец-то пригодилось твое увлечение футболом!

Без слов...

койно разыгрывая путевки в районах Центральной Америки, Азии, Африки, получили право выступать на чемпионате мира.

Было время, когда многие страны не имели возможности участвовать в борьбе за «Золотую богиню» и в отборочных соревнованиях не было необходимости. Они и не проводились. Теперь футбол получил такое широкое развитие, что число команд, желающих помериться силами на самом высоком уровне, значительно возросло. Может быть, пришло время разделять участников чемпионата не по территориальному принципу, а по классу, на первую и вторую группу, как это сделано в розыгрыше хоккейного чемпионата мира? Но это вопрос будущего, а сейчас мы должны считаться с тем, что в Мехико съедутся далеко не все команды одного класса, хотя все 16 участников готовились к чемпионату с исключительной серьезностью.

Европейские команды не жалели времени на поездки в Центральную Америку. Объясняется это тем, что в чемпионате будет участвовать очень серьезный соперник — высокогорье. Оно окажется трудным барьером на пути к цели для самых лучших.

До сих пор чемпионаты мира по футболу проводились в городах, расположенных на небольшой высоте. Теперь же футболисты будут соревноваться на высоте 2 200—2 500 метров. Это, конечно, осложнит соревнования и породит немало неожиданностей, но едва ли мексиканский чемпионат удивит тактическими новинками или новыми схемами расстановки игроков. Все известно, опробовано, отобрано.

В фокусе внимания футбольной общественности две сборные — Англии и Бразилии. Они как бы представляют континенты — европейский и южноамериканский. За 40 лет, с 1930 года, когда в Уругвае был разыгран первый чемпионат мира, четырежды побеждали южноамериканцы (дважды Уругвай и дважды Бразилия) и четырежды — европейцы (дважды Италия и по разу ФРГ и Англия). И почти всегда победителем оказывалась команда континента, на котором разыгрывался чемпионат. Единственным исключением была победа бразильских футболистов в Швеции.

Два «гранда» двух континентов по-разному провели эти четыре интервальных года. Англичане, освобожденные от отборочных игр, участвовали в чемпионате Британии, в котором победили, и в чемпионате Европы, где удовольствовались третьим местом. В товарищеских встречах им сопутствовали и успех и неудачи, которые, однако, не могли достаточно точно определить состояние команды. Известно, что тренер А. Рамсей довольно внимательно присматривался к своим соперникам по группе, но особенно боятся англичане встречи с бразильцами. Еще на предыдущем чемпионате при жеребьевке эти команды были рассеяны по группам так, чтобы они могли встретиться не раньше полуфинала. Сборная Англии попала тогда в легкую, первую, группу, а Бразилия в трудную, третью, где ее соперниками оказались Венгрия, Португалия и Болгария. Расчет был точным. Бразильцы потерпели поражение в своей группе и до полуфинала не дошли. Зато теперь жребий оказался беспощадным. Английские чемпионы попали в одну группу с бразильской сборной, и встреча «грандов» состоится на первом же этапе борьбы.

А как готовился к Мехико второй «гранд» — экс-чемпион мира? Много шло за эти годы разных толков о «закате» бразильского футбола, о физической неподготовленности игроков. Но бразильцы сами давно, еще в конце пятидесятых годов, поняли, что, несмотря на свои победы, в атлетическом отношении уступают европейцам, а на своем континенте — аргентинцам, и сделали из этого все надлежащие выводы.

Прошло десять лет. Бразильский футбол, в частности его сборная, заметно изменили свою игру. Теперь их техническое мастерство зиждется на солидной атлетической основе. Ничья со сборной СССР (2 : 2) и прошлогодняя победа над Англией (2 : 1) — хорошее тому доказательство.

В отличие от англичан бразильцы провели отборочные соревнования и вышли победителями в своей группе, в которой встречались с Парагваем, Колумбией и Венесуэлой. Экс-чемпионы вновь показали высококлассный футбол, игру блистательную и сравнительно легко обыграли всех своих соперников, набрав 12 очков из 12 возможных, забив 23 мяча и пропустив лишь 2. Но затем над сборной разразилась гроза. После единственного поражения бразильцев в товарищеской встрече с аргентинцами был поспешно снят их тренер Ж. Салдания, и это несмотря на то, что спустя несколько дней бразильцы взяли реванш и, казалось, вполне реабилитировали себя.

Новым тренером сборной Бразилии назначен известный форвард, дважды чемпион мира Загала, но как обернется эта опасная смена, покажет будущее. Пока же известно, что и новый тренер оставил на вооружении прежнюю манеру игры, в которой атакующий принцип является главенствующим.

А как же остальные команды? Кто из них представляет наибольшую угрозу для двух континентальных «грандов»? Не будем заниматься прогнозами, а лишь отметим, что в отборочных состязаниях хорошо себя зарекомендовали команды Италии, СССР, ФРГ, Бельгии, Румынии и Перу.

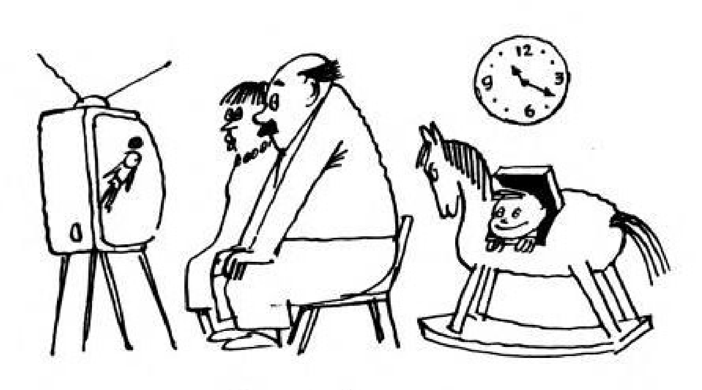
Сборная команда СССР по жребию попала в первую группу, в которой она встречается с хозяевами чемпионата — мексиканцами, а также с бельгийцами и командой Сальвадора.

В этом сезоне наши футболисты, встретившись с мексиканцами, разошлись, не забив друг другу ни одного мяча. Теперь они открывают чемпионат, и, несомненно, этот матч будет для нашей сборной самым тяжелым на пути к четвертьфиналу. С командой Сальвадора советские футболисты встречались однажды в этом году на ее поле и сравнительно легко победили. Несколько загадочной остается для нас сборная Бельгии. Новый ее тренер Р. Гуталс потребовал от своих игроков... отказа от излишней мягкости. Бельгийцы и до Гуталса играли в атлетический футбол, теперь же можно будет ждать от них всяких силовых неожиданностей.

За минувшее четырехлетие техническая вооруженность современного футбола повысилась настолько, что теперь ни одной команде не удастся получить чувствительного превосходства над соперником только с помощью свободного обращения с мячом. Уравнялась и физическая подготовка команд, а в связи с ней скоростные перемещения по полю. Разнообразная, гибкая, остроумная тактика сделала футбол более увлекательным и содержательным. Вот на таком фоне и будет проходить Мексиканский футбольный фестиваль.

Не только в Мехико не хватает кислорода.

Троянский конь.

Опять «свечка».

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Петр РЕШЕТОВ

МЯТЕЖ? НЕТ, БОРЬБА!

Во власти дурмана

Америка была потрясена, узнав из газет о состоявшемся в Уайт-Лейке в штате Нью-Йорк так называемом Вудстокском фестивале музыки и искусства, в котором приняли участие 400 тысяч представителей молодых поклонников рока: «Сотни поломанных и брошенных машин вдоль дороги, разрушенные фермы, сухие колодцы, превращенные в болото живописные поляны, горы мусора и в завершение всего тысячи больных и искалеченных». «Болотным кошмаром» назвала «Нью-Йорк таймс» это сборище, взбудоражившее американскую общественность.

Вудстокский фестиваль испугал «благонравную» Америку сгустком цинизма и таким массовым выражением отрицания так называемого американского образа жизни. Кое-кто заговорил о «подрыве общества», «о революции, затрагивающей социальные основы страны», и т. д. Инициаторы фестиваля — 24-летний Майкл Лэнг, импресарио из Нью-Йорка, и Джон Робертс, наследник большого состояния,— явно перестарались. «Мы хотели показать культуру, рожденную под влиянием наркотического дурмана, и не ожидали, что фестиваль соберет такую большую массу людей»,— признались они. В Уайт-Лейк съехалась целая армия длинноволосых молодых людей, по численности не уступающая американским вооруженным силам во Вьетнаме. В руках они несли лозунги: «Сохрани красоту Америки — отдайся во власть дурмана».

В течение трех дней любители рока жили лагерем среди посевов конопли, распевали гимны своему кумиру, курили, нюхали и глотали наркотики, ходили в костюмах Адама и Евы — словом, вытворяли, что им вздумается. Самые заядлые хиппи устроили собачий лай и бешеные пляски при свете вращающихся прожекторов. Под бойкую рекламу — «отдайся во власть сладкого дурмана» — сновали бойкие спекулянты наркотиками. Полиция на всякий случай предупреждала: «Кто-то торгует опасным, сильно действующим наркотиком». Однако ни торговцев этим товаром, ни наркоманов полиция не трогала. «Если бы мы захотели арестовать их,—говорит один сержант полиции,— во всем округе Салливэн и трех соседних округах не хватило бы для этого тюрем». Десятки участников фестиваля все-таки заболели от слишком больших доз ЛСД. Тысячи продрогших, больных и искалеченных молодых людей стекались к импровизированным пунктам медицинской помощи, и федеральные власти вынуждены были срочно на самолетах перебросить в район «фестиваля» отряд врачей.

Корреспондент журнала «Ньюсуик» Джон Гараберян, который в течение четырех дней наблюдал за происходящим в Уайт-Лейке, писал: «Сегодня юношей, отрицающих американский образ жизни,

стало гораздо больше, чем мы думали». Почувствовав настроение общественности, «Нью-Йорк таймс» поспешила исправить свою оплошность и сделала вид, что ничего особенного не произошло, а что касается огромного поглощения наркотиков, так это же, «по сути дела, невинная забава». Недавно мир узнал новые подробности из американской жизни: эта так называемая «невинная забава» уносит ежегодно из жизни сотни, тысячи молодых людей Америки. Только за первые два месяца этого года в Нью-Йорке героин погубил свыше 140 подростков. Всего же здесь, как полагают, насчитывается до 25 тысяч юных наркоманов, а в Вашингтоне их более 15 тысяч.

Между тем организаторы вудстокского сборища мечтают о новом, более грандиозном мероприятии такого же рода. «Хорошо было бы арендовать весь штат Юта,— мечтательно заявляет некто Лу Адлер из Голливуда, известный тем, что он делает бизнес на хиппи. — Молодежи, которая ищет общения друг с другом, так много, что на меньшей территории ей просто будет тесно». И в этом циничном признании одна из самых грязных сторон буржуазной политики — стремление растлить идейно и духовно подрастающее поколение. Кое-кто и не скрывает своей радости по поводу Вудстокского фестиваля: сборище, проведенное под «высоким покровительством» (все газеты отмечали, что «существовало полное взаимопонимание между полицией и хиппи»), продемонстрировало уход огромной массы молодых людей от политики «в святая святых своей молодости и своих внутренних ощущений». «Большинство этих ребят не имеет политических убеждений»,— не без торжества констатировала буржуазная печать.

Не скрывают своего удовлетворения и представители бизнеса. Они откровенно надеются, что в итоге фестиваль «смягчит наблюдающуюся в США антипатию к культуре, рожденной под влиянием наркотического дурмана». Это ничего, что «хиппимания» может придать «новую остроту стилю американской жизни», заявляют те и другие, зато это все «далеко от политики».

Идеологи буржуазии надеются таким путем создать «новую группу избирателей», которая не будет участвовать в манифестациях против войны во Вьетнаме, не будет бороться с расизмом, потому что безразличие к политике станет их лозунгом.

Напуганные размахом и политическим содержанием выступлений молодежи и студенчества, идеологи капиталистического мира стремятся направить этот процесс в «безопасную» сторону — из общественного русла в русло личной жизни. Поэтому под прикрытием тезиса об «абсолютной свободе» идет безудержная реклама наркотиков, секса, цинизма.

Нет, не пассивные созерцатели!

Мир еще не успел забыть, как в мае — июне 1968 года почти все столицы капиталистического мира были охвачены студенческими волнениями. «Над Парижем пронеслась буря, всколыхнувшая камни на мостовой... За несколько дней студенческого мятежа на улицы вышло больше «смутьянов», чем за всю историю 5-й республики»,— писал в те дни еженедельник «Экспресс». События, начавшись в одном из филиалов Сорбонны, переросли в грандиозную политическую манифестацию всей трудовой Франции, в которой вместе с миллионами трудящихся приняло участие более 300 тысяч студентов и большинство молодых пролетариев.

Волна выступлений молодежи в странах капитала с каждым годом все нарастает. В последние годы произошло заметное изменение молодежных выступлений по форме и направленности. От отдельных вспышек в тех или иных университетах, митингов протеста и т. д. молодежь все больше переходит к организованным кампаниям, в которых участвуют представители самых различных организаций. Такой, например, явилась в начале этого года кампания протеста против засилья монополий в Чили.

Многое изменилось и в студенческом движении. После некоторого увлечения экстремизмом на повестке дня студенческих выступлений появились конкретные социально-экономические и политические проблемы.

Конкретным и решающим фактором, обостривщим борьбу молодежи против империалистической политики, явилась развязанная США война во Вьетнаме и расширение ее на весь Индокитай. Война окончательно разоблачила общество, в котором за всеми разговорами «о добропорядочности» преступление стало частью политической жизни. Массовыми манифестациями протеста, пикетами у американских посольств, сбором материальной помощи, отказом от военной службы ответила молодежь на позорную агрессию США. Молодые докеры Аргентины, Чили, Японии участвуют в бойкотах судов с военным снаряжением, направляющихся в Юго-Восточную Азию. Юноши Австралии и США сжигают призывные карточки, дезертируют из армии. Молодежь Италии, Бельгии, Англии, Западной Германии проводит кампании в поддержку требований народов Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, вынуждая правительства своих стран отказаться от поддержки внешней политики США.

Все большую роль играет молодежь в выступлениях против полицейского произвола, против усиления правого курса в правительственной политике своих государств. Вспомним для примера непрекращающуюся борьбу молодежи и студентов Испании и Португалии, Греции и Бразилии. В этой борьбе молодежь проявляет большое мужество и упорство.

Особую тревогу идеологов Запада вызывает факт проявления «левых» убеждений среди тех слоев и кругов молодежи, которые раньше, как правило, составляли социальную опору капитализма, то есть среди представителей «средних классов». Американский философ К. Кенистон, исследуя не так давно студенчество Гарвардского университета — одного из самых привилегированных вузов в США, пришел к выводу, что настроение отрицания существующего порядка вещей проникло глубоко даже в среду обеспеченной молодежи. К. Кенистон указывает на все возрастающую пропасть между молодежью и социальным миром Запада. Сам факт наличия такого большого количества «отчужденных» молодых людей, заключает он, говорит о порочности общества.

Идеологи Запада не без тревоги отмечают наметившийся в последнее время процесс проникновения «левых» убеждений и в среду молодежи правящих, а также социал-реформистских партий.

«Молодые люди,— говорил в недавнем интервью французскому журналу «Ревю де дефанс насьональ» генеральный директор ЮНЕСКО Рене Майо,— чувствуют, что порядок в их странах и в мире чреват серьезными противоречиями, и они не хотят быть причастными к ним. Отвергая пассивную роль посторонних зрителей, которую традиционно отводит им наше общество, они восстают против жестокости, угнетения и войны».

Возросшее участие молодежи во всех социально-политических боях трудящихся масс XX века объясняется прежде всего ее нещадной эксплуатацией и отсутствием перспектив при капитализме. Острый кризис системы образования, характерный для большинства стран капитала, приводит к тому, что значительная часть молодежи в капиталистических странах вынуждена сегодня вступать в жизнь, не имея даже элементарной общеобразовательной и профессиональной подготовки, и это пополняет и без того огромную армию безработных. Из года в год в мире происходит увеличение числа неграмотных. К такому неожиданному выводу пришли недавно эксперты ЮНЕСКО, исследующие систему образования. По мнению экспертов, причина этого — во все возрастающем разрыве между постоянно увеличивающейся социальной потребностью в образовании и реальной способностью большинства стран удовлетворить эту потребность.

В некоторых странах продолжает оставаться платным среднее образование и почти во всех капиталистических странах — высшее. По признанию американского журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», расходы на обучение в колледжах США приближаются сейчас к сумме 4 тысяч долларов в год. Это значит, что надо затратить 16 тысяч долларов за четырехлетний курс обучения. Таким образом, доступ к высшему образованию, а в ряде стран и к среднему является классово ограниченным, с таким заявлением выступила недавно датская газета «Ланд ог Фольк». Действительно, только 10 процентов студентов в высших учебных заведениях Дании составляют дети из рабочих семей. В ФРГ дети рабочих в гимназиях составляют только 7—10 процентов от общего числа учащихся, а в высших учебных заведениях и того меньше.

С проблемой образования теснейшим образом связана и возможность получить место в жизни. Проведенные Министерством труда США обследования показали, что трудности в устройстве на работу в первую очередь испытывают лица, не закончившие обучения. Процент безработицы в США среди молодежи 16—21 года, оставившей школу, на 17 процентов выше, чем среди тех, кто завершил среднее образование. Согласно официальной итальянской статистике, в 1967 году среди юношей и девушек, вступивших на путь трудовой жизни в возрасте от 14 до 26 лет, в стране было 2,3 миллиона безработных или полубезработных.

Ко всему этому следует добавить, что молодежь подвергается дискриминации в оплате труда. В возрасте до 18 лет в большинстве стран капитала производятся так называемые возрастные вычеты: в 14—15 лет молодые рабочие имеют право только на 50 процентов заработной платы взрослого рабочего, а в 15—17 лет — на 70 процентов.

Молодые объявляют войну

Полные надежд, творческих сил и желания проявить свои способности вступают молодые люди в жизнь, а им уготована бюрократически отлаженная система производства, общественных отношений и норм, при которых всякое желание применить свои знания гаснет. Молодой человек, полный разумных надежд, желаний, оказывается в положении, когда он все больше начинает ощущать свою беспомощность. Дальнейшая же бюрократизация всей общественно-политической жизни капиталистических стран, когда, как пишет известный американский социолог Д. Вайс, «всякие прогрессивные идеи, идеалы преследуются, а их первозданная чистота выхолащивается и даже извращается», когда происходит кризис парламентаризма в большинстве стран, вырастает опасность войны вследствие агрессивной политики правящих империалистических кругов, окончательно развеяла иллюзии у молодежи и привела ее в абсолютном большинстве к противоборству с господствующей системой и правящим классом.

Обострение же борьбы между двумя мировыми системами, особенно в идеологической области, привело к тому, что в центре внимания задающей вопросы и ищущей молодежи оказались основные проблемы классовой борьбы.

Таким образом, причина возросшей активности молодежи не в ее биологических особенностях, как это пытаются представить защитники капитализма, а в кризисе самой капиталистической системы, в обострении всех ее внутренних и внешних противоречий. Теперь уже мало осталось людей, которые продолжали бы верить в концепцию «конфликта поколений», не так давно еще усиленно навязываемую буржуазной пропагандой. Налицо явно острейший социально-политический кризис в отношениях молодежи и общества.

Огромное мобилизующее значение на формирование взглядов молодежи Запада оказывают успехи и миролюбивая политика социалистических стран. Подтверждение марксистско-ленинского учения путем практики в жизни целого ряда государств, где у власти стоят партии рабочего класса, сделало коммунизм еще более привлекательным в глазах молодого поколения стран капитала.

Интересные признания вынужден был сделать не так давно президент Франции Помпиду. Высту-

пая на завтраке в Сан-Франциско (США) в клубе содружества наций, президент Франции отмечал неизбежность «столкновения», если не принять мер, которые ликвидировали бы неравенство внутри капиталистических стран, бедность и позволили бы перейти при распределении материальных благ на принцип «каждому в соответствии с потребностями». Помпиду предупреждает, что молодежь «тревожится за свое будущее, колеблется между жаждой удовольствий и отчаянием», что и приводит в конечном итоге многих к отрицанию, к жестам разрушения. В связи с этой тревогой, которая отражает... поведение определенной части нынешней молодежи, наш долг, говорит он, заключается прежде всего в том, чтобы открыть глаза на настоящее, задаться вопросом о будущем... для нас это является «решающим испытанием... перед лицом коммунистических стран».

Но одно дело признать необходимость решения молодежной проблемы и другое — осуществить ее.

Бесспорно, политика «деполитизации», духовного растления молодежи не существует сама по себе ради только голого бизнеса или желания удержать подрастающие поколения в послушании. Кое-кто на Западе пытается, правда, подвести под это даже некий психобиологический базис, представить эту политику как необходимую реакцию на все возрастающую «потребность» молодых людей в век научно-технического прогресса «прожить весело именно этот день». На самом же деле все это составляет если не главную, то, во всяком случае, важную часть всей системы обработки молодежи в антикоммунистическом духе.

Жизнь убеждает, однако, что такая политика не только не приносит эффекта, но дает обратный результат. События последних лет показывают, что все большая часть молодежи становится на сторону демократического и революционного движения. Помимо чисто марксистских молодежных организаций, являющихся резервом и идейным помощником партий рабочего класса, которые существуют сегодня более чем в 80 странах, молодежь объединяется в широкие демократические, студенческие и другие организации. Десятки миллионов молодых борцов за демократию и прогресс объединяет Всемирная федерация демократической молодежи и Международный союз студентов. В мероприятиях этих организаций сотни миллионов проходят первую школу политической деятельности. Переход на прогрессивные позиции большинства молодежи стран Запада объективно ставит их на том или ином этапе борьбы в ряды союзников коммунистических и рабочих партий. Еще в 1866 году К. Маркс писал: «Передовые рабочие вполне сознают, что будущее их класса, и, следовательно, человечества всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения». Таким образом, отношение к подрастающим поколениям измеряется степенью заботы о будущем нашей цивилизации, всего человечества. И эту важную роль в истории сегодня смело берут на себя партии коммунистов, выражающие самые передовые и единственно научные идеи развития общества.

Николай ШУМАКОВ

Работа и песня

* * *

В жизнь я пришел не гостем!
Утверждая права,
Я вбиваю, как гвозди,
Простые слова.
Пусть стихи угловаты,
Не изящно отточены,
Пусть еще грубоваты,
Но для дела сколочены.
Я захвачен работой
В железный поток.
Пахнет хлебом и потом
Мой стальной молоток!

* * *

В разгаре день. Работа горяча.
В глазах у неба —
облака-смешинки.
И плавятся у хлопцев на плечах
Хрустальные веселые дождинки.
Хор мастерков ритмически звучит.
И столько чувства в этом четком
звуке!
Его рождают трепетные руки,
Шершавые, как будто кирпичи.
Стрелою башня крана в синь
вонзилась.
Дождинки с мастерками пляшут в
такт...
Не дождь идет, а трудимся мы
так,
Что от восторга небо
прослезилось!

* * *

Мы в бескрайней степи — я и
старый топограф.
Вечер гасит закат темно-синим
крылом.
А на небе пилот пишет белый
автограф
Золотым реактивным пером.

Нам приемник доносит далекую
Пьеху...
В песне — тихий, манящий уют
горожан.
А над степью и нами звезды —
капельки смеха,
Как в предчувствии счастья
большого, дрожат.

СОЛДАТСКАЯ ПАМЯТЬ

Афанасию Николаевичу Беляеву,
ветерану войны.

Аммоналом рвут скалы где-то,
Взрывы эти сейчас не страшны...
Речка Сетунь, посоветуй,
Как мне выйти из прошлой войны.
Как забыть ее крылья вороньи?
До сих пор мое сердце в бою.
Запахали окопы, воронки,
Но не тронули память мою...

* * *

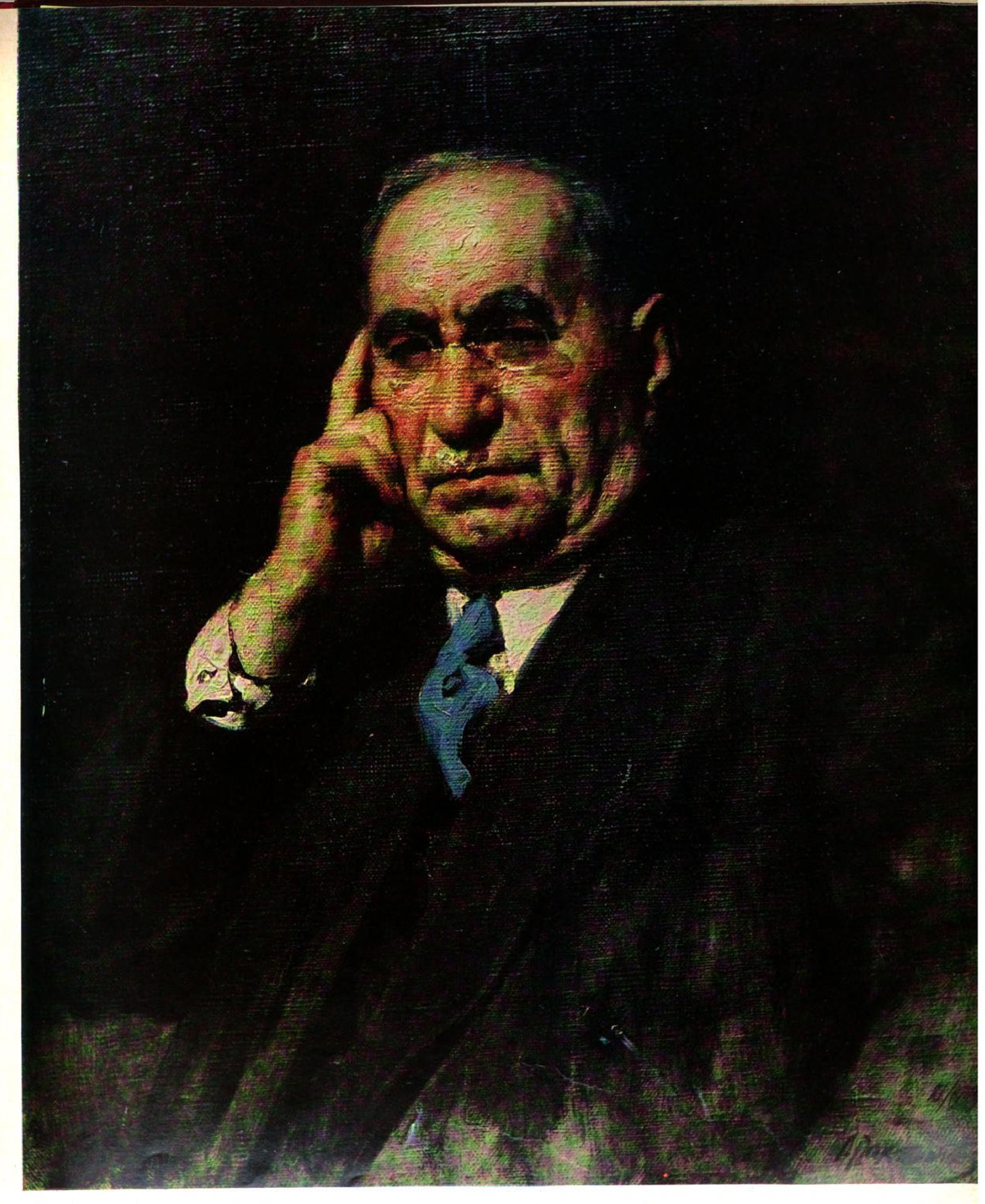
Как хорошо, что есть поля,
Где шума нет и воздух чистый,
Где ржи зеленые моря
Безбрежьем радуют волнистым.
Я в поле выйду, как вчера.
Дежурит в небе старый кречет.
И вольный ветер — младший
брат —
Положит руки мне на плечи.
Я припаду к груди земли,
Чтоб с нею на мгновенье слиться.
И будет облако вдали
Казаться белой кобылицей...

* * *

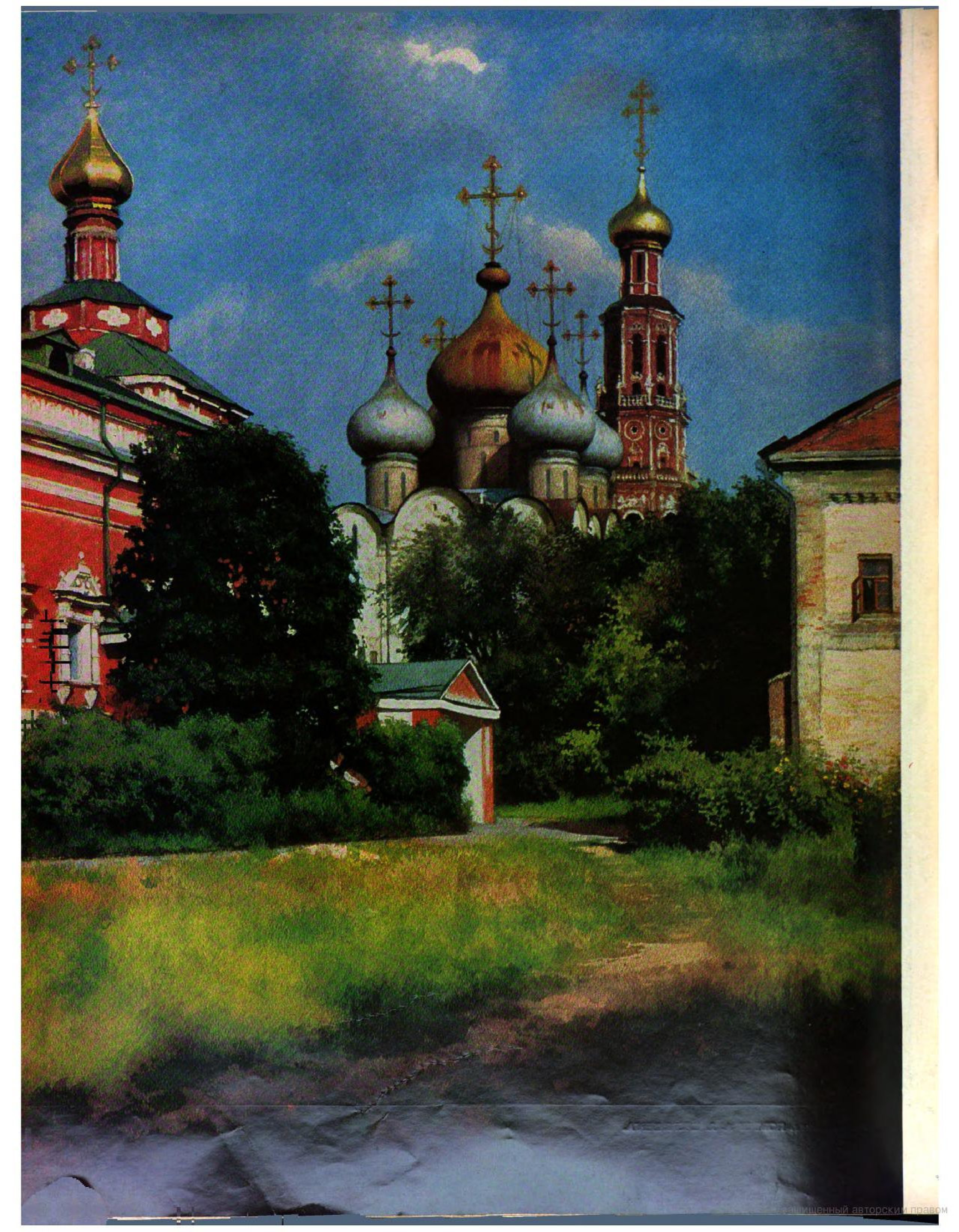
Я славлю утреннюю высь,
Я славлю паруса рассвета,
Когда ко мне приходит мысль,
Легка, быстра, как лучик света.

Когда рождаются слова,
Роса горит алмазной пылью,
Когда кружится голова —
И у души родятся крылья.

Будь славно, утро — юность дня,
Рожденье дум, рожденье света!
И ведь не только у меня
Все начинается с рассвета.

А. Лактионов. ПОРТРЕТ А. Я. ШТЕРЕНБЕРГА.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

ОДИН ИЗ ТЫСЯЧИ

Обычный консерваторский класс. Двойные двери. По углам длинные щиты — от пола до потолка, чтобы звуки не проникали в соседние помещения, не мешали соседней музыке, соседней работе.

Идет работа в консерваторском классе, где большой диван, стулья, два инструмента. Номер класса — двадцать девятый. Называется он нейгаузовским. Потому что чуть ли не полвека преподавал в этом классе Генрих Густавович Нейгауз.

Нейгауз говорил: «Педагог должен быть прежде всего учителем музыки». И он учил. Не только музыке.

...Мы включаем проигрыватель и ставим пластинку.

— Чуть маленькое дуновение, правда? — слышим мы.— Немножко больше diminuendo.

Седой человек ходит по классу. Два шага, остановился, прислушался.

— Нет, нет, это не так.— Нетерпеливый жест рукой.— Пожалуйста, еще раз с As dur'a.

Человек беспокоен и сосредоточен. Голос его то тих, то царствен. Должно быть, он обращается то к одному играющему ученику, то к тем, кто сидит на длинном диване и ждет, когда подойдет их черед сесть за рояль.

Это урок. Человек учит музыке, игре на рояле. Того, кто сидит за инструментом, и тех, кто находится в классе. И нас.

Пластинка движется на диске. Скорость — тридцать три оборота. Время — один урок в консерваторском классе, один из тысячи. Цель?

«Прежде чем начать учиться на каком бы то ни было инструменте, обучающийся — будь это ребенок, отрок или взрослый — должен духовно владеть какой-то музыкой». Это чуть ли не первая фраза в книге Нейгауза «Об искусстве фортепианной игры». Первое положение из предисловия. Первая заповедь его учительства. Цель его — духовно владеть какой-то музыкой. Как трудно услышать эту музыку в душе другого человека. И как еще трудней свою музыку, тобой слышимую, ощущаемую, взращенную, отдавать, вкладывать в другого, в других, в тысячу других и тысячи раз.

Учить музыке. Аппликатуре, форме, техническим приемам, всему тому необходимому, что создает профессионала, свободного для творческого поиска. Учить тому самому точному, азовому и незыблемому, что объединяет людей в один профессиональный цех. И тому мучительно безграничному, неназываемому, что делает музыку музыкой, а искусство искусством.

«Уроки Генриха Густавовича Нейгауза. Записано преподавателем Гос. музыкально-педагогического института им. Гнесиных П. Лобановым». Пластинка выпущена фирмой «Мелодия». Комплект — три экземпляра. «Шопен, баллада фа-минор», «Шуман, Симфонические этюды», «Дебюсси, Вечер в Гренаде».

Итак, Шуман.

Человек ходит по классу. Напевает, бормочет, что-то очень тихо говорит ученику, порой не разобрать. Да и как это можно вообще разобрать? Куски разъединенной музыкальной ткани, атомы, молекулы, пассажи, повторения. Мы не видим ни жестов, ни мимики, ни выражения глаз. Пластинка, черный кружащийся диск. Разве можно постороннему вникнуть, войти в эту незнакомую лабораторию, в эту алхимию звуков?

...Заборматывания, такие неясные, неразличимые. Да, концерты Нейгауза — это мы знаем! И уроки его, наверно, очень интересны. Посидеть бы там! А по пластинке как-то трудновато...

Вот его ученик, тот, что сейчас играет, кто он? Как он выглядит, какой у него голос? Он не отвечает своему профессору словами. Его реакция — только музыка. Понял, не понял?

— Не хватило мне «ля». Не выделяй, это само собой. Ну...

— Не понял! — огорчаемся мы. Наше общение с этими двумя людьми за роялем тоже переходит в таинственную музыкальную сферу.

— Ты хочешь т а к? — спрашивает учитель.— Я не согласен. Конечно, можно. Это не грех. (Первое положение, первая заповедь о «своей духовной музыке». Бережно. Я не согласен. Но ты хочешь т а к. Докажи. Убеди. Сыграй.)

— Педаль! — грозный окрик.

Того, второго, мы не знаем. И отношение у нас к нему создается без единого его словесного, действенного вмешательства. Только музыкой. Но как же ему повезло! Как же повезло, что он сидит сейчас там, в двадцать девятом классе, и слушает, и видит, ему говорит, объясняет Генрих Густавович Нейгауз! Он еще чего-то там расстраивается! Да с таким человеком два часа побыть — это же счастье!

Сказать ему, рассказать... Он бы понял, все-все понял... Но почему? Откуда мы это можем знать? А вы слышите, слышите, как тот, за роялем, ему верит?! Это же слышно — доверие.

Напряженный юношеский взгляд, точное вслушивание в каждое сказанное учителем слово. Доверие, но оценка, оценка, оценка. На каждом уроке учитель подвергается оценке своих учеников. Самых преданных, самых любящих. Такова обратная сторона учительствования. И как это неимоверно трудно! Завоевать доверие. Право учить. Каждый раз, с каждым из них.

...Бормочет, напевает, сердится, успокаивает. Ученик играет прекрасно, умело, законченно. И вдруг — точно зажглись, засветились несколько нот, вспыхнули и погасли. Это учитель подошел к своему инструменту и, не прерывая игры ученика, вкрапил в исполняемое произведение свои четыре ноты, просто чтобы звучало глубже, яснее.

— Голубчик, все должно звучать, вся ткань.

Бедный парень! Как же ему там, в темнотище, когда погасли эти четыре вдруг сверкнувшие ноты? Как же он выберется из потемок? Ничего, выберется, если «духовно владеет какой-то музыкой» и сидит в этом классе.

...И Шопен.

— D-dur в fis moll, понимаете, облако, правда, в минор, но, как облако, затемнила.— Голос нетерпелив. А интонация умоляющая, беззащитная. «Ну, пожалуйста, голубчик, осторожное, в fis moll». А через секунду уже раздражение — «ну, как же так можно все испортить!». И опять укоризна, мягкая, прощающая.

Один урок, один из тысячи. После концертов исполнитель взмокает от пота, разбит, вымотан, валится с ног от усталости. А иногда — счастлив. Иногда раздавлен неудачей. И вдруг — снова счастлив.

А ведь это просто урок, один из тысячи! Разве можно требовать, гневаться, быть счастливым, восхищаться десять раз на день, каждый день, всю жизнь? Быть учителем, учить. Всего себя, всю свою «духовную музыку» тому веснушчатому пареньку и девочке, неловкой, застенчивой, и лауреату международных конкурсов — всем, всем им быть учителем, учить. А еще концерты. Зал и исполнитель. Играть, отдавать, когда-то быть счастливым. Можно?

Пластинка, черный крутящийся диск.

Начало. Слышно только слабое заборматывание. Мы еще чужие, пришельцы. Только бормотание. Двое за роялем. Их увлеченность. Это слышно сразу, можно сказать, с первых же тактов. Когда еще даже нет ни слова, ни музыки. Но уже — атмосфера! И хотя мы вольны ставить пластинку десять, двадцать, сто раз, кажется, что все это живое там, в классе, здесь, в комнате, исчезнет и никогда больше не повторится. И начинаешь слушаться. С напряжением смотришь на блестящий черный круг: пропустишь — сам виноват. Тот парень, которому объясняют, не ты ли это? Как можно не слушать, когда тебе объясняют т а к?!

— Piano, pianissimo, пожалуйста...

Возгласы! Как сохранить, как запомнить их непередаваемый словами смысл?

Как объяснить, что значит это тихое, как вздох, «хорошо» — благословение! И что значит это благословение для того, кто заслужил его своей игрой!

— Не надо так! Удобно, но не надо. Это удобство грубого свойства. Попробуй иначе.

...И еще и еще раз — попробуй! Тысячу раз, тысячу уроков — попробуй! Попробуй отдать свою душу, свой мозг, свой артистизм — нет, не на эстраде, не при тысяче зрителей — там все это понятно, оценено, чтимо, вознаграждено,— нет, попробуй отдать это одному мальчишке, девчонке, отроку, взрослому за час (тоже условно — разве существуют для э т о г о границы академического — учебного! — часа), отдай, а вознаграждение будет ли? И что оно такое?

Эта пластинка на тридцать три оборота, выпущенная фирмой «Мелодия»,— подарок, вознаграждение нам.

Учить — это значит объяснять, делать понятным. Когда пианист играет на эстраде, от него не требуют объяснения — как. Мы слушаем и говорим: талант, необъяснимо, завораживающе. А Нейгауз, учитель, в классе у себя объясняет то, что получается у него, у пианиста, на эстраде. Объясняет то, что в крови. Свою живую плоть, кровь — в другого, это же донорство! Объяснить то, что получается благодаря таланту, данному от бога,— не кощунственно ли? Расчленить то, что подсознательно, из мудрого, сильного превращаться в слабого, неловкого для того, чтобы понять, почему тебе это легко, а другому трудно...

Учить... Это значит никогда не достигнуть цели, значит, почти добравшись до вершины, спуститься назад за отставшим, протянуть ему руку, помочь и опять, снова, шаг за шагом, шаг за шагом...

Учитель должен повторять весь свой путь от самого подножия до вершины, все свои ушибы, все неудачи, вновь и вновь возвращаться к тем, чтобы помочь, чтобы научить.

Здание консерватории, открытые окна, из которых на улицу, в самый центр города, вырывается музыка. А город спешит, работает. И только вечером город приходит сюда в гости — на поклон, на радость. И музыка, одна-единственная, царствующая в большом светлом зале, не боясь соперничества, звучит здесь с эстрады. А утром она снова нырнет в месиво других звуков, и в ней, раздробленной, не узнать ту, вчерашнюю, собранную, совершенную, покоряющую и покорную — рукам пианиста, смычку скрипача, воле музыканта.

Разве можно нам, городу знать, к а к это музыка становится прекрасной? Но иногда в этом к а к есть такое великое, драгоценное, что потеря его невосполнима.

А Нейгауз говорил: «Педагог должен быть прежде всего учителем музыки». Он учил музыке. Игре на рояле. Этюдам Шопена. И еще «своей духовной музыке», ибо без нее нельзя учиться играть ни на одном музыкальном инструменте, вообще работать, вообще жить.

В двадцать девятом классе идет работа. В нейгаузовском классе. А самого Нейгауза там уже нет. Тот же длинный диван, стулья, два инструмента, по углам щиты — от пола до потолка. И портрет седого человека на стене. Человек слушает. Музыку.

Доцент консерватории Лев Николаевич Наумов, бывший ассистент профессора Нейгауза, проводит занятия со студентами.

Фото М. Савина.

◄ **А. Лактионов.** НОВОДЕВИЧИЙ МОНАСТЫРЬ В МОСКВЕ.

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Н. Глазунова.

„ОН УБИЛ МЕНЯ

02.44

Степанов и Кемлонг возвращались в пещеры.

— Ситонг, наверное, ищет меня.

— Нет. Он пошел на могилу. Он всегда заворачивает сюда, чтобы зайти на могилу.

— Какую могилу?

— Здесь убили его жену. Диверсанты во время бомбежки стреляли в людей из леса. Она должна была через месяц родить ребеночка.

«Когда есть дети,— вспомнил он слова Ситонга,— не страшно умирать: на земле останется твое семя».

— А ее брату,— продолжала Кемлонг,— оторвало руку, а он художник. И он теперь не может рисовать.— Кемлонг улыбнулась: — В детстве наши родители договорились, что я стану его женой.

— Почему же не стала?

— А мы не любим друг друга. Мы просто дружим. Он всегда шутит надо мной.

— Он тоже живет здесь?

— Да. Хотите, сходим к нему? У него красивые рисунки.

— Очень хочу.

И снова — без всякого перехода — из тишины вырвался рев самолета. Кемлонг и Степанов упали на землю, раздались близко взрывы, и самолет начал набирать высоту.

Степанов быстро поднялся: неподалеку, возле пещер, густо белело, словно на утренней осенней тяге вдоль озера стлался плотный туман.

Мимо Степанова пробежал монах Ка Кху.

— Там в пещере дети! — крикнул он.— Там ясли для малышей! Они бросили туда фосфорные бомбы!

Степанов ринулся туда, обогнав монаха. Споткнувшись возле пещеры, он упал в белый туман, горло его сдавила спазма, и глаза защипало. Он рассек ладонь, сильно ушиб колено, но рывком поднялся и побежал в пещеру, кашляя надрывно и сухо.

Фосфор засасывало в пещеру, словно в вытяжную трубу. Он стелился по полу. Две женщины в белых халатах, Ситонг и Ка Кху то и дело опускались в этот белый, удушающий, плотный туман и поднимали с нар маленьких детишек. Степанов тоже опустился на колени и нащупал в этом плотном, удушающем, тяжелом тумане двух недвижных детей. Он поднял их, прижав к груди. Сначала дети были недвижные по-прежнему, но, глотнув свежего воздуха — тяжелый фосфор не поднимался наверх,— они забились в пронзительном крике.

В пещере стоял детский крик: квадратные рты детей, синие губы, набухшие веки, серые слезы, катившиеся по впалым щекам,— все это казалось нереальным из-за происходившего ужаса. На груди Ситонга болтался транзисторный приемник. Передавали концерт джазовой музыки; когда кончился твист, раздались аплодисменты и смех далеких людей, сидевших в концертном зале. Степанов побежал с детьми к выходу из пещеры, но Кемлонг крикнула:

— Нельзя! Обратно! Они сейчас будут кидать бомбы!

Кемлонг тоже опустилась на колени и начала ползать по пещере, ощупывая нары; но всех детей разобрали, и поэтому Кемлонг вытащила из белого дыма пеленки и одеяльца.

— Они фосфором выгоняют людей под бомбы из пещер,— сказала она, прижимая пеленки и одеяла к груди.

Чтобы унять дрожь, Степанов прижался спиной к стене пещеры.

Снова прогрохотали тяжелые взрывы, земля под ногами пошатнулась, и с потолка посыпались мелкие камни.

— Все,— сказал Ситонг,— они отбомбились. Надо детей отнести в госпиталь, это рядом.

И он длинно выругался...

02.44

Сначала Сара пыталась сопротивляться. Билл придавил ее своим тяжелым, мускулистым телом к жесткому матрацу. Он жадно целовал ее лицо, шею. Сара вдруг почувствовала слабость, и в голове у нее все стремительно завертелось, и она ощутила себя — на какое-то мгновение, отрешенно — чужой и податливой. Она чувствовала, как дрожали ледяные пальцы Билла, пока он неумело раздевал ее. А после, чем ближе был этот молоденький веснушчатый рыжий парень, тем больше ей хотелось, чтобы все это сейчас исчезло, ушло, а рядом с ней был Эд, а потом она вообще перестала чувствовать что-либо, кроме себя и этого парня, который был с нею...

02.47

— Ты сошел с ума,— сказал Файн, увидев в дверях Стюарта с мадам Тань.— При чем здесь Са...

— Тэйк ит изи![1] — прикрикнул Эд.— Мадам Тань и я любим друг друга.

Тань засмеялась своим серебристым смехом.

— Мы не умеем любить,— сказала она,— мы умеем быть покорными, а вы принимаете это за любовь.

— Покорность — это и есть любовь,— сказал Эд.— Ты как думаешь, Файн? Ты же у меня теоретик.

— Я думаю, что покорность — это начало бунта. Женщина должна быть ершистой и злой. И обязательно неожиданной. Только тогда мужчина пойдет за ней на край света.

— Такой может быть любовница,— сказала Тань,— на короткое время. Мужчины всегда возвращаются к покорным и любящим.

— Да? — спросил Файн.— Черт его знает. Может быть... Будете пить?

— Нет, благодарю вас,— ответила Тань.

— А ты, Эд?

— Я выпью. С удовольствием выпью виски. И совсем безо льда. Просто два добрых глотка виски.

— Тебе же скоро лететь...

— К черту. Никуда я не полечу. Пусть они проедут и поблагодарят за это очаровательную и покорную мадам Тань. Пусть они спокойно поедут по равнине и помолятся за меня своему богу.

— Их бог,— задумчиво сказала Тань,— является также и моим.

— Ваш бог стал нашим,— засмеялся Эд.— Бог всегда на стороне сильных.

— Сказал Адольф Гитлер,— добавил Файн,— в одной из своих исторических речей. Не трогай бога, Эд, он не любит, когда за него говорят земляне.

— Ты веришь в бога?

— Нет. А что?

— Просто занятно...

— Я его боюсь...

Тань сказала:

— Включите какую-нибудь музыку, а то вы погрязнете в своих философских спорах.

— Включи радио,— сказал Эд.— Дама хочет музыки и не хочет философии.

— Наоборот,— сказала Тань,— я хочу философии, но только такой, которая разумна. А ее сейчас нет.

Эд и Файн переглянулись.

— Вы всерьез интересуетесь философией? — спросил Файн.

— Я закончила университет в Дели.

— И вас не устраивает философия?

— Почему? Я люблю философию древних и нелюбимого вами Энгельса. А современной философии попросту нет. Как можно ее любить или не любить? Нельзя любить несуществующее.

— Почему? — спросил Эд.— Мы ведь любим мечту. А это — несуществующее.

— Нет,— мягко возразила Тань и положила свою маленькую, горячую руку на плечо Эда, словно сдерживая его.— Мечта существует, потому что существуете вы, прародитель мечты. Мечта — это неудовлетворенность прошлого, опрокинутая в будущее вашим настоящим.

Файн зааплодировал.

— Каждая эпоха, утвержденная научными открытиями, рождала свою философию. Когда научно утвердилась гидравлика, сменившая ручной труд на мельницах, родилась философия Вольтера и Руссо, философия революции. Когда утвердилось электричество, открытое практиками науки, родилась философия Маркса. А сейчас расщеплен атом и сфотографированы гены. Где философское обобщение этого?

— Боже мой,— сказал Эд,— вы, оказывается, тоже мыслящая женщина?

— Я думала, вам это нравится,— улыбнулась Тань.— Я это говорила для вас. Я люблю совсем другое... Женщина должна любить только то, что нравится мужчине.

Файн увидел, как Эд смотрел на женщину, и сказал:

— Ну, счастливо. Я снова залягу в ванну.

Тань колокольчато рассмеялась.

— Нет уж,— сказал Эд.— Лучше ты не занимай ванну. Она может в любую минуту понадобиться.

— Кому?

— Нам,— ответил Эд и положил руку на мягкую коленку мадам Тань.

02.47

Художник был в пещере не один: в углу, на нарах, тесно прижавшись друг к другу, спали три мальчика и чуть поодаль старуха, прижавшая к себе младенца.

— Его зовут Кхам Бут,— сказал Ситонг.— Знакомься, Степанов.

— Здравствуйте.

— Добрый вечер. Как ваше здоровье? Как добрались, не очень ли устали в дороге?

— Спасибо, все в порядке.

— Пожалуйста, протяните вашу левую руку,— попросил художник.

Степанов вытянул руку, и Бут, достав из нагрудного кармана толстую нитку, начал обвязывать его запястье. Он никак не мог управиться одной левой рукой, нитка то и дело выскальзывала у него из пальцев. Степанов заметил, как у Бута под кожей перекатывались острые желваки.

— Помочь? — спросила Кемлонг.

Бут, не отвечая ей, продолжал завязывать нитку на запястье.

— Ты не торопись,— посоветовал Ситонг.— Не торопись, все получится.

Бут выронил нитку и, взглянув на Кемлонг, сказал:

— Рыбка выскользнула. Кемлонг, хоть ты у нас и неуклюжая, все ж теперь ловчей меня. Завяжи ему нитку ты.

— Это обычай,— пояснил Ситонг,— ниточкой он привязывает к твоей руке свою душу, чтобы она оберегала тебя на этой войне.

Кемлонг обвязала ниточкой запястье, стянула узелок и сказала:

— Кхам Бут, гость хочет посмотреть твои рисунки. Ему интересно, как ты рисуешь...

— Рисовал,— поправил ее художник и жестко усмехнулся: — Птичка пела, а ворона только каркает.

— Э,— поморщился Ситонг,— рисовать можно и левой рукой. Рисовать — не стрелять,— добавил он и засмеялся.— Правда, Степанов?

Кхам Бут внимательно посмотрел на Степанова, который ничего не ответил.

— У меня в Москве много друзей живописцев,— сказал Степанов.— Я очень люблю сидеть у них в мастерских.

— Запах скипидара? — улыбнулся Бут.— Живопись имеет приятный запах, да? Я мало знаю русских художников. Когда я учился в Америке, я часами простаивал возле картины русского художника Кандинского «Я и моя деревня». Я думал, что он это писал про мою лаосскую деревню.

— Спасибо,— тихо сказал Степанов, не в силах отвести взгляда от громадноглазого, худого лица Бута.

— Он что, твой родственник? — спросил Ситонг.

— Кто?

— Ну, этот... Русский художник в Америке?

— Нет. Почему?

— Зачем же ты благодаришь?

Кхам Бут снова усмехнулся. Усмешка его была жестокой.

— Пошли,— сказал он,— я покажу вам кое-что. Вообще-то все — чепуха. Я только начинал искать.

Он зажег еще один керосиновый фонарь и достал из-под циновок два блока. Первый — большой, коричневый — он отложил в сторону, а тот, что был поменьше, открыл резким жестом, будто дирижер, начинающий работу. Он начал неторопливо раскладывать по кремневому полу пещеры свои рисунки. Живопись его была пронизана синим огромным солнцем.

— Любите Ван-Гога?

— Очень. Заметно, что подражаю?

— Не подражаете. Продолжаете. Подражателем быть плохо, продолжателем — почетно.

— Спасибо.

Окончание. См. «Огонек» №№ 17, 18, 20, 21.

[1] «Тэйк ит изи» — легче, легче! (американский жаргон).

ПОД ЛУАНГ-ПРАБАНГОМ"

Ситонг снова засмеялся:

— Неужели все художники только и благодарят друг друга?

— Какой ты черствый,— сказала Кемлонг.— У тебя совсем огрубело сердце.

— У вас солнца через край,— сказал Степанов, разглядывая живопись.— И трав тоже.

— Через край? — не понял Бут.

— Это значит много,— пояснил Степанов.

— Пишешь всегда то, что хочется видеть. Мы же лишены здесь солнца.

— Вы любите музыку?

— Я знаю, отчего вы меня об этом спросили,— сказал художник.— Ваш композитор Скрябин делал музыку цвета.

— Верно.

— Интересно бы это посмотреть. Вообще, я думаю, живопись не нуждается в музыке. Если это самовыражение художника — там обязательно будет и музыка, и скульптурная форма, и философия.

— А что во втором блоке? — спросил Степанов и потянулся рукой к плоской коричневой папке, лежавшей поодаль.

— Это так, ерунда, наброски,— ответил Бут,— это совсем неинтересно.

Он как-то слишком торопливо поднял блок, чтобы забросить его под циновку, поэтому блок выскользнул из его пальцев и на пол посыпались рисунки. Это были одни только портреты Кемлонг: вот она смеется, вот поет, а здесь — купается в зеленом пруду.

Художник метнул растерянный взгляд, увидел застывшее лицо Кемлонг и, опустившись на колени, начал ползать по полу, суетливо собирая рисунки. Степанов опустился рядом с ним и помог ему.

— Спасибо,— сказал Бут и снова метнул взгляд по пещере: Кемлонг уже не было.

— Ну что,— спросил Ситонг, отхлебнув холодного чая,— пора трогать, а? Надо ж равнину проскочить в сумерках. Мы там как мишень: голое место... Ни камня, ни деревца... А то, может, поживем тут денек? А?

— Нет, поедем,— сказал Степанов.

Он очень торопился сейчас, потому что ему надо было как можно скорее рассказать людям про то, что он здесь увидел.

— Скажи ему, чтоб он не горевал,— сказал Ситонг.— Вы ж одного поля ягоды — ненормальные... Скажи ему, что прожить можно и без руки.

— Прожить,— кивнул головой Бут.— Именно прожить.

— Будто ты не можешь жить без этих своих рисунков...— сказал Ситонг.

Кхам Бут поглядел на Степанова, словно ища у него защиты.

— Жить нельзя. Прожить можно.

— Брось,— сказал Ситонг.— Надо только сказать себе злое слово. Надо уметь быть сильным.

— Сильнее себя человек быть не может,— сказал Степанов.

— Может,— упрямо повторил Ситонг.— Может. Человек все может!

— Я пробовал рисовать левой,— словно оправдываясь, сказал Бут,— но это очень плохо. Я почувствовал себя немым: все слова слышу, а сказать ничего не могу. Я пробовал к этой культе,— он тряхнул обрубком правой руки,— привязывать кисти. Ничего у меня не вышло, мазня одна.. Вышла мазня... Я говорил себе: если ты настоящий художник, пусть тебе отрубят обе руки — не погибнешь; если есть, что сказать людям, ты скажешь это песней. Пусть отрежут язык, ты все равно будешь думать свое. Я так сначала говорил себе... А когда попробовал привязать кисть к культе и ничего не вышло, тогда я...

— Когда победим,— сказал Ситонг,— мы заставим американцев сделать для тебя специальный протез.

Кхам Бут опустил голову, спрятав лицо в коленях.

Ситонг обнял его за плечи, и лицо его мелко затряслось.

— Ну что ты, что ты? — ласково, совсем иным голосом — такого голоса Ситонга ни разу не слышал Степанов — заговорил он.— Ну не надо, брат мой, ну не надо же, любимый брат мой... Разве можно так жалеть себя?

Степанов вышел из пещеры. Кемлонг стояла возле дерева и рисовала пальцем на коре замысловатый узор.

— Пойди к нему,— сказал Степанов.

Она отрицательно покачала головой.

— Почему?

— Я не люблю его.

— Ты знала про эти рисунки?

— Нет.

— Пожалей его.

— Разве можно жалеть мужчину? Он тогда погибнет.

— До свиданья, Кемлонг. Мы сейчас уезжаем.

— Я знаю.

— Ты очень хорошая девушка, Кемлонг.

— Я знаю,— пожала она плечами, по-прежнему рисуя пальцем замысловатый узор на коре дерева.

— Мне жаль уезжать.

— Дайте мне вашу руку,— попросила она.

Кемлонг обвязала его запястье красной шелковой ниточкой и сказала:

— Это я вам дала свою душу на дорогу...

03.40

Файн сидел возле включенного диктофона и неторопливо курил.

— Неужели в мир пришла ночь? — заговорил он, поставив нужную тональность записи.— Неужели двадцатый век — последний век человечества? Этого человечества?

Файн отмотал запись, прослушал свой голос и досадливо затушил окурок в пепельнице, сделанной из половинки шариковой бомбы. Стер написанное и начал диктовать снова:

— Люди, считающие, что они служат долгу, попросту выполняют то, что время запрограммировало в их генах. Мы все запрограммированы, сейчас уже с этим не спорят. Когда-то древние знали про это. Недаром осталась мудрость: «Тот, кому суждено быть повешенным, не утонет в луже». Раньше время было медлительным. Его называли рекой. Теперь оно стремительно. Отчего оно так убыстрилось? Наверное, оттого, что оно не хочет открыть нам свою тайну. Главную тайну. Поэтому оно заставляет нас прожигать и проживать время жизни. Оно подгоняет нас, выдвигая иллюзорные мечты, мы гонимся за ними, пробегая сквозь время. Мы не успеваем осмыслить происходящее: время готовит нам одну феерию за другой. Память мира стала как никогда короткой, так бывает в концерте, где отличные номера следуют один за другим. Этот наш бег за мечтой порождает усталость. И мы передаем эту усталость потомкам. Мы программируем усталость в будущем через гены наших детей и внуков. Видимо, мы слишком близко подошли к тайне времени. Мы начали выходить из-под контроля. И время тогда, поняв, что впрямую нас не победишь и прошлое — спокойное прошлое — не вернешь людям, а следовательно, и ему самому, позволило простой микроскоп сделать электронным и помогало тем, кто слепо тыкался носом вокруг проблемы наследственности, сфотографировать клетку ДНК. Время решило столкнуть количество открытого людьми с их разумом, который не в силах это открытое осмыслить. И тогда время помогло Виннеру создать кибернетического робота. Это был самый коварный ход времени. Человек, преклоняющийся перед творением рук своих, перед всезапоминающим и всевычисляющим роботом, обречен на умильное рабство. Робот будет служить не человеку, как он надменно думает, но времени. Спасти от гибели можно только верующих рабов. Богов свергли. Робот — бог будущего. Боги — слуги времени. Время нас снова обыграло. Человечество, погрязшее в маленьких личных, групповых и государственных заботах, уже проиграло, не заметив этого катастрофического проигрыша. А порой даже аплодируя поражениям: когда выдавали Нобелевские премии мудрецам от математики и электроники. Эти мудрецы были невольными провокаторами времени. Не зря инквизиция жгла на кострах тех, кто дерзал думать шире пределов, утвержденных религией: видимо, папские нунции, лишенные радостей плотской, простой жизни, мечтали, чтобы этим простым счастьем наслаждалась их паства. Паства дерзко отринула этот путь устами Галилея, который сказал, что шарик все-таки крутится. Будь он проклят, этот вздорный старик, этот вздорный старик... Только равенство мысли могло бы уравнять людей в их правах и обязанностях. Но разве люди согласятся уравнять себя в мысли? Личный агент времени в каждом из нас — честолюбие и алчность — не позволит сделать этого. Маленькие люди заняты своими маленькими радостями, крохотными горестями и глупенькими страстями. Время, наблюдая нас, видимо, потешается: «На что замахиваетесь, мыши?»

Файн выключил магнитофон и, откинувшись на спинку старинного, с истертыми валиками кресла, закурил и почувствовал, как у него устало расслабились мышцы живота.

Он потянулся и закинул тонкие руки за голову. Возле окна, в дальнем углу номера, запел сверчок. Файн долго слушал, как поет сверчок, а потом неожиданно для самого себя заплакал. Он включил диктофон и поднял микрофон, чтобы песня сверчка явственнее записалась на пленку. Он долго сидел с вытянутой рукой и, улыбаясь, счастливо плакал, слушая, как пел сверчок. А когда он замолчал, Файн сказал в микрофон:

— У времени добрая песня...

04.07

— Поставь будильник на пять часов,— сонно пробормотал Билл.— Я хоть часок вздремну. Мы в пять должны вылететь...

— Я разбужу. Спи,— сказала Сара.— Я разбужу тебя в пять.

— Мы разбомбим эту машину с чарли и быстренько вернемся.

— Спи. Спи,— повторила Сара.— Спи же ты...

— У меня очень свирепый командир. Мне нельзя проспать.

— Спи. Я тебя разбужу.

Саре показалось, что парень уснул. Она осторожно отодвинулась от него. Ей хотелось бежать отсюда, но парень обнял ее, прижал к себе и спросил:

— Куда ты?

— Никуда. Просто мне жарко.

— Нет. Лежи рядом. Я не буду спать, я только подремлю пятнадцать минут.— Он поцеловал ее в шею.— И сразу проснусь. И у нас еще останется полчаса на любовь. Поцелуй меня.

Сара прикоснулась губами к его щеке.

— Нет, поцелуй меня так, как раньше.

— Поспи. Поспи немного.

— Хорошо. Совсем немного. Разбуди меня через десять минут. Ладно?

— Хорошо.

И Билл уснул: он всегда засыпал сразу, как ребенок.

04.29

— Я не мешаю тебе своими коленками? спросил Ситонг.

— Нет, что ты, совсем не мешаешь.

— Я взял еще две канистры на обратный путь и продовольствия, поэтому стало так тесно.

— Ты на границе не отдохнешь? Там хорошее убежище.

— Нет. Надо возвращаться на фронт,— ответил Ситонг.— Там дел много. Ну-ка, поддай скорости,— попросил он шофера.— Надо поскорей проскочить равнину.

— Я и так гоню,— сказал шофер.— Равнина очень красива,— обернулся он к Степанову.— Вы ее днем не видели?

— Что красивого может быть в равнинах? — удивился Ситонг.— Красиво бывает только в горах.

— Почему? — спросил Степанов.

— Потому что в горах неизвестно, что будет дальше. Поднимешься на вершину и видишь: водопад. Поднимешься на вторую — а там ульи с медом, опустишься в ущелье — а там олень стоит. А равнина что? Как жизнь: заранее знаешь, что в конце помрешь...

— В равнине можно построить красивый город,— сказал шофер.— Кхам Бут, когда был с рукой, нарисовал такой город: он весь стеклянный. Когда мы победим, в тот город станут приезжать люди со всего мира: отдыхать, и охотиться, и ловить рыбу в горных потоках, стремительных, как любовь,— закончил он обязательной саванакетской цветистостью.

— Жаль только,— задумчиво улыбаясь чему-то своему, далекому, сказал Ситонг,— что у нас нет снега.

— А у нас жалеют, что мало лета,— сказал Степанов.

— Всегда жалеют о том, чего нет,— сказал Ситонг.— Вообще-то снег — это очень красиво.

— В нем много высокой эстетики,— сказал

Степанов,— особенно когда его вспоминаешь, а не идешь по нему босиком...

— А что такое эстетика? — спросил шофер.

— Эстетика? — переспросил Степанов и пожал плечами.— Черт его знает... Наверное, это когда уважают человека. В жаре нет эстетики, например.

— Жара — это нечто,— сказал Ситонг.— Ведь ты реагируешь на нее?

— Я на нее потею,— ответил шофер,— а не реагирую.

Ситонг спросил Степанова:

— Ты любишь снег?

— Очень.

— Я тоже очень люблю снег,— сказал Ситонг.— Я очень любил подниматься на фуникулере в Париже, когда шел снег.

Степанов вспомнил фуникулер в Татрах. Он тогда забрался на самую вершину — думал только посмотреть на Татранскую ломницу, но начался буран, и водитель фуникулера вошел в маленький ресторанчик, отряхнул с фуражки снег и сказал:

— Будем отдыхать.

В ресторанчике было четыре человека: краснолицый седой австриец в спортивной ношеной куртке, женщина-горнолыжница, сидевшая возле самого окна, парень, игравший на губной гармонике, и Степанов. Водитель фуникулера ушел на кухню, и оттуда был слышен его рокочущий голос: наверное, он пил пиво и поэтому так довольно рокотал.

Австриец спросил Степанова:

— У вас нет огня?

— Есть. Пожалуйста.— Степанов протянул ему зажигалку, и австриец прикурил треснувшую, намокшую сигарету.

— Спасибо,— сказал австриец.— Хороший снег, а?

— Снег дрянной,— сказал парень, перестав играть на губной гармошке.— Если он не прекратится, надо будет здесь ночевать.

— Ну и прекрасно,— сказал австриец,— это ж приключение. Что может быть лучше приключений в нашей жизни?

Парень показал глазами на женщину, сидевшую спиной к ним возле окна, и ответил:

— Любовь лучше приключений.

Австриец громко крикнул:

— Эй, кто-нибудь!

Из-за занавески выскочила девушка и сказала:

— Просим вас...

— Сливовицы... Пять крат,— показал на пальцах австриец.

Девушка сделала испуганные глаза и побежала выполнять заказ.

— Девушка,— попросил ее Степанов,— мне тоже. Пять крат.

Степанов вообще не хотел пить, но его всегда злило и обижало, когда за границей он видел седых, красномордых буржуев, делавших то, что им хотелось делать.

— Приятно шумит ветер,—сказал австриец,— особенно это приятно, когда сидишь возле раскаленной печки и можно выпить.

Буран крутил все сильнее, и парень, спрятав губную гармошку, сказал:

— Пойду хлопотать о ночлеге.

Он посмотрел на женщину и, подойдя к ней, спросил:

— О вас позаботиться?

— Спасибо,— ответила женщина, не оборачиваясь,— не надо.

Парень пожал плечами и вышел. В ресторанчик, когда он открывал дверь, залетел снег — огромные белые хлопья. Они быстро растаяли, сделавшись грязными каплями воды на дощатом, плохо крашенном полу.

Австриец подошел к музыкальному автомату и бросил туда монетку.

Женщина обернулась и сказала:

— Какая громкая музыка.

— Разве это плохо? — спросил австриец.— Это хорошо, когда громкая музыка. Хотите выпить?

— Нет. Не хочу,— ответила женщина и, помедлив, добавила. — Благодарю вас.

Она была смуглой, но загар у нее был нездешний. Тут, в горах, загар бывает бронзовый, очень яркий, а потому недолгий.

Австриец опрокинул подряд две рюмки, вытянул ноги, откинулся на высокую спинку и закрыл глаза.

— Боже ты мой,— сказал он,— как это хорошо, когда в горах шумит буран! Когда человечеству делается скучно, оно начинает войны. А горнолыжники, когда им скучно, уходят в буран, и у них проходят и скука и злость.

Степанов отошел к окну.

«Мело, мело по всей земле во все пределы,— вспомнил он,— свеча горела на столе, свеча горела...»

Женщина обернулась и поглядела на австрийца. Он курил, тяжело затягиваясь.

— Выключите, пожалуйста, эту дурацкую музыку,— попросила она.

Степанов сделал шаг к музыкальному автомату, но пластинка кончилась, и стало тихо, и особенно слышным сделался буран и рокочущий голос водителя фуникулера на кухне.

— Вам не холодно возле окна? — спросил Степанов.

— Нет.

— Издалека приехали?

— Да,— ответила женщина и поднялась. Надев шапку, она вышла из ресторанчика.

Австриец спросил:

— Посмотрите, она начала спуск?

— Куда? — не понял Степанов.

— Вниз. Она всегда ждет бурана и спускается сквозь метель.

Степанов смотрел в снежную мглу, но ничего не смог увидеть.

Австриец застегнул свою куртку, допил сливовицу и сказал:

— Если бы эта женщина смогла меня полюбить, я был бы самым счастливым человеком в мире.

Степанов заметил, что австриец сейчас уже не был краснолицым. Он видел только, что он седой, а лицо у него стало бледное, и скулы обтянуты щетинистой кожей.

— В мире,— сказал он очень грустно,— есть одна-единственная женщина, которая может дать счастье, но она всегда принадлежит другому.

И он ушел, и Степанов увидел, как сквозь метель промелькнула стремительная тень — австриец побежал вниз, следом за этой молчаливой, смуглой, совсем некрасивой женщиной.

04.47

— Вы просто устали, милый,— сказала Тань, целуя Эда.

Эд повернулся на спину и закурил.

— Ты все знаешь, Тань? А? Ты знаешь все?

— Про мужчин я знаю все,— улыбнулась она в темноте,— а про себя я ничего не знаю.

— Наверное, в моем возрасте уже нельзя ложиться с женщиной, если не любишь ее. Или хотя бы не увлечен самую малость.

— Вы хотите обидеть меня?

— Прости. Просто такая дурацкая привычка — рассуждать о себе вслух.

— А я думала, что писатели чаще думают о других.

— Ты тоже думаешь? — сказал он жестко.— Кто бы рядом со мной хоть немного не думал, а?

— Поспите, милый,— сказала она, обнимая его своей тонкой, прозрачной рукой,— вам надо отдохнуть. На этой страшной войне вы совсем не щадите себя.

— Ты заплачешь, если я ударю тебя, Тань?

— Если вам станет легче — ударьте. Я не заплачу. Хорошо, что вы сказали, а то я бы очень удивилась. Меня никогда не били.

— Это хорошо.

— Я любила первого мужчину. Побои нравятся тем женщинам, которые поняли любовь после насилия.

— А кто был твоим первым?

— Муж.

— Где он?

— Его убили.

— Когда?

— В позапрошлом году.

— Кто?

— Вы.

— И ты можешь лечь со мной в постель?

— Люди никогда не умирают бессмысленно. Значит, его смерть была угодна богу. Иначе бы он не погиб. Ну, ложитесь сюда,— сказала она,— еще ближе. Вам надо отдохнуть, и тогда вы будете сильным.

— Тебе было хорошо только с мужем, Тань?

— Нет. Мне было хорошо с другими тоже. Мне с вами будет тоже очень хорошо.

Эд поднялся. Ему хотелось сказать этой красивой женщине что-то грязное и злое, но он ничего ей не сказал. Он только попросил:

— Одевайся, Тань. Мой друг отвезет тебя домой, а я поеду на аэродром.

Он зашел в комнату к Файну.

— Ты не спишь?

— Сплю,— ответил тот, пряча диктофон.— А что?

— Отвези женщину домой, а я пока оденусь и позвоню Биллу.

...Билл не поднимал трубку, потому что Сара, тихо, то и дело оглядываясь на спящего, опасаясь разбудить его, ненароком выдернула каблуком штепсель телефона из белой, фосфоресцирующей розетки. Когда штепсель брякнулся на кафельный пол, Сара, вздрогнув, замерла и осторожно повернула голову: Билл по-прежнему сладко посапывал во сне.

Она тихо приоткрыла дверь, и дверь длинно, протяжно заскрипела. Сара снова замерла и снова обернулась на парня, повторяя про себя, как заклинание: «Сейчас, ну сейчас, сейчас...» А выйдя из его комнаты, она побежала по длинному стеклянному коридору и уже не боялась холодного перестука каблуков по кафельному бело-голубому полу.

Около двери, которая вела на улицу и которая была все ближе и ближе, которая наваливалась на нее, как громадная тяжесть, и приближалась к ней, как будущая свобода, появился Самни, тот чревовещатель, который так смешно пугал ее в баре. Он появился неожиданно — видно, быстро выскочил из своей комнаты. Он стоял в майке — пьяный.

— Хэлло,— сказал он, больно схватив Сару за руку.— Хэлло. Где наш Билл?

— Что? Он у себя. Пустите, мне больно руку.

Не открывая рта, он произнес горлом:

— А вот у меня болит душа! Это хуже, чем ручка!

Он потянул Сару к себе и сказал:

— Зайдите ко мне на минуту, я вам что-то покажу...

— Хорошо,— сказала Сара,— только пустите руку.

Он покачал головой, и странно улыбнулся, и обнял Сару. Она рванулась что было сил: Самни, потеряв равновесие, упал, увлекая Сару за собой — на холодный, голубой кафельный пол. Она ударила его каблуком в живот, он, охнув, отпустил ее руку. Сара вскочила и выбежала из двери. Она бежала по темной улице, больше всего страшась услышать позади себя сопение этого Самни. Она боялась оглянуться, она бежала, повторяя все время: «Сейчас, сейчас, Эд, родной, сейчас! Сейчас, Эд!» Она часто жмурилась, чтобы отогнать навязчивое, до ужаса явственное видение: голова Билла на смятой подушке, и слюнка, которая стекала желтым пятном из его большого, мальчишеского рта, а еще она видела близкое лицо Самни, который хватал ее и что-то говорил, а губы его были недвижны, как и недвижно лицо, замершее, словно маска.

04.47

— Мой парень где-то загулял,— сказал Эд вернувшемуся Файну.— Хочешь слетать со мной? Это будет нетрудный полет.

— Спасибо.

— Спасибо — да?

— Конечно. Сейчас я переоденусь.

— Зачем? Включим печку, ты не замерзнешь.

Когда они сели в машину и Стюарт включил зажигание, Файн спросил его:

— Скажи правду: ты летишь злой? Тебе надо сорвать злобу? Или что?

— Как тебе сказать? — медленно ответил Эд.— Наверное, я лечу сейчас только потому, что, садясь за штурвал, начинаю по-настоящему ощущать свою силу.

04.57

— У нас батарейки еще не сели, Ситонг? — спросил Степанов.

— Хочешь послушать радио?

— Да,— ответил Степанов, но, взглянув на часы, попросил: — Погоди включать. Сейчас одна музыка. Знаешь, когда я слушаю радио, я думаю, что мир все-таки плоский. Разность часовых поясов, по-моему, выдумали досужие мудрецы.

— Конечно! — радостно согласился шофер.— Я ничего в этой премудрости так и не смог понять.

— Вообще-то мир круглый,— сказал Ситонг.— Это точно. Почему тебе кажется, что часовые пояса выдумали?

— А вот ты послушай последние известия... Весь мир передает последние известия в одно и то же время. Как уговорились.

— Вообще-то верно,— сказал шофер.— Мир прекрасен, как синяя равнина при рассвете...

Ситонг засмеялся и сказал:

— Может, послушаем музыку?

— Я боюсь, не хватит батареек на последние известия. И так радио еле слышно. Хочется послушать последние известия с полей битв,— заключил шофер в своей обычной манере,— они заслуживают того, чтобы мы ограничили музыкальные программы. В конце концов мы можем спеть сами.

— Ты скоро совсем перестанешь говорить, а начнешь петь,— сказал Ситонг.— Прямо соловей, а не шофер. Еще б заводную ручку с собой возил — тогда полный порядок! Выключи фары, в тумане лучше ехать без света.

Шофер убрал свет, и в зыбкой, рассветной, сероватой мгле Степанов увидел расплывчатые фигуры. Люди в длинных одеяниях ходили по кругу, словно в феерическом, сказочном хороводе. Движения людей были ритмичны, будто согласованы с неслышимой, но очень четкой музыкой.

— Что это? — спросил Степанов.

— Это? — переспросил Ситонг.— А, это, наверно, ансамбль «Сипахотон». Здесь же равнина, они тут репетируют по ночам. От скал ведет траншея, они в случае чего убегают. Здесь до скал метров пятьдесят.

— Остановись,— попросил Степанов.— Давай посмотрим.

— Нельзя. Светает. Надо проскочить долину. Тут еще километров десять открытой долины.

— Ну хоть на минуту,— попросил Степанов.— Я не буду вылезать, только выключи мотор, это надо слушать...

— Выключи мотор,— сказал Ситонг, и шофер выключил мотор, и стало тихо.

И в этой наступившей тишине Степанов услышал песню. Она была очень странной — то быстрой, то вдруг затихающей. В такт этой песне по зеленой поляне двигались танцовщицы, то появляясь, то исчезая в белом тумане.

— Ты оставил пленному риса? — шепотом спросил Ситонг шофера.

— Оставил.

— Тише,— попросил Степанов.

— И банку консервов,— шепнул шофер.

Степанов смотрел на танцовщиц и вспоминал Дунечку: она любила танцевать, когда ее никто не видел. Движения ее были неожиданны и странны. Лицо ее замирало, очень взрослело, и под глазами залегали серые тени — от волнения. Она слушала свою музыку, которая звучала в ней, и маленькое ее тело двигалось по комнате, подчиняясь этой, не слышимой никому, кроме нее, музыке.

Однажды Степанов спросил ее:

— Что ты танцуешь, Дуня?

— Ну... Не знаю,— ответила она.— Когда как. Иногда я танцую про кукол, иногда про то, какое вкусное мороженое... Не знаю,— повторила она, и в интонации ее прозвучало что-то взрослое и чужое — то, что Степанову не дано было понять.

— Сейчас они начнут ламвонг,— сказал шофер.

— Да,— сказал Ситонг,— едем.

Степанов почувствовал, как тот задвигал коленями: ему, видно, очень хотелось потанцевать ламвонг — здесь это самый любимый танец, который танцует каждый.

05.13

— Это война неудачников,—говорил Эд, вглядываясь в рассветную, серовато-синюю землю.— Это война несостоявшихся честолюбцев: политиков и генералов. И писателей. И ученых. Вообще всех неудачников.

— Это война — война умных политиков, Эд. Ты очень ошибаешься. Это война хитрых людей, они сплачивают нашей жестокостью азиатов против белых. У нас с ними нет границы. Граница у Азии есть только с красными.

— Это слишком умно и дальновидно для наших кретинов, Файн.

— Черт с ними, с нашими кретинами! А что на этой войне делаешь ты?

— То же, что и ты,— убегаю от себя.

— Я не смогу убежать от себя, Эд. Мне тут еще хуже, и я понял, в каком грязном мире мы с тобой живем. В каком жестоком и грязном мире мы живем, Эд.

— Знаешь, когда я летаю бомбить этих маленьких, несчастных чарли, мне приятно сознавать себя подлецом. В другое время я боюсь даже подумать об этом. Мы ведь все так любим себя, Файн, что даже противно.

— Я помню у Сент-Экзюпери... Помнишь, он писал, что в каждом человеке сокрыт Моцарт.

— Сейчас мы с тобой договоримся до того, что я брошу бомбы на скалы.

— Может быть, в этом есть смысл.

Эд обернулся и спросил:

— Ты борец за мир, а?

— Нет. А что? Лети тише, Эд. Давай экономить время хотя бы в этом.

— О чем ты?

— Так...

— Ну-ка, взгляни вперед. Что-то там ползет, а?

— Ничего там не ползет.

— Это тебе кажется, что не ползет. А мне кажется, что это машина. Я точно рассчитал, Файн. Я их здесь догоню, этих чарли. Им здесь будет некуда деться...

05.15

Ситонг, как всегда, услыхал самолет первым.

— Гони к скалам! — крикнул он.

— Там нет дороги.

— Без дороги! Скорей!

Шофер нажал на акселератор, и машина рванулась, набирая максимальную скорость. Машина неслась по ухабам и рытвинам, и от этого отчаянно гремели канистры, взятые Ситонгом про запас.

— Стоп!

Машина остановилась, и Ситонг повалился на Степанова.

— Гони!

«Ничего не будет,— спокойно думал Степанов.— Ничего не имеет права быть. Я не имею права уйти, не сделав то, что я обязан сделать... Это будет слишком бессмысленным, чтобы случиться».

05.15

— Видишь, как забегали,— сказал Эд.— Это у них такая тактика. Они хотят, чтобы я бросил бомбы в тот момент, когда они останавливаются.

— Ты всегда так психуешь, когда их видишь?

— С чего ты взял, что я психую? Я совсем не психую. Наоборот, я делаюсь спокойным и расчетливым, когда вижу их.

Файн смотрел на лицо Стюарта: лицо его изменилось до неузнаваемости: нос внезапно заострился, губы были поджаты, как у старика, и чуть посинели, и ноздри тонко трепетали.

— Не очень увлекайся,— сказал Файн.— Что с тобой, парень?

Эд ничего ему не ответил: он заходил для бомбового удара.

05.15

Сара быстро расхаживала вдоль взлетной полосы: от одного фонаря к другому, вперед и назад. Мимо нее пронесся самолет, и горячий вихрь увлек ее следом, и она пробежала несколько метров вдоль по бетонной дорожке, не в силах противиться этому жаркому, устремленному, тугому движению воздуха.

«Я могу устоять,— подумала она.— Стоит мне только захотеть, и я смогу устоять и не двинуться с места».

Второй самолет начинал разбег в далеких голубых сумерках.

Сара сжалась, чуть согнула в колене ногу и повернулась лицом к самолету, который несся прямо на нее по широкой бетонной полосе. И снова горячий вихрь обнял ее, и она, чувствуя, что может устоять, позволила себе пробежать следом за самолетом, уносящимся в небо.

«Скоро вернется Эд,— все время думала она.— И все станет хорошо. Так хорошо, как у нас никогда не было. Только б он скорей вернулся».

Она что-то запела, и, когда стих рев улетевшего самолета, она смогла услышать ту мелодию, которую пела. Эту песенку кричал ночью лилипут в коротких штанишках. Она продолжала петь, меряя расстояние большими шагами — от одного фонаря к другому. Она шла, чуть пританцовывая, улыбаясь, и чувствовала себя так хорошо, как никогда раньше.

05.17

Бомба разорвалась метрах в тридцати от машины. Комья мокрой грязи залепили ветровое стекло, и шофер машинально затормозил. Но в следующий миг он что есть силы нажал на акселератор, и машина, проехав метров десять, ухнула в воронку. Это была старая воронка, уже заросшая травой, поэтому шофер решил дать задний ход, чтобы выбраться с помощью включенного демультипликатора. Машина начала буксовать.

— Вылезайте, быстро! — сказал Ситонг очень тихо.

Он слышал, что самолет заходил для второго удара, и понимал, что в запасе еще есть две минуты.

— Бегом в разные стороны,— сказал он и ринулся направо — не к горам, что громоздились в ста метрах, а наоборот — в равнину. Степанов и шофер побежали к горам, но шофер вдруг повернулся и бросился к машине.

— Ты куда? — закричал Степанов.

— Там моя теплая куртка! — крикнул парень.— Новая, на «молнии»!

Ситонг услышал их голоса, обернулся и заорал страшно:

— Назад! Назад! Беги назад! Убегай!

Он кричал, не останавливаясь, прилаживая на ходу обойму, бросив старую себе под ноги. Огромная, стремительная, все увеличивающаяся, расплывчатая тень самолета неслась на Ситонга. Он упал на колено и пустил по самолету очередь, и Степанов, падая, понял, отчего он менял обойму: он поставил обойму с трассирующими пулями, чтобы отвлечь пилота на себя, чтобы заставить его на себя сбросить все бомбы.

— Ситонг! — закричал Степанов.— Ситонг!

Но Ситонг не слышал его: в небо поднялся черный столб раскаленной земли, и настала оглушительная, рвущая перепонки тишина, а после этот громадный столб жара начал медленно оседать, а после из этого — теперь уже коричневого — столба вырвалось бело-красное пламя.

05.19

— О'кэй! — сказал Эд и как-то странно засмеялся.— Эти чарли в порядке. Сейчас мы поохотимся за тем, который в нас стрелял.

Заложив крутой вираж, он бросил самолет в пике. Ему хотелось быть близко к этому человеку, который, по-заячьи петляя, метался на земле.

— Как он смешно прыгает, а! — кричал он Файну.

— Эд, Эд, не сходи с ума! — быстро говорил Файн, толкая Стюарта в плечо.— Что с тобой, Эд?!

— Иди к черту! — крикнул Эд.— Не мешай мне, идиот!

И он нажал на гашетку, и самолет затрясло, и вокруг человека на земле забурлили серые фонтанчики. Человек упал на колени, как при молитве, и пустил по самолету еще одну очередь.

Самолет резко тряхнуло, но Эд не понял, отчего так тряхнуло самолет, потому что он снова нажал на гашетку. Он увидел, как человек пустил по самолету очередь, он видел, как белые, длинные тире пуль медленно неслись навстречу самолету, но он был уже не в силах отвернуть от этих длинных белых тире, потому что наблюдал за тем, как человек, нелепо взмахнув руками, бросил автомат и повалился на землю.

— Ага, чарли! — засмеялся Эд.— Порядок, чарли!

И в ту же минуту в лицо ему ударила струя ледяного воздуха, лицо вмиг окровавилось от осколков стекла, и он не успел даже понять, что это разбито ветровое стекло кабины, потому что одновременно рвущая, толстая боль вошла в него, и он закричал и бросил штурвал, чтобы руками ощупать эту свою боль, а потом он потерял сознание.

05.58

Никто не видел, как самолет Стюарта врезался в скалы.

Оглохший и наполовину ослепший Степанов полз по земле, и за ним оставался кровавый след. Он полз мимо разорванного в клочья шофера к раненому Ситонгу. Земля была по-рассветному холодной. Он чувствовал холод утренней росы, и ему виделся громадный русский луг, над которым весенним пролетом низко летели серые птицы: впереди — гусыня, а сзади, словно незримо привязанный,— гусь. Трава на лугу была желтой, прохладной, убитой морозами. Запах ее был таким же сладостным и горьким, как в первый день его недолгой разлуки с Надей, когда на даче сжигали прошлогоднюю, коричневую листву.

Степанов полз теперь очень медленно, по-прежнему ощущая запах того весеннего рассветного луга под Сасовом на первом, самом первом пролете гусей...

ПРИПОДНИМАЯ ЗАВЕСУ ВРЕМЕНИ

См. 4-ю страницу обложки.

Не правда ли, уже в самом названии новой пьесы лауреата Ленинской премии Сергея Михалкова — «Первая тройка или год 2001-й» таится множество обещаний... И прежде всего обещание встречи с тем таинственным, загадочным миром Будущего, который рисуется в воображении каждого из нас, конечно, по-разному, но всегда прекрасным и светлым. Больше же всего мы уверены, что красота и свет, войдя в жизнь и быт человека, сильнее всего выразятся в характерах будущих людей, в их взаимоотношениях.

Именно такими красивыми, внутренне богатыми, смелыми и сильными предстают главные герои спектакля ЦДТ — счастливые обитатели удивительного мира, в который теперь заглядываем и мы, зрители, попавшие на премьеру.

Словно приподнимая завесу времени, постановщик спектакля Л. Машлятин и художник Э. Змойро знакомят нас с «первой тройкой» — дружными, отважными советскими пионерами, отправляющимися в космос.

И самая подготовка к полету и приключения, происходящие во время этой подготовки, позволяют раскрыть нравственный облик ребят: Феди Дружинина, Наташи Печатниковой и Вадима Гонтарева — первых в мире юных космонавтов, которыми руководит — представьте себе! — Герман Степанович Титов. Мы видим его еще молодым и стройным,— видимо, к началу третьего тысячелетия люди постигли заветный секрет нестарения...

Хороши оба состава актеров — участников спектакля. Хороши и зрители! Притихнув, прямо-таки не дыша следят они за мерцающей и блещущей сценой, вобравшей в себя будто все краски спектра, а главное — за своими сверстниками на сцене. Это ведь их самое что ни на есть реальное, живое завтра.

Радостное чувство жизненной перспективы, бодрости, уверенности рождает спектакль — один из лучших, если не самый лучший на афише Центрального детского театра.

Н. ТОЛЧЕНОВА

●

ДОБРАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ

Нет большего несчастья — любить и быть непонятым. Поэзии это касается особенно. И как тут необходим одержимый любовью ко всему заповедному, родному критик, который бы раскрыл читателю то самое сокровенное, что оставил поэт поколениям, показал бы всю несостоятельность поверхностных суждений и кривотолков о нем и его творчестве. Одним из таких критиков представляется мне Юрий Львович Прокушев, которому исполняется пятьдесят лет. Завод «Серп и молот», где он был комсомольским вожаком, и литературное объединение «Вальцовка» при заводе стали его началом как литератора, как критика. И свою юношескую любовь к Сергею Есенину он не мог не разделить с многими и многими друзьями поэзии. Вернуть поэта его соотечественникам, раскрыть его самую сущность, в которой главное — любовь к Родине, к новой, Советской Родине, стало целью всей его жизни.

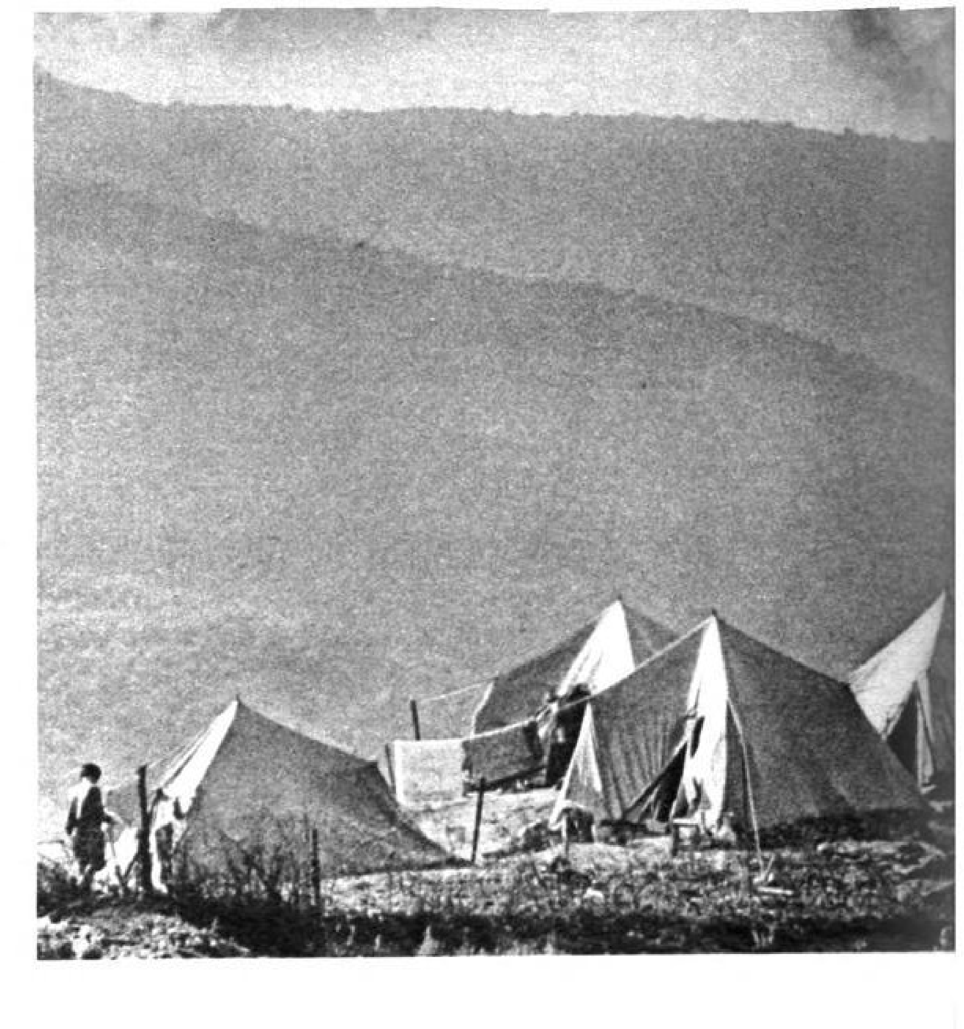
Юрий Прокушев — автор многочисленных статей о поэте, предисловий и комментариев к разным изданиям сочинений Есенина. Широко известны книги Прокушева «Сергей Есенин» и «Юность Есенина», его лекции, его композиции для самого массового радиослушателя и документальный полнометражный фильм о Сергее Есенине, созданный совместно с кинорежиссером Павлом Русановым.

Юрий Прокушев не мыслит Есенина вне связи с традициями русской поэтической классики, как не мыслит и поэзии наших дней в отрыве от есенинских традиций, от традиций Маяковского, всех лучших художников слова нашей советской эпохи.

Он писал о Шолохове, о Леонове, о Маяковском, но Есенин был и остается главным, чему он многие годы отдал безраздельно. И это очень завидная черта — быть таким цельным и сосредоточенным. Только так и можно донести до народа то, что является его же духовным богатством.

Д. КОВАЛЕВ

СТИХИИ НЕПОДВЛАСТНО

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька»

14 мая. 12 часов 22 минуты 30 секунд. Именно в это мгновение пришла в Дагестан беда: по республике прокатилась первая волна подземных толчков. Пять-шесть баллов зарегистрировала сейсмическая станция в Махачкале. Вечером — новая волна, еще более сильная,— в эпицентре подземный шторм достиг восьми баллов.

Ночью на аул Кумторкала обрушился проливной дождь. А еще вечером двумя сильными подземными толчками тут были разрушены все здания — 470 домов. Стихия продолжала неистовствовать. Но машина за машиной — грузовые, легковые, автобусы — мчались по мокрым ночным дорогам к аулу. Из Махачкалы. Рабочие заводов стекловолокна, «Дагэлектромаш», морского порта, пожарные и врачи. И первый вопрос: «Есть ли жертвы?» «Да, к несчастью, есть». «Сколько?» «Пока неизвестно».

При свете автомобильных фар под потоками ливня всю ночь работали спасатели — разбирали завалы, откапывали из-под развалин пострадавших людей. Утром привезли продукты. За аулом быстро поставили палатки — целый городок, где разместились 2 тысячи человек. Прошел еще день, и большинство жителей аула отправились на работу — в поля, на виноградники. В палаточном городке появилась столовая и общественная кухня. А сейчас невдалеке от старого аула идет планировка нового селения...

Большим разрушениям подверглись также селения Чиркей, Зубутль и Ахатлы. Получили повреждения многие здания города Буйнакска. Но и здесь в первые же минуты стихийного бедствия люди проявили стойкость, организованность, мужество. И сюда спешили на помощь друзья.

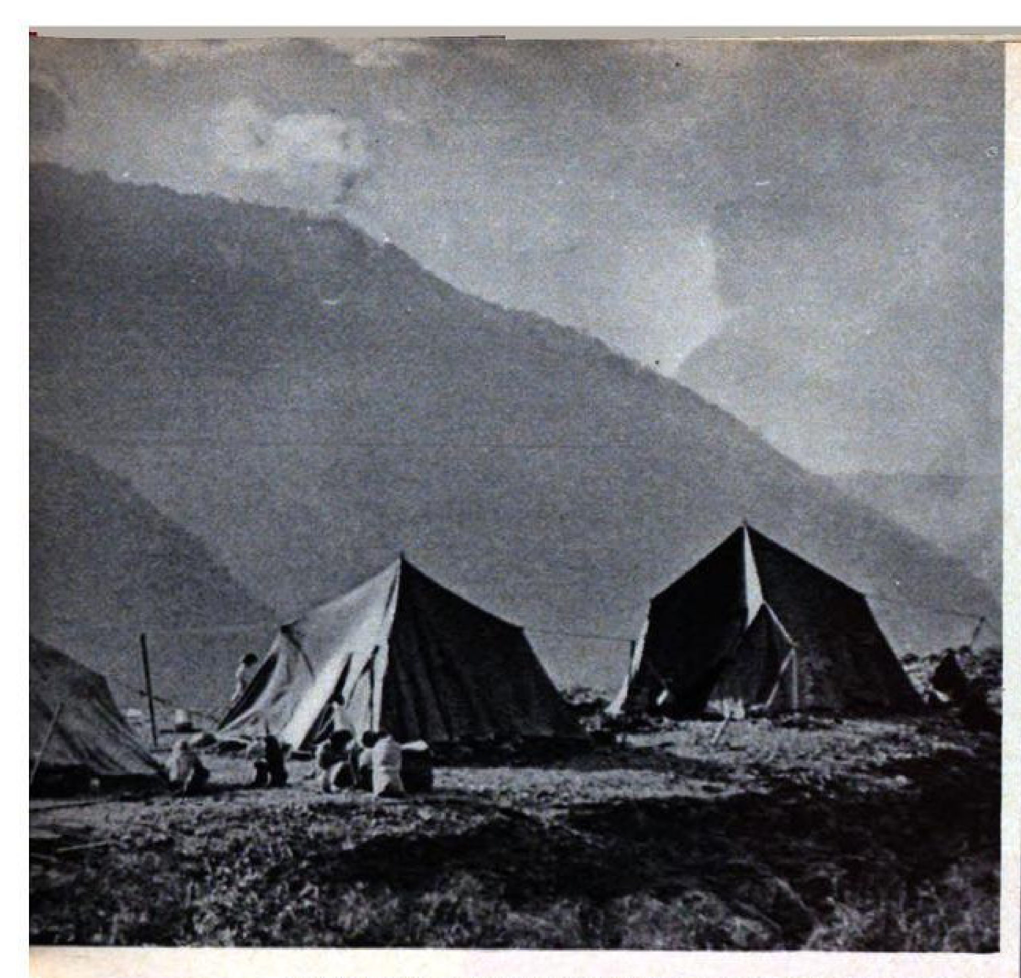
Столица автономной республики Махачкала серьезно не пострадала. Наутро после землетрясения махачкалинцы начали свой необычный рабочий день. Необычный потому, что, кроме будничных трудовых дел на заводах, фабриках, в учреждениях, у жителей города было и еще одно важнейшее дело: срочной помощи ждали аулы, пострадавшие от стихии.

Стихия... Да, она разбушевалась не на шутку. И все же люди оказались сильнее, чем она. Люди, их мужество, стойкость, дружба. В кумыкский аул Кумторкала на помощь поспешили аварцы и даргинцы. В аварское селение Чиркей — русские, строители Чиркейской ГЭС. Это было в первые же часы после того, как на Дагестан обрушилась беда. И в это же время в Москве, Куйбышеве и в других городах готовились к старту самолеты с палатками и медикаментами. Самолеты шли спецрейсом, вне расписания и вне очереди. По горным тропам двигались автоколонны с продовольствием из Закавказья и Ростова. Из Майкопа, Грозного и Москвы отправлялись специальные поезда. Вся страна с тревогой и волнением думала в те дни о далекой горной республике.

В Дагестан прибыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов. В обком партии звонили товарищи Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин. Для ликвидации последствий землетрясения были вы-

Школа разделила участь всех домов Кумторкалы.

Сегодня здесь палаточный городок, а вскоре вырастет новый аул.

А. НАГРАЛЬЯНА из района землетрясения.

делены необходимые средства, строительные материалы, продовольствие...

Такого землетрясения в Дагестане не было 140 лет. О причинах его еще скажут свое веское слово ученые, которые уже прибыли сюда. Во всяком случае, загадок оно загадало немало. Селение Ленинкент, например,— оно всего в шести километрах от Кумторкалы — почему-то абсолютно не пострадало. Топографам, наверное, придется пересмотреть карту республики: кое-где в Дагестане появились новые пропасти, кручи и даже новые подземные источники. Вдруг неожиданно исчезла река Сулак. Правда, эта загадка была разрешена быстро: оказалось, что путь реке преградил оползень. Образовавшееся таким образом большое водохранилище угрожало новой бедой: могло затопить строительный котлован Чиркейской ГЭС и близлежащие аулы. Сюда быстро были переправлены экскаваторы управления «Чиркейгэсстроя», однако здесь людям не пришлось вступать в борьбу с природой. Сулак размыл гигантскую преграду, и было восстановлено статус-кво.

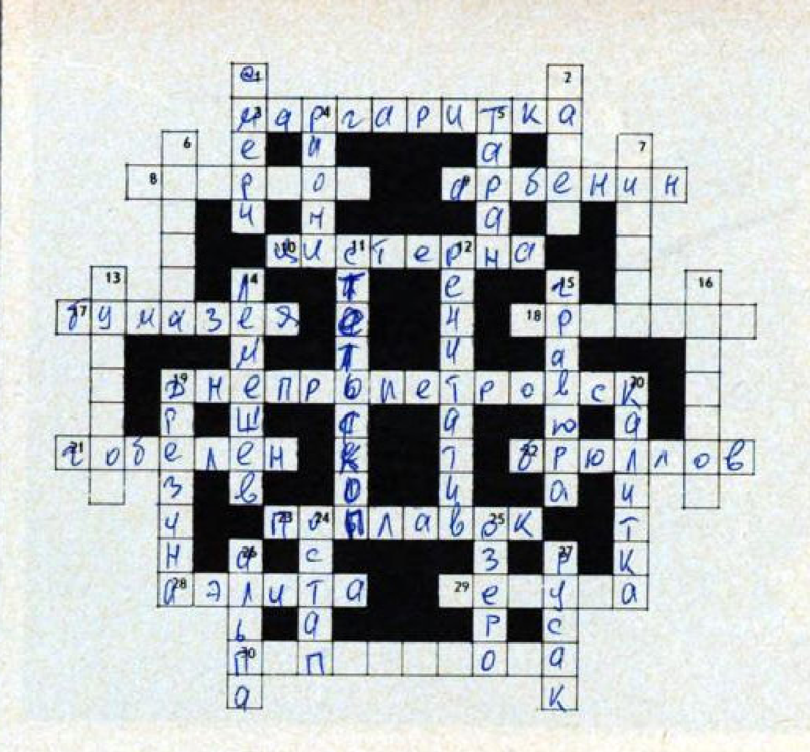
Не повторятся ли вновь подземные толчки в Дагестане, как это было в Ташкенте? Не готовит ли природа новую каверзу? Кто знает... Но живет горная республика, работают фабрики и заводы, трудятся колхозники на полях, заканчивают учебный год ребятишки в палаточных школах. Большая беда, большое несчастье. Горечь утрат... Да, это было. Но было и будет мужество, побеждающее стихию, дружба, которую не может сломить, даже пошатнуть никакая сила.

Почта работает исправно.

Государство выделило денежные средства пострадавшим.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Цветок. 8. Корабельный трос. 9. Действующее лицо драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад». 10. Большой резервуар для хранения жидкостей. 17. Хлопчатобумажная ткань. 18. Овощ. 19. Областной центр в УССР. 21. Стенной ковер. 22. Автор картины «Последний день Помпеи». 23. Часть рыболовной снасти. 28. Научно-фантастический роман А. Н. Толстого. 29. Малая планета. 30. Рассказ А. П. Чехова.

По вертикали: 1. Сильный вихрь. 2. Планка для рам и карнизов. 4. Река в Грузии. 5. Древнее осадное орудие. 6. Народная русская игра. 7. Возвышенность в Куйбышевской области. 11. Медицинский инструмент. 12. Напевная декламация. 13. Птица отряда гусиных. 14. Певец, народный артист СССР. 15. Оттиск рельефного рисунка. 16. Советский писатель. 19. Железнодорожная тележка. 20. Дверь в ограде, в воротах. 24. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». 25. Водное пространство. 26. Горная система в Европе. 27. Вид зайца.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали: 4. «Аппассионата». 7. Сантиметр. 8. Алатау. 12. Оцелот. 14. «Печенег». 15. Дарлинг. 16. Кактус. 18. Антарктида. 21. Тюлька. 23. Траншея. 24. Ильмень. 25. Казбек. 27. Брикет. 28. Рубильник. 29. Лексикология.

По вертикали: 1. «Саламбо». 2. Циферблат. 3. Антракт. 5. Фрагмент. 6. Бразилия. 9. Александрит. 10. Понедельник. 11. Кербабаев. 13. Баркарола. 16. Катет. 17. Слива. 19. Венгерка. 20. Мемориал. 22. Лазоревка. 25. Кутаиси. 26. Криптон.

На первой странице обложки: Таня Баклан — активистка псковской комсомолии. Она заканчивает городское музыкальное училище и станет музыковедом.

Фото Д. Ухтомского.

●

ОТ РЕДАКЦИИ

В нашем журнале № 16 (стр. 27) в материале Хорста Биттнера, Чрезвычайного и Полномочного посла ГДР в Москве, вторую строку следует читать: «Немецкий писатель Бертольт Брехт».

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

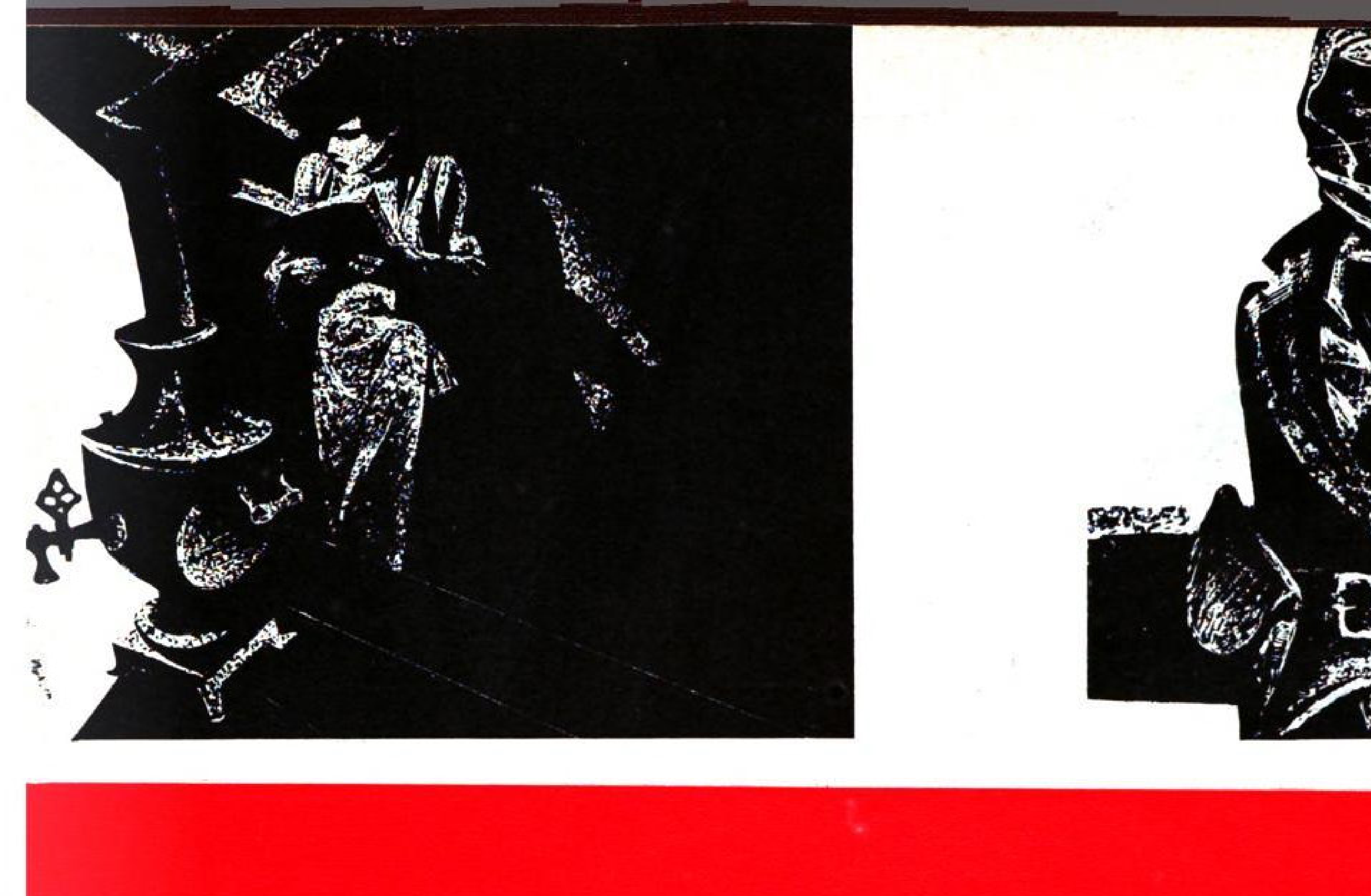
Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. И. ШУМАНА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото—253-39-04; Оформления—253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 12/V-70 г. А 00081. Подп. к печ. 26/V-70 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1115. Тираж 2 200 000 экз. Заказ № 1374.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

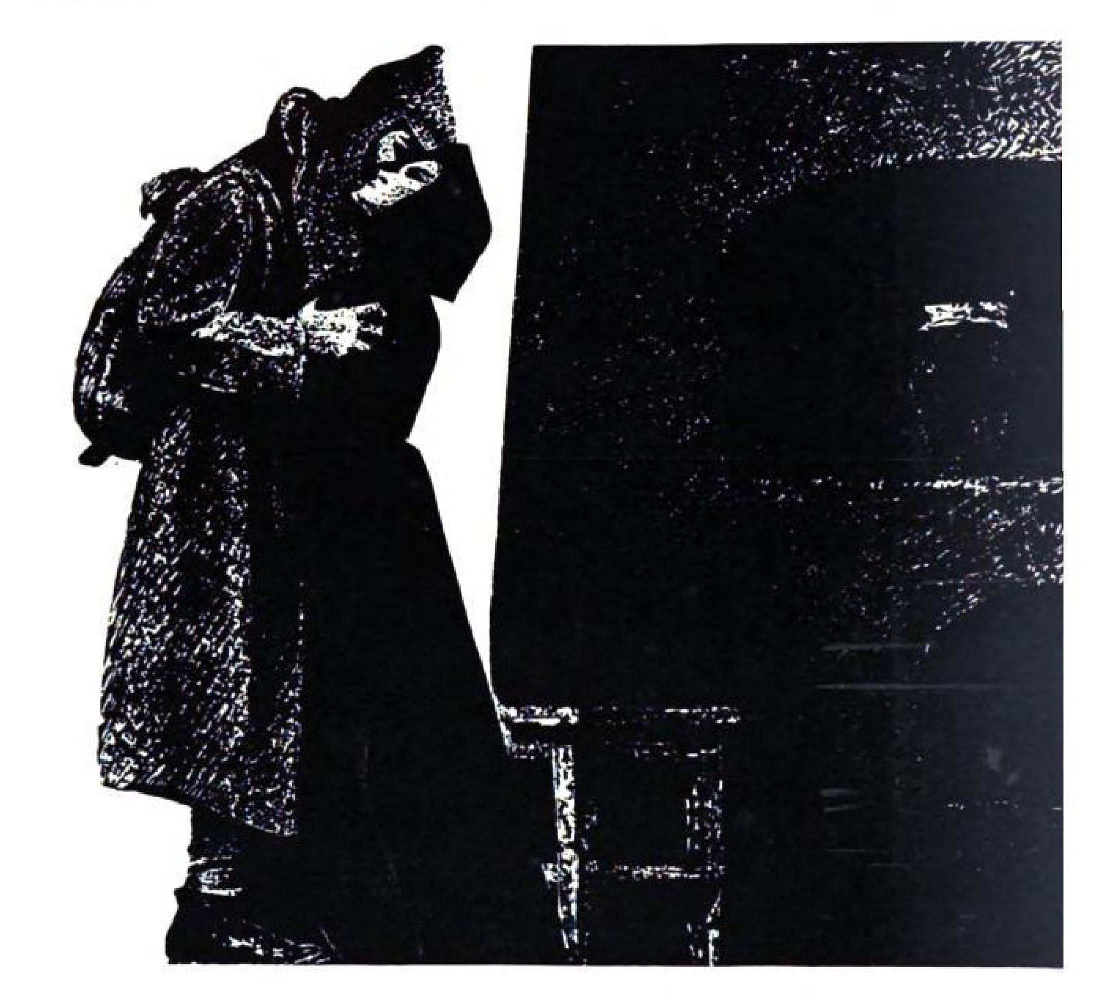

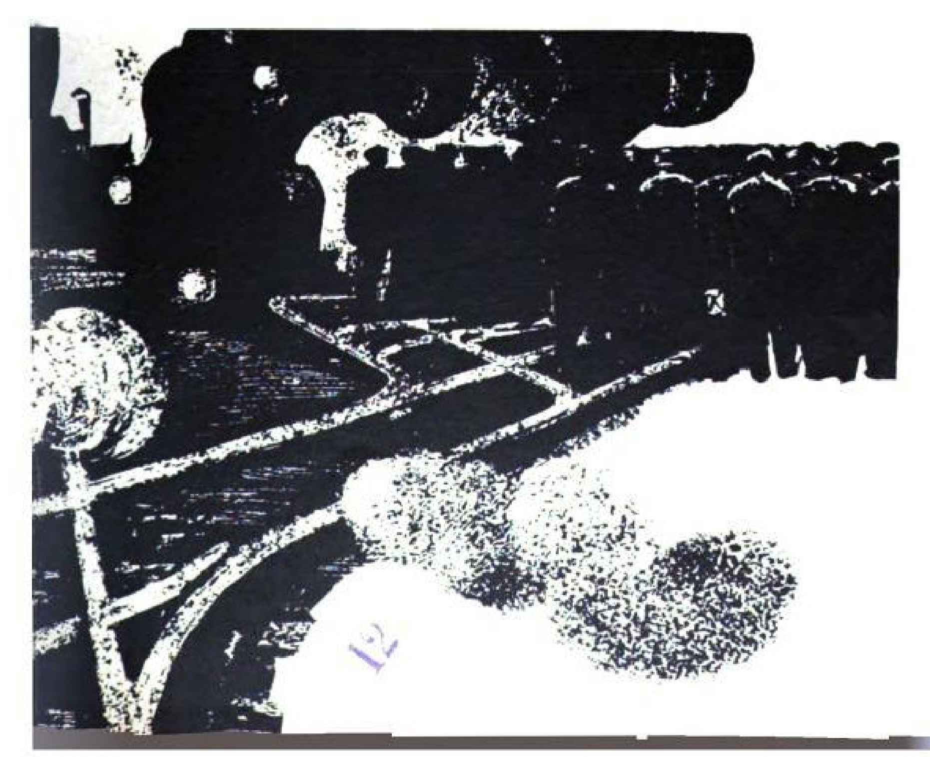
ГЕРОЯМ СВОБОДЫ

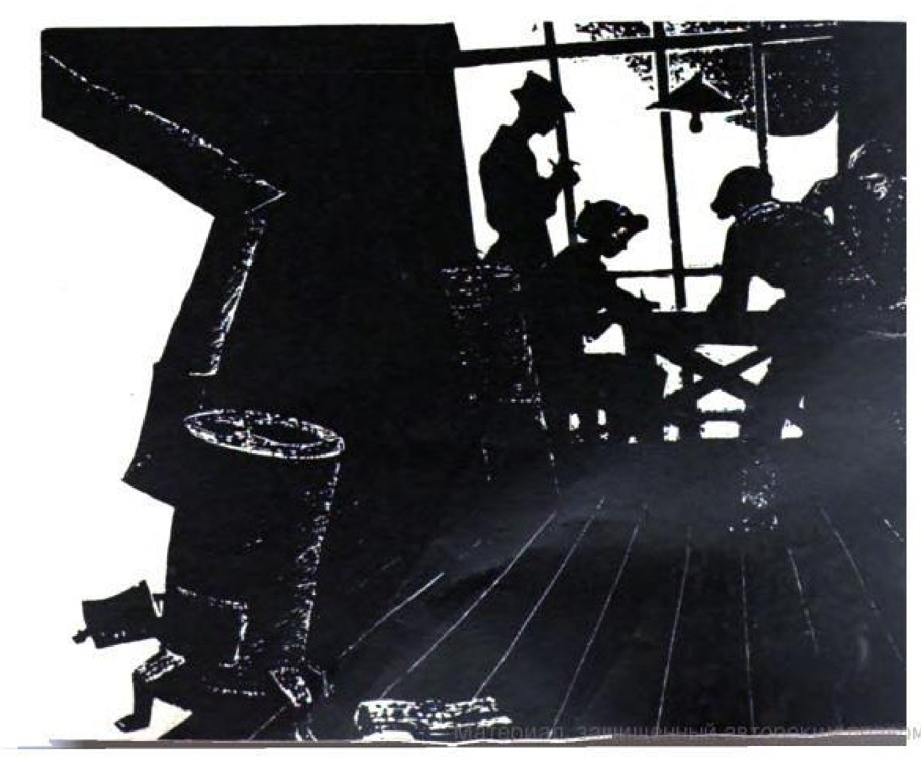

Этими иллюстрациями к выдающемуся произведению советской литературы «Как закалялась сталь» Николая Островского художник Савва Бродский завершил книжную графическую трилогию, посвященную борцам за свободу, над которой он работал несколько лет.

И впрямь, разве Спартак, Овод и Павка Корчагин не стоят рядом, плечом к плечу в одной прекрасной шеренге бессмертных героев? И художник говорит, что, работая над иллюстрациями к этим трем, любимым молодежью книгам, он не ощущал веков, разделявших описываемые в них события, потому что величие подвига во имя свободы объединяло образы трех героев, отдавших жизнь за счастье людей. Романтически-возвышенное настроение, которым проникнуты выполненные С. Бродским рисунки к «Спартаку» Р. Джованьоли, «Оводу» Э. Войнич, озаряет и суровые, поэтично строгие иллюстрации к роману писателя-коммуниста Николая Островского, чей герой Павка Корчагин победил в том великом бою за свободу, в котором сражались и пали его далекие предшественники.

Е. СТЕПАНОВА

Цена номера 30 коп. Индекс 70663.

ГЕРОИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА «ПЕРВАЯ ТРОЙКА ИЛИ ГОД 2001-й» В ЦЕНТРАЛЬНОМ ДЕТСКОМ ТЕАТРЕ.

Федя Дружинин — Е. Кузнецова.

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Сцены из спектакля.

